

Московский
Институт
Психоанализа

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПОЗНАНИЕ И ПЕРЕЖИВАНИЕ

ТОМ 5 • № 1

2024

ISSN 2782-2168 (Print)
ISSN 2782-2176 (Online)

Московский институт психоанализа
Moscow Institute of Psychoanalysis

Научный журнал
ПОЗНАНИЕ И ПЕРЕЖИВАНИЕ

Scientific journal
COGNITION & EXPERIENCE

Основан в 2020 году
Founded in 2020

Том 5 № 1
2024

Научный журнал «Познание и переживание» основан в 2020 году при участии исследователей из ведущих образовательных и научных организаций г. Москвы в сфере психологической науки и практики.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов ВАК по специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки).

Статьи зарегистрированы в системе Crossref и имеют цифровой идентификатор – DOI.

Главный редактор

Барабанщиков В. А. Московский институт психоанализа; МГППУ, Москва, Россия

Заместители главного редактора

Ананьева К. И. Московский институт психоанализа; ИП РАН, Москва, Россия

Шляпников В. Н. Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Ответственный секретарь

Волкова Т. В. Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Редакционная коллегия

Аверьянов А. И. Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Александров Ю. И. ИП РАН; МГППУ, Москва, Россия

Асмолов А. Г. МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Грачев А. А. ИП РАН, Москва, Россия

Демидов А. А. Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Карабущенко Н. Б. МИФИ, Москва, Россия

Карпов А. В. ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

Ковпак Д. В. СЗГМУ им. И. И. Мечникова, Санкт-Петербург, Россия

Куфтяк Е. В. Московский институт психоанализа; РАНХиГС, Москва, Россия

Лабунская В. А. ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия

Марцинковская Т. Д. РГГУ, Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Прохоров А. О. Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Самойленко Е. С. ИП РАН, Москва, Россия

Селиванов В. В. МГППУ, Москва, Россия

Солдатова Г. У. МГУ им. М. В. Ломоносова; Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Фахрутдинова Л. Р. Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Хащенко В. А. ИП РАН, Москва, Россия

Председатель редакционного совета

Сурат Л. И. Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета

Барабанщиков В. А. Московский институт психоанализа; МГППУ, Москва, Россия

Редакционный совет

Абульханова К. А. ИП РАН, Москва, Россия

Баттиани А. Институт Виктора Франкла, Вена, Австрия

Коварскис Л. Московский институт психоанализа, Москва, Россия; Финское психоаналитическое общество, Хельсинки, Финляндия

Лейбин В. М. Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Носуленко В. Н. ИП РАН, Москва, Россия

Обознов А. А. ИП РАН, Москва, Россия

Панов В. И. ПИ РАО, Москва, Россия

Скотникова И. Г. ИП РАН, Москва, Россия

Спиваковская А. С. МГУ им. М. В. Ломоносова; Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Editor-in-Chief

Barabanshikov V. A. Moscow Institute of Psychoanalysis; MSUPE, Moscow, Russia

Deputy Editors-in-Chief

Ananyeva K. I. Moscow Institute of Psychoanalysis; Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Shlyapnikov V. N. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Executive Secretary

Volkova T. V. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Editorial Board

Alexandrov Yu. I. Institute of Psychology, RAS; MSUPE, Moscow, Russia

Asmolov A. G. M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Averyanov A. I. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Demidov A. A. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Fakhrutdinova L. R. Kazan Federal University, Kazan, Russia

Grachev A. A. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Karabuschenko N. B. MEPHI, Moscow, Russia

Karpov A. V. P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Khashchenko V. A. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Kovpak D. V. N-W SMU named after I. I. Mechnikov, St Petersburg, Russia

Kuftyak E. V. Moscow Institute of Psychoanalysis; RANEPa, Moscow, Russia

Labunskaya V. A. SFEDU, Rostov-on-Don, Russia

Martsinkovskaya T. D. RSUH, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Prokhorov A. O. Kazan Federal University, Kazan, Russia

Samoylenko E. S. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Selivanov V. V. MSUPE, Moscow, Russia

Soldatova G. U. M. V. Lomonosov Moscow State University; Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Chairman of the Editorial Council

Surat L. I. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Deputy Chairman of the Editorial Council

Barabanshikov V. A. Moscow Institute of Psychoanalysis; MSUPE, Moscow, Russia

Editorial Council

Abulkhanova K. A. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Batthyány A. Viktor Frankl Institute, Vienna, Austria

Kovarskis L. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia; Finnish Psychoanalytic Association, Helsinki, Finland

Leibin V. M. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Nosulenko V. N. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Oboznov A. A. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Panov V. I. Psychological Institute, RAE, Moscow, Russia

Skotnikova I. G. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Spivakovskaya A. S. M. V. Lomonosov Moscow State University; Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Черепанов А.С., Митасова Е.В., Сибгатуллин А.Ф.

Особенности совладающего поведения курсантов
военного вуза с разным уровнем учебной успеваемости 7

Демина В.А., Ананьева К.И.

Индивидуальные особенности восприятия
ситуаций кибербуллинга 18

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

Розин В.М.

Возвращаясь к полемике философов
о слепоглухонемоте 44

ЛОГОМАРОФОН

Теедемаа А.

Формирование ноэтического измерения у детей
через детскую литературу 61

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Коварскис Л.

О психодинамике влечения сплочения-разделения 71

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Никитин И.Ю.

О компенсаторной функции фантазирования 85

CONTENTS

PERSONALITY PSYCHOLOGY

Cherepanov A.S., Mitasova E.V., Sibgatullin A.F.

Features of coping behavior of military university cadets
with different levels of academic performance 7

Demina V.A., Ananyeva K.I.

Individual characteristics of the perception
of cyberbullying situations 18

PHILOSOPHY AND PSYCHOLOGY

Rozin V.M.

Returning to the philosophers' polemic about
deafblindness (arguments from the «limited liability methodology») 44

LOGOMARATHON

Teedemaa A.V.

Formation of the noetic dimension in children
through children's literature. 61

PSYCHOANALYTIC PORTAL

Kovarskis L.

About the psychodynamics of attraction cohesion-separation 71

ANALYTICAL NOTES

Nikitin I.Yu.

About the compensatory function of fantasy 85

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА С РАЗНЫМ УРОВНЕМ УЧЕБНОЙ УСПЕВАЕМОСТИ

ЧЕРЕПАНОВ А.С.^а, МИТАСОВА Е.В.^а, СИБГАТУЛЛИН А.Ф.^б

^а Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ,
Москва, Россия

^б Психологическая служба ВС РФ, Санкт-Петербург, Россия

В данной работе представлены результаты исследования взаимосвязи учебной успеваемости курсантов военного вуза и реализуемых ими стратегий совладающего поведения. Было установлено, что достигать высокой учебной успеваемости курсантам позволяют стратегии совладающего поведения на основе выстраивания взаимодействия с другими людьми, рационального планирования разрешения трудностей и позитивного отношения к ним. Полученные результаты позволили описать полюсные особенности совладающего поведения курсантов, способствующие и препятствующие высокой учебной успеваемости.

Ключевые слова: курсанты военных вузов, стресс, совладающее поведение, копинг, учебная успеваемость.

Для цитаты: Черепанов А.С., Митасова Е.В., Сибгатуллин А.Ф. Особенности совладающего поведения курсантов военного вуза с разным уровнем учебной успеваемости // Познание и переживание. 2024. – Т. 5. – № 1. – С.07-17. doi: 10.51217/cogexp_2024_05_01_01

Для контактов: Черепанов А.С., a.cherepanow@yandex.ru

FEATURES OF COPING BEHAVIOR OF MILITARY UNIVERSITY CADETS WITH DIFFERENT LEVELS OF ACADEMIC PERFORMANCE

CHEREPANOV A.S. A, MITASOVA E.V. A, SIBGATULLIN A.F. B

^а Military University named after Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

^б Psychological Service of the Armed Forces of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia

This article presents the results of a study of the relationship between the academic performance of military university cadets and the coping strategies they implement. It was found that strategies of coping behavior based on building interaction with other people,

rational planning for solving difficulties and a positive attitude towards them allow cadets to achieve high academic performance. The results obtained made it possible to describe the features of the coping behavior of cadets, contributing to and hindering high academic performance.

Keywords: cadets of military universities, stress, coping, academic performance

For citation: *Cherepanov A.S., Mitasova E.V., Sibgatullin A.F.* Features of coping behavior of military university cadets with different levels of academic performance // *Poznanie i perezhivanie [Cognition and Experience]*. 2024. – V. 5. – № 1. – P. 07–17. doi: 10.51217/cogexp_2024_05_01_01 (in Russ.).

Corresponding author: Cherepanov A.C., a.cherepanow@yandex.ru

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Профессиональная подготовленность выпускников военных вузов является одной из приоритетных задач военного строительства, и система высшего образования Министерства обороны обеспечивает непрерывную подготовку офицерских кадров. При этом деятельность курсанта военно-учебного заведения является многоаспектной и включает в себя не только образовательную составляющую, но и выполнение задач воинского подразделения (несение службы в суточном наряде, участие в гарнизонных мероприятиях и т.п.), что позволяет констатировать повышенную нагрузку на обучающихся военного вуза. В таких обстоятельствах представляется актуальным вопрос о способности субъекта осуществлять учебную деятельность в подобных условиях с высоким уровнем качества, находящим отражение в показателях учебной успеваемости.

В связи с вышеизложенным, целью настоящего исследования явилось изучение особенностей совладающего поведения, проявляющегося в различных копинг-стратегиях, реализуемых курсантами при осуществлении учебной деятельности.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАБОТЫ

На формирование концепции настоящего исследования определяющее влияние оказали: взгляды о субъектной характеристике личности (Брушлинский, 1991), концепция копинг-стратегий (Лазарус, 1966; Фолкман, 1979), концепция совладающего с жизненными трудностями поведения (Крюкова, 2008; Нартова-Бочавер, 1997), положения, отражающие проблематику успешности обучения (Ананьев, 1980; Мешков, 1991).

Обобщение данных взглядов позволило сформулировать ряд тезисов, лежащих в основе модели исследования:

– курсантом военно-учебного заведения осуществляется учебная деятельность, ориентированная на достижение цели (степень достижения цели объективируется посредством учебной успеваемости);

– учебная деятельность курсанта военно-учебного заведения осуществляется в обстоятельствах влияния стресс-факторов организационно-служебных условий деятельности. Так, курсанты военно-учебных заведений, помимо собственно

учебной деятельности, вовлечены в повседневную деятельность курсантских подразделений, которые могут вносить элементы неопределенности, непредсказуемости в учебный процесс: попадет ли курсант на то или иное занятие или пропустит его вследствие несения службы в суточных нарядах, участия в гарнизонных мероприятиях и т.п. Возникает необходимость в таких случаях корректировать учебную деятельность: наверстывать материал, самостоятельно проходить формы рубежного контроля и т.д., или же можно игнорировать сложившуюся ситуацию;

– сталкиваясь со стресс-факторами среды, личность реагирует на них тревогой. Уровень этой тревоги зависит от такого свойства, как личностная тревожность. А способность справиться с тревожностью обуславливается уровнем интегративного образования – стрессоустойчивостью личности. Первичная реакция определяется личностной тревожностью, а общая способность справиться с тревожностью зависит от уровня стрессоустойчивости;

– личность курсанта необходимо рассматривать в качестве активного саморегулируемого субъекта, который в рамках индивидуальной учебной деятельности может управлять своими действиями в целях повышения ее результативности, исходящей из уровней личностной тревожности и стрессоустойчивости. Это позволяет поставить вопрос о стратегиях совладающего поведения в сложных ситуациях деятельности. Таким образом, учебная деятельность, ориентированная на достижение цели, опосредуется совладающим со стрессом поведением курсанта, направленным на повышение адаптации личности к среде.

Данные положения легли в основу исследовательской модели особенностей совладающего поведения у курсантов военного вуза с разным уровнем учебной успеваемости (см. Рис. 1).

Рис. 1. Исследовательская модель особенностей совладающего поведения курсантов военного вуза с разным уровнем учебной успеваемости

Таким образом, курсант осуществляет учебную деятельность в условиях стресс-факторов организационно-служебной жизнедеятельности, исходя из того, какими уровнями личностной тревожности и стрессоустойчивостью он обладает, при этом выбор наиболее конструктивного способа совладающего поведения может обеспечивать учебную успеваемость обучающегося, позволяя приспособиться к специфическим условиям военного вуза.

МЕТОД

В соответствии с разработанной исследовательской моделью, для сбора эмпирического материала были выбраны следующие методики: «Опросник совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман (в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой); «Шкала тревоги Ч. Спилбергера» (в адаптации Ю.Л. Ханина); «Краткая шкала стрессоустойчивости» (Е.В. Распопина). Все сырые баллы были приведены к единой стандартной единице измерений – стевы. Учебная успеваемость оценивалась на основе метода анализа документов на материале данных, зафиксированных в журналах учебной успеваемости учебных групп и учебных карточках курсантов.

В исследовании приняли участие 82 курсанта одного из военных вузов России. Диапазон возрастных границ испытуемых составил от 21 до 31 года, средний возраст составил 24 года. Выборка гомогенна по половому признаку – мужчины.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для удобства анализа данных по учебной успеваемости выборка была разделена на три группы: лица, имеющие преимущественно удовлетворительные оценки (уровень успеваемости «удовлетворительно»), лица, имеющие преимущественно хорошие оценки (уровень успеваемости «хорошо»), лица, имеющие преимущественно отличные оценки (уровень успеваемости «отлично»). Распределение выборки по указанным группам представлено на Рисунке 2.

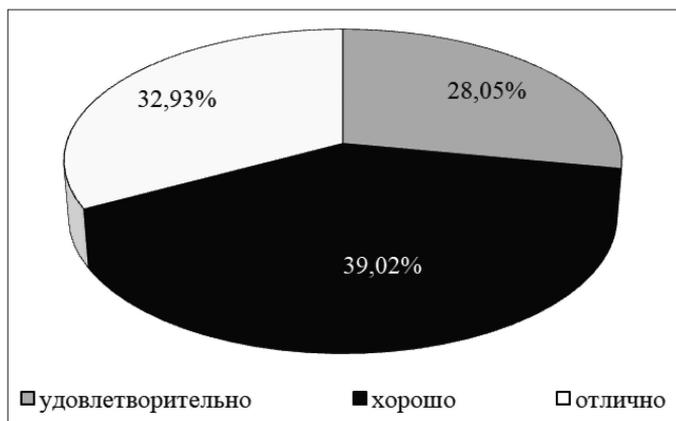

Рис. 2. Распределение выборки по уровню учебной успеваемости

Представленные данные свидетельствуют, что выборка по выделенным группам учебной успеваемости распределена довольно равномерно.

В соответствии с исследовательской моделью, индивидуально-психологическими особенностями, позволяющими нивелировать влияние стресса на учебную успеваемость, были избраны: уровень личностной тревожности и стрессоустойчивость.

Распределение выборки по данным критериям представлено на рисунках 3 и 4.

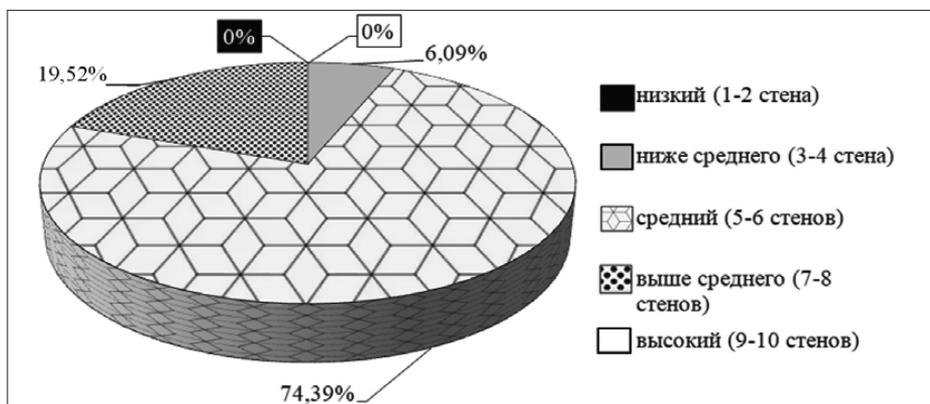

Рис. 3. Распределение выборки по уровню личностной тревожности

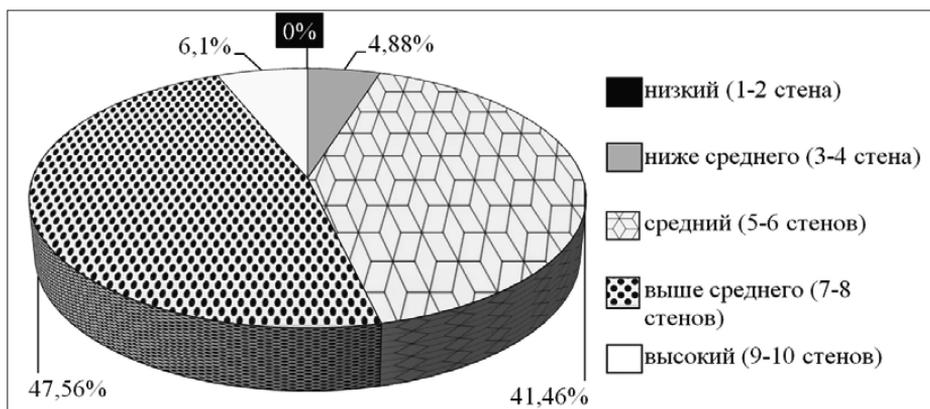

Рис. 4. Распределение выборки по уровню стрессоустойчивости

Из представленных данных следует, что в данной выборке в наибольшей мере представлены курсанты, обладающие средним уровнем тревожности и стрессоустойчивости.

Представляется уместным утверждение о том, что наибольшее давление со стороны стресс-факторов организационно-служебных условий жизнедеятельности испытывают курсанты, которые не могут нивелировать свои дейст-

вия за счет личностных особенностей, таких как достаточно низкий уровень тревожности и высокий уровень стрессоустойчивости. Именно эти курсанты, для того чтобы справиться со стрессом, вынуждены прибегать к личностно выраженным копинг-стратегиям.

Таким образом, для реализации цели работы представляет интерес анализ копинг- стратегий курсантов, показавших повышенный уровень тревожности (относительно выборки – это средний и выше) и пониженный уровень выраженности стрессоустойчивости (относительно выборки – это средний и ниже), при этом – различный уровень успеваемости.

В целях выявления особенностей копинг-стратегий представляется целесообразным осуществить сравнение испытуемых по изучаемым критериям, показавшим удовлетворительный и отличный уровень успеваемости как плюсовых по отношению к друг к другу в изученной выборке по критерию «учебная успеваемость».

Таким образом, из полученной изначально выборки были выделены следующие подгруппы:

а) относительно тревожности и успеваемости:

– испытуемые, показавшие повышенный уровень тревожности, имеющие преимущественно отличные оценки (категория учебной успеваемости «отлично»);

– испытуемые, показавшие повышенный уровень тревожности, имеющие преимущественно удовлетворительные оценки (категория учебной успеваемости «удовлетворительно»);

б) относительно стрессоустойчивости и успеваемости:

– испытуемые, показавшие сниженный уровень стрессоустойчивости, имеющие преимущественно отличные оценки (категория учебной успеваемости «отлично»);

– испытуемые, показавшие сниженный уровень стрессоустойчивости, имеющие преимущественно удовлетворительные оценки (категория учебной успеваемости «удовлетворительно»).

Степень выраженности реализуемых копинг-стратегий курсантами с повышенным уровнем тревожности, имеющим «удовлетворительный» и «отличный» уровень учебной успеваемости, представлена на рисунке 5 (здесь и далее представлены копинг-стратегии, имеющие по результатам математико-статистического анализа значимые различия).

Анализ значимости различий¹ показал, что курсанты, имеющие по итогам учебной деятельности преимущественно отличные оценки, значимо чаще используют такие типы копинг-стратегий, как «поиск социальной поддержки» (при $p=0,016<0,05$), «планирование решения проблемы» (при $p=0,049\leq 0,05$), «положительная переоценка» (при $p=0,048\leq 0,05$), и значимо реже «бегство-избегание» (при $p=0,008<0,01$) по сравнению с курсантами, имеющими преимущественно удовлетворительные оценки. Выраженность других копинг-страте-

¹ В связи с тем, что полученные данные измерены в порядковой шкале, использовался U-критерий Мана-Уитни.

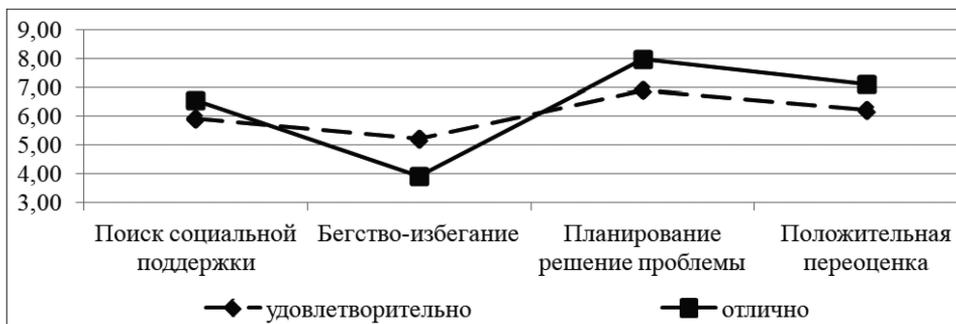

Рис. 5. Степень выраженности реализуемых копинг-стратегий курсантами со средним и выше уровнем тревожности, имеющим «удовлетворительный» и «отличный» уровень учебной успеваемости

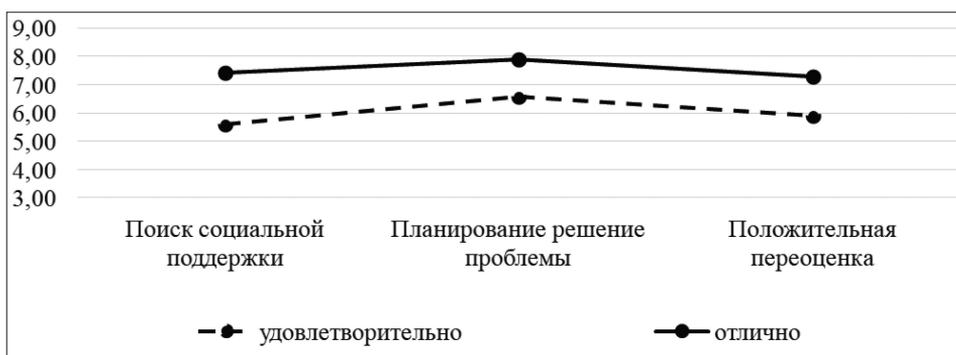

Рис. 6. Степень выраженности реализуемых копинг-стратегий курсантами со средним и ниже уровнем стрессоустойчивости, имеющим «удовлетворительный» и «отличный» уровень учебной успеваемости

гий в изучаемых группах различается незначимо. При этом средний уровень тревожности в сравниваемых группах различается незначительно.

Степень выраженности реализуемых копинг-стратегий курсантами со сниженным уровнем стрессоустойчивости, имеющим «удовлетворительный» и «отличный» уровень учебной успеваемости, представлена на Рисунке 6.

Анализ значимости различий показал, что курсанты, имеющие по итогам учебной деятельности преимущественно отличные оценки, значимо чаще используют такие типы копинг-стратегий, как «поиск социальной поддержки» (при $p=0,00 < 0,05$), «планирование решения проблемы» (при $p=0,049 \leq 0,05$), «положительная переоценка» (при $p=0,029 \leq 0,05$), по сравнению с курсантами, имеющими преимущественно удовлетворительные оценки. Выраженность других копинг-стратегий в изучаемых группах различается незначимо. При этом средний уровень стрессоустойчивости в сравниваемых группах различается незначительно.

Обобщение полученных данных позволяет говорить о том, что более высокой учебной успеваемости способствуют такие копинг-стратегии, как «поиск

социальной поддержки», «планирование решения проблемы», «положительная переоценка». Именно данные копинг-стратегии позволяют нивелировать влияние таких личностных особенностей, как повышенная тревожность и сниженная стрессоустойчивость. Также повышенную тревожность позволяет нивелировать более редкое использование стратегии «бегство-избегание», а соответственно, принятие стратегии активного разрешения возникающих трудностей.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

На основании обобщения полученных в рамках проведенного эмпирического исследования данных могут быть описаны полюсные особенности совладающего поведения курсантов, способствующие и препятствующие высокой учебной успеваемости (см. таблицу 1).

Таблица 1

Особенности совладающего поведения курсантов, позволяющие добиваться высокой учебной успеваемости

Копинг-стратегии, СПОСОБСТВУЮЩИЕ высокой учебной успеваемости	Копинг-стратегии, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ высокой учебной успеваемости
Привлечение социальных ресурсов (взаимодействие с другими людьми) в целях получения информационной, эмоциональной и действенной поддержки.	Склонность рассчитывать только на свои силы в разрешении трудных ситуаций.
Целенаправленный анализ ситуации и возможных вариантов поведения с учетом объективных условий, сформированного личного опыта и доступных ресурсов.	Импульсивные попытки разрешения проблемы.
Рассмотрение трудной ситуации в качестве фактора личностного роста и возможностей для саморазвития.	Сосредоточение на негативных сторонах трудной ситуации, переживание ее как лишшающую возможностей личностного роста и саморазвития.
Преодоление личностной тревожности на основе активных действий по разрешению возникшей трудной ситуации.	Преодоление личностной тревожности на основе реагирования по типу уклонения: отрицание проблемы, уклонение от ответственности и действий по разрешению трудных ситуаций, прокрастинации и т.п.

Таким образом, в напряженных условиях учебной деятельности военного вуза достигать высокой учебной успеваемости позволяют стратегии совладающего поведения на основе выстраивания взаимодействия с другими людьми, рационального планирования разрешения трудностей и позитивного отношения к ним.

Следует отметить, что полученные данные согласуются с результатами ранее опубликованных исследований в части того, что в целом проактивное копинг-поведение способствует более высокой учебной успеваемости (см. например, Дьячук и др., 2022; Мороз, Кучина, 2017; Головинский и др., 2017).

В то же время в настоящем исследовании были получены и новые, не описанные в других исследованиях данные о том, что привлечение социальных ресурсов к разрешению трудных ситуаций для курсантов военно-учебных заведений более эффективно по сравнению со склонностью рассчитывать только на свои силы. Вероятно, это связано с коллективным характером воинского труда и многих обязанностей военной службы.

При этом данный вывод отличается от выводов, сделанных в других подобных исследованиях (например, Головинский и др., 2017, Писарчук, 2023), в которых не был учтен фактор личностных особенностей (таких, например, как личностная тревожность и уровень стрессоустойчивости), в связи с чем, вероятно, влияние неучтенных переменных, что удалось учесть при организации настоящего исследования.

ВЫВОД

Проведенное исследование позволило выделить особенности совладающего поведения курсантов, способствующие и препятствующие высокой учебной успеваемости. К первой группе относятся стратегии на основе выстраивания взаимодействия с другими людьми, рационального планирования разрешения трудностей и позитивного отношения к ним; ко второй – на основе эгоцентричности, импульсивности, фокусирования на негативных сторонах трудных ситуаций; а также преодоление личностной тревожности на основе реагирования по типу уклонения. Результаты настоящего исследования могут использоваться должностными лицами военных вузов в целях организации работы по повышению учебной успеваемости курсантов.

Литература

- Ананьев Б.Г.* Психология педагогической оценки / Б.Г. Ананьев // Избранные психологические труды: В 2 т. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1980. – С. 129-267.
- Брушлинский А.В.* Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. 1993. – Т. 14. – № 6. – С. 3-15.
- Головинский А.А., Карандашов В.Д., Муша В.И.* Использование копинг-поведения курсантами в учебной и служебной деятельности // XX Вишняковские чтения. Вузовская наука: условия эффективности социально-экономического и культурного развития региона: материалы международной научной конференции, Бокситогорск, 23 марта 2017 года. – Бокситогорск: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. – 2017. – С.80-84.
- Дьячук А.А., Бочарова Ю.Ю., Климацкая Л.Г., Шпаков А.И.* Особенности совладающего поведения студентов с различной академической успешностью // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). - 2022. – № 2(60). – С.132-150. doi: 10.25146/1995-0861-2022-60-2-339

- Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения: современное состояние, проблемы и перспективы // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2008. – №4. – С.147-153.
- Лазарус Р.* Теория стресса и психофизиологические исследования // По кн. Эмоциональный стресс. Физиологические и психологические реакции. Медицинские, промышленные и военные последствия стресса / Под ред. Л. Леви. – Л.: Медицина, Ленинградское отделение, 1970. – 200с.
- Мешков Н.И.* Психолого-педагогические факторы академической успеваемости. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1991. – 84 с.: ил.; 20 см.; ISBN 5-7103-0055-1.
- Мороз Т.С., Кучина Т.И.* Психологические особенности, влияющие на академическую успешность обучения студентов в вузе // Известия Тульского государственного университета. Педагогика. – 2017. – № 4. – С.75-81.
- Нартова-Бочавер С.К.* «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18. – № 5. – С.20-30.
- Писарчук Т.М.* Копинг-стратегии и академическая успешность курсантов // Современная психология и педагогика: проблемы и решения: сборник статей по материалам LXVII международной научно-практической конференции, Новосибирск, 15 февраля 2023 года. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Сибирская академическая книга». – 2023. – Т. 2 (64). – С.107-111.

References

- Ananyev B.G.* Psychology of pedagogical assessment [Text] / B.G. Ananyev // Selected psychological works: In 2 vols. - Vol. 2. – М.: Pedagogy, 1980. - P. 129-267.
- Brushlinsky A.V.* The problem of the subject in psychological science / Psychological Journal. – 1991. – Vol. 12. – No. 6. – P. 3-11.
- Golovinsky A. A., Karandashov V. D., Musha V. I.* The use of coping behavior by cadets in educational and official activities // XX Vishnyakov readings. University science: conditions for the effectiveness of socio-economic and cultural development of the region: materials of the international scientific conference, Boksitogorsk, March 23, 2017. – Boksitogorsk: A.S. Pushkin Leningrad State University. – 2017. – P. 80-84.
- Dyachuk A. A., Bocharova Yu. Yu., Klimatskaya L. G., Shpakov A. I.* Features of coping behavior of students with various academic success // Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Bulletin of the KSPU). – 2022. – № 2(60). – P. 132-150. doi: 10.25146/1995-0861-2022-60-2-339.
- Kryukova T.L.* Psychology of coping behavior: current state, problems and prospects // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. – 2008. – No.4. – P. 147-153
- Lazarus R.* Theory of stress and psychophysiological research // Emotional stress. – L.: Lenizdat, 1970. – 200 p.

- Meshkov N.I.* Psychological and pedagogical factors of academic performance. – М.: Publishing House of Moscow. Unita, 1991. – 84 p.
- Moroz T. S., Kuchina T.I.* Psychological features influencing the academic success of students' education at the university // *Izvestiya Tula State University. Pedagogy.* – 2017. – No. 4. – P. 75-81.
- Nartova-Bochaver S.K.* «Copying behavior» in the system of concepts of personality psychology // *Psychological Journal.* – 1997. – Vol. 18. – No. 5. – P. 20-30.
- Pisarchuk T. M.* Coping strategies and academic success of cadets // *Modern psychology and pedagogy: problems and solutions: a collection of articles based on the materials of the LXVII International scientific and practical conference, Novosibirsk, February 15, 2023.* – Novosibirsk: Siberian Academic Book Limited Liability Company. – 2023. – Vol. 2 (64). – P. 107-111.

Информация об авторах

Черепанов Александр Сергеевич, доцент кафедры психологии «Военного университета имени князя Александра Невского» МО РФ, кандидат психологических наук, доцент, Москва, Россия, e-mail: a.cherepanow@yandex.ru

Митасова Елена Владимировна, доцент кафедры психологии «Военного университета имени князя Александра Невского» МО РФ, кандидат психологических наук, доцент, Москва, Россия, e-mail: evmitasova@gmail.com

Сибгатуллин Айрат Фанисович, специалист Психологической службы ВС РФ, Санкт-Петербург, Россия

Information about the authors

Cherepanov Alexander S., Associate Professor of the «Military University named after Alexander Nevsky» of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Dr. Sci (Psychology), Moscow, Russia. ORCID: 0000-0003-3961-4467, e-mail: a.cherepanow@yandex.ru

Mitasova Elena V., Associate Professor of the «Military University named after Alexander Nevsky» of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Dr. Sci (Psychology), Moscow, Russia. ORCID: 0000-0002-4811-9014, e-mail: evmitasova@gmail.com

Sibgatullin Airat F., employee of the Psychological Service of the Armed Forces of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Получена: 28.02.2024

Принята в печать: 01.03.2024

Received: 28.02.2024

Accepted: 01.03.2024

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СИТУАЦИЙ КИБЕРБУЛЛИНГА

ДЕМИНА В.А.^а, АНАНЬЕВА К.И.^{а, б}

^а Московский институт психоанализа,
Москва, Россия

^б Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

В статье рассматриваются индивидуальные особенности восприятия кибербуллинга. Освещены основные теоретические аспекты кибербуллинга: специфика кибербуллинга, личные особенности и предикторы кибербуллинга. Представлены результаты теоретического и эмпирического исследования восприятия ситуаций кибербуллинга людьми с учетом их личностных характеристик. В центре внимания исследования была поставлена проблема раскрытия специфики восприятия кибербуллинга взрослыми людьми. Было показано, что социально-демографические характеристики, такие как пол, возраст и индивидуальные особенности, наличие опыта кибербуллинга, наличие травматического опыта в прошлом, уровень когнитивной и аффективной эмпатии – оказывают влияние на восприятие ситуаций кибербуллинга. Основные выводы исследования показали, что мужчины и женщины могут по-разному относиться к ситуациям кибербуллинга, причем возраст, опыт кибербуллинга и уровень эмпатии также оказывают существенное влияние на различие восприятия подобных ситуаций.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, жертва, агрессор, свидетель, цифровая среда, онлайн-растормаживание, эмпатия.

Финансирование. Работа выполнена в рамках госзадания ИП РАН «Познавательные процессы в экологически валидных контекстах» № 0138-2024-0012

Для цитаты: Демина В.А., Ананьева К.И. Индивидуальные особенности восприятия ситуаций кибербуллинга // Познание и переживание. 2024. – Т. 5. – № 1. – С. 18-43
doi: 10.51217/cogexp_2024_05_01_02

Для контактов: Демина В.А., deminaviktoria@gmail.com

INDIVIDUAL PECULIARITIES OF PERCEPTION OF CYBERBULLYING SITUATIONS

DEMINA V.A.^а, ANANYEVA K.I.^{а, б}

^а Moscow Institute of Psychoanalysis,
Moscow, Russia

^б Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The article examines individual characteristics of the perception of cyberbullying. The main theoretical aspects of cyberbullying are covered: the specifics of cyberbullying, personal characteristics and predictors of cyberbullying. The results of a theoretical and empirical study of

people's perception of cyberbullying situations taking into account their personal characteristics are presented. The focus of the study was on the problem of revealing the specifics of the perception of cyberbullying by adults. It has been shown that socio-demographic characteristics such as gender, age and individual characteristics such as: experience of cyberbullying, presence of traumatic experience in the past, level of cognitive and affective empathy influence the perception of cyberbullying situations. The main findings of the study showed that men and women may have different perceptions of cyberbullying situations, with age, experience of cyberbullying and level of empathy also having a significant impact on differences in perception of such situations.

Key words: bullying, cyberbullying, victim, aggressor, witness, digital environment, on-line disinhibition, empathy.

Financing. The work was carried out within the framework of the state assignment of the IP RAS "Cognitive processes in ecologically valid contexts" No. 0138-2024-0012

For citation: Demina V.A., Ananyeva K.I. Individual characteristics of the perception of cyberbullying situations // Cognition and experience. 2024. – Т. 5. – No. 1. – P. 18–43. doi: 10.51217/cogexp_2024_05_01_02

For contacts: Demina V.A., deminaviktoria@gmail.com

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе с развитой цифровой коммуникацией по результатам отчета Digital 2023 Global Overview 89% населения РФ используют интернет. Общее время использования интернета в день составляет 7 часов 58 минут. 73,3% населения являются пользователями социальных сетей. На начало 2023 года среднее время, которое владельцы Android-устройств проводили в приложениях, составило – 17,2 ч/мес.

С увеличением времени, проведенном в интернете, увеличиваются и онлайн-риски. Одним из наиболее серьезных онлайн-рисков является «кибербуллинг».

Кибербуллинг (от англ. cyberbullying – травля в интернете) – целенаправленный и повторяющийся вред, наносимый с использованием компьютеров, смартфонов и других электронных устройств (Хломов, Давыдов, Бочавер, 2019).

Билл Бэлси определяет кибербуллинг как использование информационных и коммуникативных технологий (например, электронной почты, личных интернет-сайтов) для намеренного, неоднократного и враждебного поведения лица или группы, направленного на оскорбление людей (Belsey, 2008).

Многие исследования говорят о негативном влиянии кибербуллинга на психическое и физическое здоровье человека. Виктимизация от кибербуллинга вызывает: повышенный стресс, тревожность, депрессивные расстройства, гнев, проблемы со сном, снижение самооффективности и самоуважения. Постоянное наблюдение за травлей в онлайн-сети может привести к потере чувствительности в отношении чувств других людей, а также к закреплению деструктивных форм поведения за счет осознания безнаказанности и анонимности в онлайн-среде.

Результаты аналитического обзора ВЦИОМ в 2021 году показали: по мнению 42% российских интернет-пользователей, за последние пять лет в отечественном сегменте интернета стало больше оскорбительных постов и комментариев. 27% полагают, что их число не изменилось, а 9% ответили, что их стало меньше. Россияне сталкивались со следующими проявлениями травли в интернете: 10% получали в свой адрес грубые комментарии (49% встречали подобное по отношению к другим людям), 7% страдали от троллинга и злых насмешек в свой адрес (39% знают о таких случаях), 6% получали оскорбления из-за пола, возраста или взглядов (34% встречали подобное в адрес других людей), в отношении 5% распространялись оскорбительные слухи (31% были свидетелями подобных ситуаций), 3% получали угрозы насилия в свой адрес (21% видели подобное по отношению к другим людям), 2% были жертвой публикации приватной информации, интимных фотографий или видео (21% знают такие случаи), об 1% публиковались обидные фотографии или видео (26% видели подобное по отношению к другим людям).

По данным Mail.ru Group, на ноябрь 2019 г. с кибербуллингом сталкивались 58% опрошенных россиян, а 4% из них признались, что выступили в роли инициаторов. 47% респондентов отметили, что встречались с агрессией чаще в виртуальной, нежели в реальной жизни.

Существует множество форм кибербуллинга (троллинг, флейминг, киберсталкинг, разглашение конфиденциальной информации, самозванство, секстинг, хейтинг, киберотчуждение, хэппислепинг, клевета, харасмент, грифинг, астротурфинг) с разной степенью интенсивности и способом влияния на психику человека.

Кибербуллинг носит универсальный характер, поскольку он может случиться с кем угодно, в любое время и в любом месте, независимо от возраста. На данный момент существует большое количество исследований, посвященных психологическим аспектам, формам, ролевой структуре кибербуллинга, влиянию кибербуллинга на психическое и физическое здоровье человека.

Однако большинство исследований проведены на подростковой выборке и не раскрывают специфику кибербуллинга у взрослого населения, что стало **проблемой** данного исследования.

СПЕЦИФИКА КИБЕРБУЛЛИНГА

Понятие «кибербуллинг» впервые представил канадский педагог Билл Белси (Belsey, 2008). Он описал его как злонамеренное и систематическое враждебное поведение, совершаемое отдельными индивидами или группами, которые стремятся причинить вред, используя различные информационные и коммуникационные технологии. После введения понятия «кибербуллинг» в академическую литературу различные исследования, посвященные этому понятию, стали увеличиваться в геометрической прогрессии.

Ранние попытки формулировки понятия «кибербуллинга» были основаны на понимании традиционного буллинга. Одно из самых распространенных определений буллинга, предложенное Д. Ольвеусом, описывает его, как одно-

стороннюю травлю, целенаправленное нанесение вреда жертве, обладающее такими характеристиками, как намеренность, повторяемость вредоносного поведения, дисбаланс силы между жертвой и преследователем (Olweus, 2013). Д. Ольвеус считает, что данные критерии применимы и для кибербуллинга.

В литературе встречаются следующие виды буллинга.

– *Традиционный буллинг* может принимать различные формы и проявляться через разнообразные виды поведения. Буллинг может быть не только физическим, но также вербальным, реляционным и социальным.

– *Вербальный буллинг* включает в себя использование оскорбительных слов, угроз или насмешек в отношении человека. Этот вид буллинга может приводить к эмоциональным травмам и затруднять нормальное развитие личности.

– *Реляционный буллинг* сосредотачивается на разрушительной манипуляции социальными связями человека. Это может включать исключение из группы, распространение неправдивых слухов или умышленное разрушение дружеских отношений. Реляционный буллинг может серьезно подорвать чувство самооценки и привести к социальной изоляции.

– *Социальный буллинг* акцентируется на ущемлении личности человека из-за его социального статуса, внешности или других особенностей. Это может включать надругательства на основе расы, пола, религии, национальности и других характеристик. Социальный буллинг создает неблагоприятную атмосферу и препятствует нормальной социализации.

– *Физический буллинг* представляет собой физическое насилие или угрозу физическим насилием в отношении другого человека. Это могут быть физические нападки, удары, толчки или другие формы насилия, которые причиняют боль и страх жертве.

Марк и Рэтлифф утверждают, что кибербуллинг так же, как и традиционный буллинг, отражает форму реляционного издевательства, а Спирс вместе с другими исследователями, помимо реляционной, называют также косвенную и социальную формы (Mark, Ratliffe, 2011; Spears, Slee, Owens, Johnson, 2009). Среди примеров вышеперечисленных форм поведения называются: разжигание конфликтов, издевательства, оставление уничижительных комментариев, угрозы, шантаж, распространение сплетен и слухов, создание фейковых аккаунтов для рассылки дискредитирующей жертву информации, раскрытие личной/конфиденциальной информации жертвы без ее разрешения и социальная изоляция – все это акты реляционного, косвенного и социального кибербуллинга, которые могут осуществляться с помощью интернет-технологий.

Ванг, Яннотти и Люк также утверждали, что кибербуллинг имеет схожие черты с буллингом, поскольку оба включают словесное издевательство, социальную изоляцию и распространение слухов (Wang, Iannotti, Luk, 2012).

Подобно традиционному буллингу, кибербуллинг может быть прямым или косвенным (Vandebosch, van Cleemput, 2009). *Прямой кибербуллинг* охватывает множество форм, которые включают физическое, вербальное, невербальное и социальное вредоносное поведение в онлайн-пространстве. Примером физического кибербуллинга может быть намеренная отправка зараженных

вирусами файлов, которые могут нанести вред компьютерной системе или устройству. Вербальный кибербуллинг включает в себя использование интернета или мобильных телефонов для оскорбительных высказываний или угроз. Невербальный кибербуллинг может проявляться в рассылке угрожающих или непристойных изображений. Примером социального кибербуллинга может быть исключение человека из онлайн-группы. *Косвенный кибербуллинг*, в свою очередь, включает в себя другие формы агрессивного поведения в онлайн-пространстве. Разглашение доверенной информации может быть использовано как инструмент изоляции и стигматизации жертвы. Маскировка предполагает обман других людей, выдавая себя за кого-то другого, что может нанести серьезный вред психическому и эмоциональному благополучию пострадавшего. Распространение сплетен по мобильным телефонам, электронной почте или в чатах служит еще одним способом дезинформации и манипуляции, что может привести к серьезным последствиям для жертвы.

В то же время другие авторы утверждают, что характеристики, свойственные традиционному буллингу в отношении кибербуллинга, имеют значимые нюансы. Дули, Пыжальски и Кросс утверждают, что важно концептуализировать кибербуллинг (в отличие от традиционного буллинга), чтобы гарантировать, что все аспекты кибербуллинга полностью изучены (Dooley, Pyżalski, Cross, 2009). Хуан и Чоу делают акцент на развивающемся цифровом мире и распространении онлайн-технологий, которые, по их мнению, привели к возникновению новых форм издевательств. Исследователи считают, что кибербуллинг не является просто электронной формой агрессии или продолжением традиционного буллинга, а представляет собой отдельное и отличающееся явление (Huang, Chou, 2010).

Пишль и другие исследователи обращают внимание на то, что многие из ключевых характеристик традиционного буллинга могут не относиться к кибербуллингу или могут иначе проявляться в условиях кибербуллинга. Из этого, по мнению исследователей, следует важность дополнительного изучения понятия «кибербуллинг» (Pieschl, Kuhlmann, Prosch, 2015).

Возвращаясь к характеристикам буллинга, таким как намеренность, повторяемость, дисбаланс силы между жертвой и преследователем, которые, по мнению Д. Ольвеус, применимы и для кибербуллинга, рассмотрим каждый из этих критериев относительно кибербуллинга (Olweus, 2013).

Некоторые исследователи считают, что дисбаланс власти нельзя назвать реальной характеристикой кибербуллинга, так как технологии нейтрализуют и власть, и статус (Lapidot-Lefl, Dolev-Cohen, 2015). Но другие исследователи считают, что дисбаланс власти между агрессором и жертвой в кибербуллинге определяется не превосходством физических или количественных сил, а такими факторами, как знания и навыки в области информационных технологий, а также анонимность (Raskauskas, Stoltz, 2007; Slonje, Smith, Frisé, 2013; Thomas, Connor, Scott, 2015).

Анонимность называется определяющим фактором дисбаланса власти в кибербуллинге, так как способность агрессора сохранять свою анонимность

имеет влияние на равновесие сил между агрессором и жертвой. В результате анонимности агрессор приобретает большую мощь из-за возможности скрыть свою личность и вызвать подозрения относительно того, кем он является (Davies, Randall, Ambrose, 2014; Patchin, Hinduja, 2010). Глобальный масштаб потенциальной аудитории свидетелей так же является фактором дисбаланса власти, так как минимизирует возможности жертвы значимо отреагировать на эпизоды кибербуллинга (Butler, Kift, Campbell, 2009). Это также усугубляется сложностью удаления из сети личной информации, размещенной в результате эпизода кибербуллинга.

Относительное отсутствие надзора в онлайн среде потенциально дает возможность виновникам кибербуллинга совершать действия безнаказанно, что тоже является иллюстрацией дисбаланса сил между жертвой и агрессором.

Результаты исследований показали, что независимо от того, каким образом концептуализируется дисбаланс сил в кибербуллинге, когда существует воспринимаемый дисбаланс сил между жертвой и агрессором, люди оценивают этот эпизод более негативно. Исследователями был сделан вывод о том, что дисбаланс между преступником и жертвой кибербуллинга необязательно должен поддаваться количественной оценке свидетелями, а, скорее, должен быть чем-то, что предполагается жертвой кибербуллинга (Talwar, Gomez-Garibello, Shariff, 2014). Спирс и другие исследователи провели аналогичное качественное исследование, и результаты показали, что люди связывают дисбаланс власти в кибербуллинге с чувством беспомощности, которое жертва испытывает, когда подвергается кибербуллингу (Spears, Slee, Owens, Johnson, 2009).

Одним из наиболее часто обсуждаемых аспектов кибербуллинга является природа повторения. Повторение кибербуллинга может принимать различные формы. Например, жертва может подвергаться повторяющемуся воздействию со стороны одного и того же агрессора, один эпизод кибербуллинга может неоднократно просматриваться множеством разных аудиторий, или одно и то же действие может быть совершено людьми, которые не были первоначально агрессорами. Все вышеперечисленные действия представляют собой разные формы повторения, но их все равно можно рассматривать как повторение в контексте кибербуллинга (Slonje, Smith, Frisé, 2013).

Дули, Пыжальски и Кросс утверждают, что неоднократный просмотр одного и того же эпизода кибербуллинга разными аудиториями, имеющими намерение высмеять жертву, приводит к тому, что жертва испытывает неоднократное унижение. И хотя фактически действие не повторяется, негативное влияние травли на жертву продолжается (Dooley, Pyżalski, Cross, 2009).

Родкин и Фишер предлагают отнестись к повторению не как к определяющему элементу кибербуллинга, а как к методу для определения степени серьезности эпизода кибербуллинга. В частности, одно действие, которое видит потенциальная аудитория, постоянно растущая и неограниченная, может иметь большее воздействие, чем несколько повторяющихся действий, которые сводятся к обмену сообщениями между жертвой и агрессором (Rodkin, Fischer, 2012).

Аспект повторения и аудитория оказывают влияние на степень, в которой акты кибербуллинга могут считаться постоянными (Bauman, Yoon, 2014). По сравнению с эпизодами традиционного буллинга, которые со временем могли исчезнуть из памяти, в зависимости от средств массовой информации, используемых для нападения на человека, эпизод кибербуллинга может иметь постоянную запись.

Существует также возможность того, что жертва неоднократно просматривает один и тот же эпизод издевательств (Srivastava, Gamble, Boey, 2013). Эта способность жертвы анализировать и воспроизводить эпизод кибербуллинга является уникальной характеристикой кибербуллинга, поскольку, в отличие от многих случаев традиционного буллинга, существуют физические доказательства факта кибертравли. Кроме того, Мишна, Сайни и Соломон сообщили, что в фокус-группах, изучающих восприятие кибербуллинга, участники обсуждали, как опыт кибербуллинга подрывает их чувство безопасности дома (Mishna, Saini, Solomon, 2009). В частности, поскольку повторение эпизодов кибербуллинга может произойти в любое время из-за особенностей технологии, участники расценивали кибербуллинг, как нечто непрерывное и особенно агрессивно влияющее на эмоциональное состояние жертв (по сравнению с традиционным буллингом).

Цифровая среда является важным фактором в раскрытии понятия кибербуллинга. Цифровая среда обладает рядом уникальных характеристик, которые влияют на опыт кибербуллинга, такие как: анонимность, отсутствие географических ограничений, широкий охват и высокая скорость распространения информации, легкость сохранения вредоносного контента. Социальные сети и другие онлайн-платформы также могут усиливать кибербуллинг путем предоставления площадки для негативных комментариев, клеветы и распространения неправдивой информации. Лайки, комментарии и распространение в социальных сетях могут создавать давление и влиять на психологическое состояние жертвы кибербуллинга. В целом, цифровая среда усиливает и распространяет кибербуллинг, делая его более доступным и сильнодействующим.

По сравнению с реальным миром, цифровая среда характеризуется более свободными правилами и менее ограничительными нормами социального взаимодействия. Таким образом, цифровая среда дает людям широкий спектр возможностей для того, чтобы представить себя в различных вариациях и проявляться более открыто в выражении своего мнения. Важно отметить, что многие из них могут испытывать дискомфорт, пытаясь выразить свои мысли в реальном мире (Alvarez, 2012).

Одним из теоретических объяснений того, почему люди чувствуют себя менее скованными в цифровом мире, является эффект онлайн-растормаживания (Barlett, Gentile, Chew, 2014). Эффект онлайн-растормаживания возникает, когда люди считают, что их поведение в Интернете не связано с их действиями при личном общении. Помимо поведенческой диссоциации, люди также испытывают когнитивную диссоциацию в плане своих мыслительных процессов. В совокупности эти диссоциации приводят к таким изменениям,

что когнитивные процессы, призванные опосредовать поведенческое и моральное взаимодействие при взаимодействии в социальных ситуациях, не применяются к виртуальному миру. В конечном счете, именно эта диссоциация была предложена в качестве основной причины, по которой люди проявляют более экстремальное поведение при кибербуллинге, чем при традиционном буллинге (Vauman, Yoon, 2014).

Дж. Сьюлер выделил следующие факторы онлайн-коммуникации, способствующие растормаживанию: диссоциативная анонимность, невидимость, асинхронность, солипсическая интроекция, диссоциативное воображение, минимизация роли статуса и авторитета (Suler, 2004).

Анонимность является одним из основных факторов, способствующих растормаживанию. При использовании определенных технологий и обладании специальными техническими знаниями можно лишить пользователя его анонимного статуса, но интернет-пользователи чаще ограничиваются и доверяют информации, предоставленной другим человеком о самом себе. Когда люди имеют возможность представить себя под другим именем, полом, биографией, они могут почувствовать себя менее уязвимыми при раскрытии своей личности и оценке своих действий со стороны окружающих. Это создает иллюзию отделения онлайн-личности от реального «я». Важно отметить, что анонимность может приводить к асоциальному поведению. Отсутствие реальной ответственности за свои действия в сети может спровоцировать людей на более рискованное и непродуманное поведение, которое в обычной жизни они, возможно, не совершили бы. А процесс диссоциации способствует отделению чувства моральной ответственности (Suler, 2004). Оценки распространенности анонимности среди киберпреследователей сильно разнятся и составляют от 43% до 80% (Gini, 2006; Patchin, Hinduja, 2006; Selkie, Kota, Chan, Moreno, 2015; Smith, 2008).

Невидимость на первый взгляд может показаться похожей на анонимность, однако, они имеют существенные различия. Даже если личность человека известна, возможность быть физически невидимым усиливает эффект растормаживания. Дж. Сьюлер объясняет эффект невидимости, как отсутствие невербальной информации, особенно негативных сигналов, которые могут возникать при агрессивном онлайн-поведении (Suler, 2004).

Асинхронность коммуникации также способствует растормаживанию и уходу от социальных норм. При прямом общении запускаются механизмы социального контроля, которые активизируются за счет непрерывной обратной связи. В онлайн общении реакции окружающих отсрочены, и это может приводить, с одной стороны, к возможности обдумать свой ответ, а с другой стороны, дает простор для нежелательных действий и высказываний (Suler, 2004).

Солипсическая интроекция – это процесс, формированию которого способствует отсутствие возможности видеть собеседника в сочетании с текстовым общением. Солипсическая интроекция позволяет воспринимать собеседника как «голос в голове», персонаж интрапсихического мира. Представления о котором сближаются с представлениями о самом себе. В результате образ онлайн-собеседника в сознании человека формируется не только на основании

информации, полученной через текст, а также на личных ожиданиях и представлениях. Этот процесс усиливает переживания взаимодействия и способствует растормаживанию (Suler, 2004).

Диссоциативное воображение – это процесс, при котором люди рассматривают свою онлайн жизнь, как своего рода игру, правила и нормы которой неприменимы к реальной жизни. Они могут чувствовать, что их виртуальная личность и действия в онлайн никак не связаны с их реальной жизнью и ответственностью. Анонимность усиливает эффект диссоциативного воображения (Suler, 2004).

Кроме того, в онлайн-коммуникации затруднена демонстрация атрибутов авторитета или статуса, что приводит к равенству позиций, и вследствие этого более раскованному поведению и высказываниям (Suler, 2004).

Еще один фактор, способствующий негативному растормаживанию – дегуманизация жертвы, облегчаемая тем, что взаимодействие происходит не между живыми людьми, а между профилями, скрытыми за аватарами, которые представляют собой зачастую нереалистичные изображения (Suler, 2004).

Цифровой мир, связанный с изменениями морали в киберпространстве, также влияет на эмпатию. В частности, Мейсон утверждал, что по самой своей природе цифровой мир не способствует развитию эмпатии, люди могут с большей вероятностью участвовать в кибербуллинге, потому что они могут не испытывать сочувствия к жертве (Mason, 2008).

Эспиноза и Клементе утверждают, что время, которое люди проводят на интернет-площадках (в частности, в социальных сетях), отвлекает от времени, потраченного на другие виды деятельности (Espinosa, Clemente, 2013).

Существуют эмпирические данные о том, что люди, которые проводят больше времени в социальных сетях, с большей вероятностью станут объектом и виновниками кибербуллинга (Didden et al., 2009).

ЛИЧНОСТНАЯ СПЕЦИФИКА И ПРЕДИКТОРЫ КИБЕРБУЛЛИНГА

О.С. Дейнека, Л.Н. Духанина и А.А. Максименко среди предикторов кибербуллинга называют такие: количество времени и интенсивность использования интернета, количество друзей и подписчиков (при этом, как слишком маленькое их количество, так и слишком большое их количество может коррелировать с высоким показателем виктимизации); уровень самораскрытия; низкий уровень эмпатии; пренебрежение конфиденциальностью; девиантное поведение; возраст (авторы сообщают о наличии исследований, подтверждающих, что люди более младшего возраста чаще сталкиваются с ситуациями кибербуллинга (Дейнека, Духанина, Максименко, 2020)).

Такие личностные особенности, как открытость опыту, добросовестность, экстраверсия, дружелюбность и нейротизм, имеют взаимосвязь с онлайн-поведением. Наличие более высоких показателей по экстраверсии взаимосвязано со склонностью заводить большее количество друзей в социальных сетях, а также со склонностью раскрывать больше личной информации о себе. Низкая степень дружелюбия напрямую связана с кибербуллингом. Наличие провоци-

рующего на кибербуллинг контента в профиле пользователя имеет обратную связь с высокой степенью добросовестности, дружелюбия и эмоциональной стабильности. Некоторые другие исследования показали, что высокие показатели экстраверсии и нейротизма с низкими показателями добросовестности и дружелюбия связаны с выбором роли агрессора в кибербуллинге. При этом высокие показатели открытости к опыту нейротизма имеют взаимосвязь с ролью жертвы (Дейнека, Духанина, Максименко, 2020).

Низкий уровень дружеской поддержки, негативное семейное окружение и сексуальное насилие усиливают риски виктимизации и кибербуллинга, и, напротив, высокая степень дружеской поддержки сверстников, наличие теплых отношений, поддержка близких являются защитным фактором от виртуальной травли (Дейнека, Духанина, Максименко, 2020).

Н.В. Горлова, А.А. Бочавер и К.Д. Хломов выделяют следующие предикторы кибербуллинга. Индивидуально-личностными предикторами виктимизации при кибербуллинге являются: низкая самооценка, социальная тревожность и одиночество; а при буллинге и кибербуллинге – депрессия и генерализованная тревога. Индивидуально-личностными предикторами преследования при кибербуллинге стали психотические черты (подлость и рассторможенность при низком уровне самоуверенности и наглости); время, проведенное в чатах и социальных сетях; опыт жертвы кибербуллинга; участие в качестве преследователя в традиционном буллинге; низкая самооценка, а при буллинге и кибербуллинге – низко выраженная эмпатия и слабо развитые социальные навыки (Горлова, Бочавер, Хломов, 2021).

Исследование, проведенное на подростковой выборке, выявило взаимосвязь мужского пола, низкого уровня когнитивной эмпатии и роли агрессора в кибербуллинге. Кроме того, оно подчеркивает важность факторов, таких как время, проведенное в чатах и социальных сетях, опыт жертвы кибербуллинга, а также участие в традиционном офлайн-буллинге, которые могут увеличить вероятность последующего агрессивного поведения в киберпространстве. Опыт жертвы, скорее всего, накапливает внутреннюю агрессию и затем, при возникновении определенных обстоятельств, может выразиться через акт кибербуллинга в отношении других людей. Такая «идентификация с агрессором» может быть связана с желанием повысить свой статус в социальной группе и использовать те же методы, которые используются в офлайн среде (Горлова, Бочавер, Хломов, 2021; Lam, Cheng, Liu, 2013).

Многие исследователи говорят о большой распространенности кибербуллинга среди молодых людей в университетах (Arıcak, 2009; Muraа, Erdur-Baker, 2011). Молодые люди и студенты университетов являются частыми пользователями технологий и часто лидируют в адаптации новых технологий для повседневного использования. Из-за конкурентоспособности студенты с большей вероятностью могут быть вовлечены в инциденты издевательств (Kokkinos, Antoniadou, Markos, 2014).

Исследования показали, что участие в кибербуллинге прогнозируется по времени, проведенному в сети, и времени, проведенному на сайтах социальных

сетей среди студентов колледжей и университетов (Walker, Sockman, Koehn, 2011). Выше говорилось о важности роли, которую играет глобальная аудитория в максимизации воздействия киберагрессора на жертву. Роль аудитории также имеет большое значение в качестве одного из предикторов кибербуллинга.

Салмивалли утверждает, что свидетели эпизодов традиционного буллинга играют важную роль как в смягчении, так и в подкреплении агрессивного поведения. Многие свидетели могут подкреплять поведение преступника своими вербальными или невербальными реакциями, некоторые могут присоединиться к преступнику, а хранящие молчание могут непреднамеренно подкреплять действия преступника. Но, с другой стороны, некоторые свидетели могут поддержать, защитить жертву, заявить о неуместности поведения агрессора. Помимо потенциального ограничения действий преступников, эти свидетели, которые вмешиваются, чтобы оказать поддержку жертве, также обеспечивают защитный буфер для объекта травли от некоторых негативных последствий адаптации, связанных с переживанием издевательств (Salmivalli, 2014).

Обермейер указывал на наличие «эффекта свидетеля» в онлайн-коммуникации. Чувство ответственности и намерение вмешаться свидетелей было более выраженным, если они считали, что за инцидентом наблюдает меньше свидетелей (Allison, Bussey, 2016).

А. Сармьенто, М. Эррера-Лопез и И. Зик разделяли роли свидетелей в кибербуллинге на следующие подтипы: пассивный свидетель, защитник и поддерживающий киберпреследователя (Sarmiento, Herrera-López, Zych, 2019).

К.Р. Эллисон и К. Басси выделили различия в роли свидетеля в кибербуллинге с традиционным буллингом. Свидетели традиционного буллинга ограничены пространственными и временными характеристиками, в отличие от свидетелей кибербуллинга, которые могут оставаться свидетелями эпизодов кибербуллинга неограниченное количество времени (Allison, Bussey, 2016).

Пересылка и множественное распространение сообщений агрессора способствует перевоплощению свидетеля в киберагрессора. Изменение роли зависит от контекста ситуации (Bastiaensens, 2014). Н. Мокси и К. Басси попытались классифицировать роли свидетелей — защитников и выделили следующие стили вмешательства: агрессивный; конструктивный, сфокусированный на жертве; конструктивный, сфокусированный на преследователе (Мохеу, Bussey, 2020).

Агрессивный стиль вмешательства характеризуется активным и конфронтационным подходом к защите. Свидетели, которые принимают на себя роль защитника в агрессивном стиле, могут использовать язвительные, оскорбительные или угрожающие высказывания в адрес преследователя в попытке нейтрализовать его или ее действия. Конструктивный стиль вмешательства, сфокусированный на жертве, предполагает участие свидетелей в защите с акцентом на эмоциональную поддержку жертвы. Такие свидетели обычно предлагают конструктивные решения для улучшения ситуации и помощи пострадавшему. Они могут использовать тактику позитивного подкрепления и активно проявлять эмпатию в отношении жертвы. Конструктивный стиль вмешательства, сфокусиро-

ванный на преследователе, направлен на изменение поведения преследователя. Свидетели, использующие этот стиль, могут предлагать альтернативные способы решения спорных ситуаций или попытаться разрядить конфликт, обращаясь непосредственно к преследователю. Они могут стараться изменить мотивацию или убедить преследователя отказаться от агрессивного поведения.

В качестве фактора, который влияет на выбор стиля вмешательства, многие исследователи обращают внимание на понятие отчуждения моральной ответственности, впервые описанное А. Бандурой (Bandura, 2002). Оно представляет собой набор механизмов саморегуляции, направленных на оправдание аморального поведения. Исследования показывают, что высокий уровень отчуждения моральной ответственности связан с агрессивным стилем вмешательства (Kowalski, Limber, Agatston, 2012).

Высокий уровень морального отчуждения может быть предиктором роли преследователя в кибертравле (Gini, 2006). Свидетели часто защищают жертв кибертравли или присоединяются к кибербуллингу, если другие свидетели ведут себя аналогичным образом (Bastiaensens, 2014). Родкин и Фишер предлагают делить агрессоров на два типа киберхулиганов: социально интегрированные и маргинализованные хулиганы. Социально интегрированные хулиганы могут участвовать в актах кибербуллинга, потому что это дает им возможность не стать мишенью для других преступников. И наоборот, маргинализованные хулиганы могут заниматься кибербуллингом как способом получения власти, потому что у них есть трудности с саморегуляцией, проблемы с контролем импульсов или желание получить социальный статус, которого они не могут достичь с помощью других механизмов (Rodkin, Fischer, 2012).

Исследование, посвященное восприятию агрессорами, характеризующимися как маргинализованные, последствий своего поведения и особенностей их психического состояния, выявило следующие результаты. Оказалось, что агрессоры не воспринимали свои действия как жестокие или способные нанести вредоносное воздействие на жертву. Однако агрессоры испытывали более высокий уровень стресса, депрессии и тревожности по сравнению с людьми, не вовлеченными в кибербуллинг (Campbell, 2013).

Родкин и Фишер утверждают, что поведение социально интегрированных хулиганов можно рассматривать как адаптивное и функциональное, а поведение маргинализованных хулиганов является неадаптивным и дисфункциональным (Rodkin, Fischer, 2012).

В связи с тем, как было отмечено выше, дисбаланс власти в кибербуллинге в меньшей степени зависит от физических качеств, появляется все больше свидетельств того, что многие жертвы традиционного буллинга используют кибербуллинг как механизм возмездия против своего обидчика (König, Gollwitzer, Steffgen, 2010).

Подводя итог, можно сказать, что предикторами виктимизации при кибербуллинге являются: низкая самооценка; социальная тревожность; одиночество; депрессия и генерализованная тревога. Предикторами преследования при кибербуллинге являются: подлость и расторможенность при низком уров-

не самоуверенности и наглости; время, проводимое в социальных сетях; опыт жертвы кибербуллинга; участие в качестве преследователя в традиционном буллинге; низкая самооценка; низкий уровень эмпатии и слабо выраженные социальные навыки. Эти уникальные особенности побуждают исследователей продолжать изучать различные проявления кибербуллинга.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ КИБЕРБУЛЛИНГА

Целью данного эмпирического исследования стало проведение комплексного исследования особенностей восприятия людьми с разными личностными характеристиками ситуаций различных видов кибербуллинга, таких как: троллинг, флейминг, киберсталкинг, разглашение конфиденциальной информации, самозванство, хейтинг, киберотчуждение, хэппислепинг, грифинг, клевета, харасмент, астротурфинг.

Основная *гипотеза* нашего исследования заключалась в определении существования взаимосвязей между особенностями восприятия ситуаций кибербуллинга и индивидуальными особенностями, такими как пол, возраст, уровень эмпатии, наличие травмирующего опыта в прошлом.

Для достижения поставленной цели и проверки гипотез было проведено эмпирическое исследование с использованием следующих *методик*.

1. Методика «Миссисипская шкала для определения посттравматических реакций (гражданский вариант)» Т. Keane, D. Vreven et al. Адаптация Н.В. Тарабрина и др. (Тарабрина, 2007), позволяющая определить степень выраженности посттравматической симптоматики у гражданского населения.

2. Методика «Опросник когнитивной и аффективной эмпатии» М.А. Окатовой (Окатова, 2021), позволяющая оценить уровень общей эмпатии, а также способность к децентрации, склонность к децентрации, отзеркаливание эмоций, чувствительность к близким и общую чувствительность.

В качестве *стимульного материала* испытуемым были предложены короткие кейсы, которые основывались на реальных историях людей и включали в себя различные виды кибербуллинга. После прочтения каждого кейса людям предлагалось выбрать из списка предлагаемых эмоций максимально близкую к той эмоции, которую они чувствовали во время чтения кейсов (рис. 1).

Истории, использованные в кейсах, подбирались и компоновались таким образом, чтобы подчеркнуть черты и особенности входящих в кейс видов кибербуллинга. В нескольких историях были объединены некоторые виды кибербуллинга по причине того, что эти виды кибербуллинга имеют некоторые схожие черты и в жизни часто встречаются вместе в одной и той же ситуации кибербуллинга. Рассмотрим в качестве примера один из кейсов.

Кейс №1: «Анна опубликовала на форуме свою статью о преимуществах вегетарианства. Она поделилась своим опытом и привела аргументы в пользу этого образа жизни. Однако вместо конструктивной дискуссии ее статья стала объектом троллинга со стороны некоторых пользователей. Некоторые из них начали писать оскорбительные и неприятные комментарии, несовпадающие

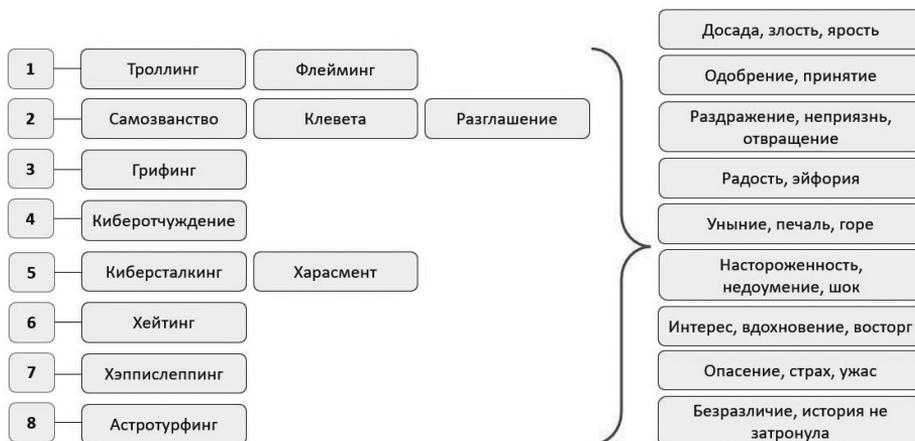

Рис. 1. Структура стимульного материала

с темой обсуждения. Они намеренно пренебрегали аргументами Анны и продолжали писать злобные и язвительные комментарии. Через время под статьей разразилась жаркая словесная перепалка. Комментаторы атаковали друг друга и использовали сарказм и оскорбления в адрес друг друга. Спустя некоторое время спор затих, а участники переписки вернулись к своим личным делам. Анна испытала разочарование и грусть, увидев, что ее статья вызвала такую негативную и враждебную реакцию».

В данном кейсе объединены 2 вида кибербуллинга, которые в жизни часто присутствуют вместе. Флейминг является частым последствием троллинга. А целью троллинга часто бывает провоцирование онлайн-аудитории на словесную перепалку.

Процедура исследования. Исследование проводилось в виде онлайн-опроса при помощи Google form, где были размещены вводная анкета, блоки с методиками и стимульный материал.

– I блок: анкета респондента с общими характеристиками выборки – пол, возраст, семейное положение, уровень образования.

– II блок: предъявление стимульного материала в виде коротких кейсов по разным видам кибербуллинга; респондентам предлагалось выбрать из предложенных вариантов с перечнем эмоций те варианты, которые максимально близко похожи на эмоции, которые испытал респондент после прочтения предложенного кейса.

– III блок: диагностика наличия травматического опыта посредством методики «Миссисипская шкала для определения посттравматических реакций (гражданский вариант)», в адаптации Н.В. Тарабрина и др.

– IV блок: диагностика уровня когнитивной и аффективной эмпатии через методику «Опросник когнитивной и аффективной эмпатии» М.А. Окатовой.

– V блок: анкета для выяснения наличия опыта кибербуллинга у респондентов.

Участники исследования. Для привлечения респондентов к участию в исследовании в интернет группах и сообществах, в том числе в социальных сетях, были размещены ссылки на прохождение опроса. В итоге количество респондентов составило 143 человека: 84% женщин и 16 % мужчин в возрасте от 19 до 65 лет.

Анализ данных. Обработка данных производилась с помощью программ SPSS Statistics 22; для анализа использовались методы непараметрической статистики (поскольку, по критерию Калмогорова-Смирнова, эмпирическое распределение данных статистически значимо отличалось от нормального), а также методы описательной статистики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Используя критерии U. Манна-Уитни и Н. Краскелла Уолиса, мы сравнили, как люди, в зависимости от разных социально-демографических и личностных характеристик, реагируют на предложенные ситуации кибербуллинга.

По полу испытуемых были обнаружены статистически значимые различия выборов эмоции по следующим группам: одобрение, принятие ($p=0.003$); настороженность, недоумение, шок ($p=0.023$); интерес, вдохновение, восторг ($p=0.002$); опасение, страх, ужас ($p=0.049$); безразличие, история не затронула ($p=0.037$) (рис.2).

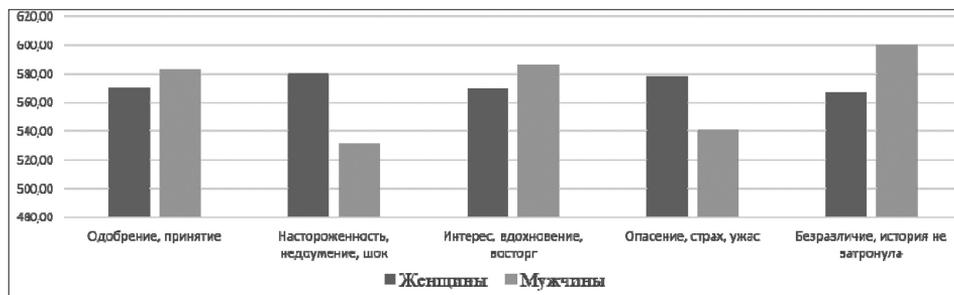

Рис. 2. Статистически значимые различия по полу (по всем ситуациям в целом)

Мужчины в целом чаще, чем женщины, оценивают ситуации кибербуллинга через группы эмоций: одобрение, принятие; интерес; вдохновение, восторг; безразличие, история не затронула.

Женщины в целом чаще оценивают ситуации кибербуллинга через группы эмоций: настороженность, недоумение, шок; опасение, страх, ужас.

По возрасту респондентов для статистической обработки было сделано разделение респондентов на 3 равные группы: до 30 лет, от 31 года до 42 лет и старше 43 лет.

По возрасту испытуемых были обнаружены статистически значимые различия выборов эмоций по следующим группам: досада, злость, ярость ($p=0,002$); раздражение, неприязнь, отвращение ($p=0,002$); уныние, печаль, горе ($p=0,006$); опасение, страх, ужас ($p=0,003$) (рис. 3).

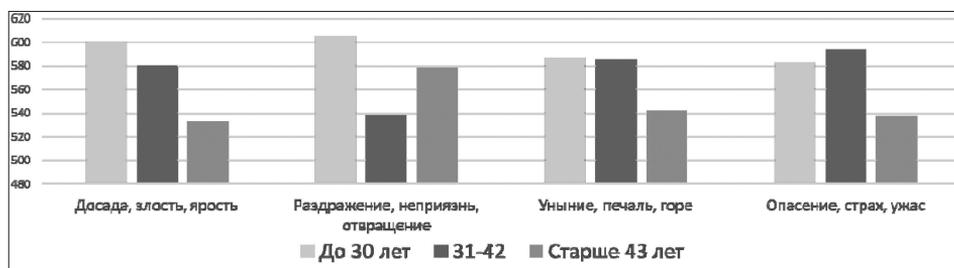

Рис. 3. Статистически значимые различия по возрасту (по ситуациям в целом)

На основании полученных данных можем сделать следующие выводы: люди младше тридцати лет, входящие в первую возрастную группу, в целом чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: досада, злость, ярость; раздражение, неприязнь, отвращение; уныние, печаль, горе, чем люди более старшего возраста, входящие во вторую и третью возрастные группы. Люди среднего возраста, входящие во вторую возрастную группу в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: опасение, страх, ужас, чем люди из первой и второй групп.

По наличию опыта кибербуллинга (данные ответов на открытый вопрос) респонденты были разделены на 2 группы: с наличием опыта кибербуллинга и с отсутствием такого опыта. Были получены следующие групповые различия (рис. 4).

По опыту кибербуллинга различаются статистически значимо эмоции по всем ситуациям вместе, по группам эмоций: досада, злость, ярость ($p=0,011$) и уныние, печаль, горе ($p=0,035$).

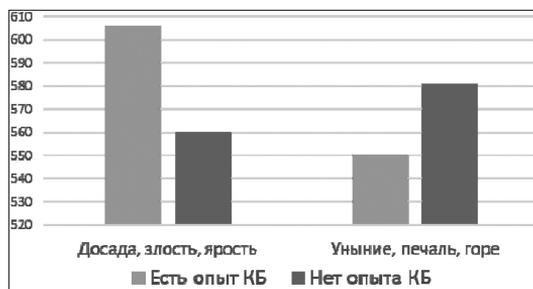

Рис. 4. Статистически значимые различия по наличию опыта кибербуллинга (по ситуациям в целом)

Люди, сталкивающиеся в своей жизни с ситуациями кибербуллинга в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: досада, злость, ярость, чем люди, которые сообщили о том, что никогда не сталкивались с ситуациями кибербуллинга. Люди, которые сообщили о том, что никогда не сталкивались в своей жизни с ситуациями кибербуллинга, в целом чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: уныние, печаль, горе, чем люди, которые сталкивались с ситуациями кибербуллинга.

По наличию *травматического опыта* респонденты были разделены на 2 группы: с травматическим опытом и без травматического опыта. Были получены статистически значимые различия оценки эмоций по группам: досада, злость, ярость ($p=0,004$); раздражение, неприязнь, отвращение ($p=0,001$); уныние, печаль, горе ($p=0,003$); опасение, страх, ужас ($p=0,025$) (рис.5).

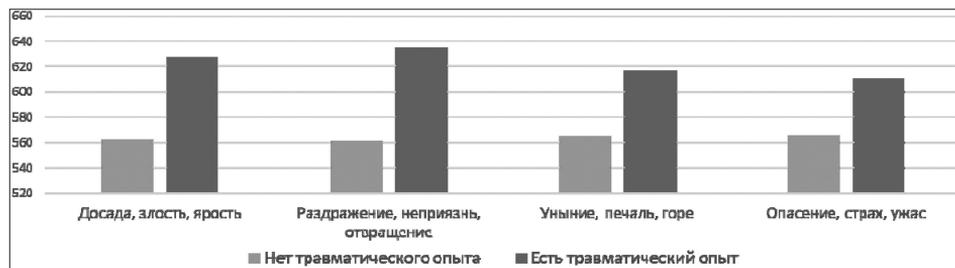

Рис. 5. Статистически значимые различия по наличию *травматического опыта* (по всем ситуациям в целом)

Люди с наличием *травматического опыта* в целом чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: досада, злость, ярость; раздражение, неприязнь, отвращение; уныние, печаль, горе; опасение, страх, ужас, чем люди, у которых нет *травматического опыта*.

По значениям шкал и субшкал опросника *когнитивной и аффективной эмпатии* (когнитивная эмпатия – способность к децентрации, склонность к децентрации; аффективная эмпатия – отзеркаливание эмоций, чувствительность к близким, общая чувствительность) для статистического анализа респонденты были разделены на 3 группы, через перевод в Z значения, а статистический анализ проводился по контрастным группам с низким и высоким уровнем выраженности признаков.

Мы сравнили, как люди, в зависимости от уровня когнитивной эмпатии, реагируют на предложенные ситуации. По уровню когнитивной эмпатии различаются статистически значимо эмоции по всем ситуациям вместе, по группам: раздражение, неприязнь, отвращение ($p=0,016$) и уныние, печаль, горе ($p=0,024$). Люди, имеющие низкий уровень когнитивной эмпатии в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: раздражение, неприязнь, отвращение, чем люди с высоким уровнем когнитивной эмпатии. Люди, имеющие высокий уровень когнитивной эмпатии в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: уныние, печаль, горе, чем люди с низким уровнем когнитивной эмпатии (рис. 6).

По уровню *способности к децентрации* различаются статистически значимо эмоции по всем ситуациям вместе, по группе: досада, злость, ярость ($p=0,022$). На основании данных можем сделать следующие выводы: люди, имеющие низкий уровень способности к децентрации в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: досада, злость, ярость, чем люди с высоким уровнем способности к децентрации (рис.7).

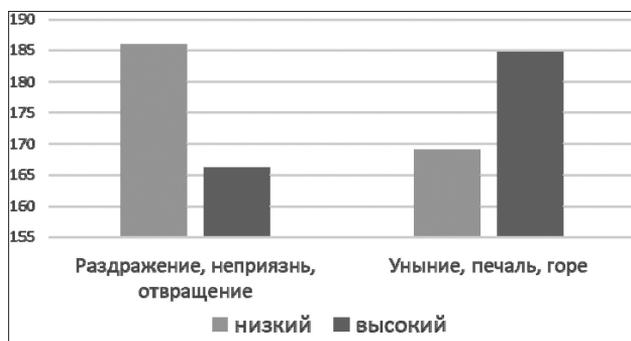

Рис. 6. Статистически значимые различия по уровню эмпатии (по всем ситуациям в целом)

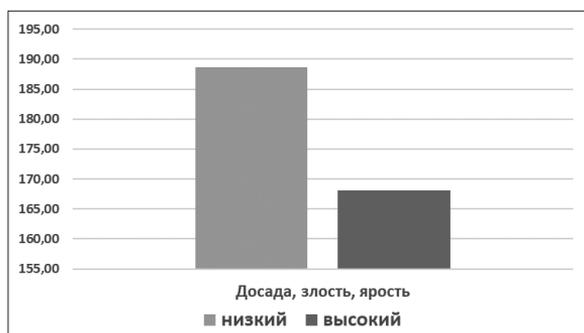

Рис. 7. Статистически значимые различия по уровню способности к децентрации (по всем ситуациям в целом)

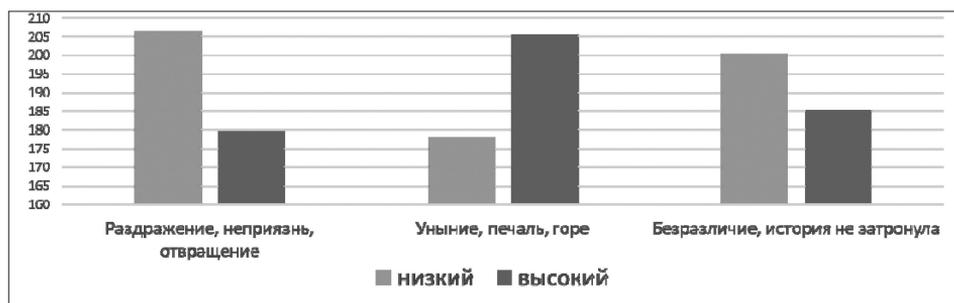

Рис. 8. Статистически значимые различия по уровню склонности к децентрации (по всем ситуациям в целом)

По уровню *склонности к децентрации* различаются статистически значимо эмоции по всем ситуациям вместе, по группам: раздражение, неприязнь, отвращение ($p=0,003$); уныние, печаль, горе ($p=0,000$); безразличие, история не затронула ($p=0,023$) (рис. 8).

Люди, имеющие низкий уровень склонности к децентрации в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: раздражение, неприязнь,

отвращение и безразличие, история не затронула, чем люди с высоким уровнем склонности к децентрации. Люди, имеющие высокий уровень склонности к децентрации в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: уныние, печаль, горе, чем люди с низким уровнем склонности к децентрации.

По уровню *аффективной эмпатии* различаются статистически значимо эмоции по всем ситуациям вместе, по группам: настороженность, недоумение, шок ($p=0,004$); интерес, вдохновение, восторг ($p=0,024$); безразличие, история не затронула ($p=0,000$) (рис. 9).

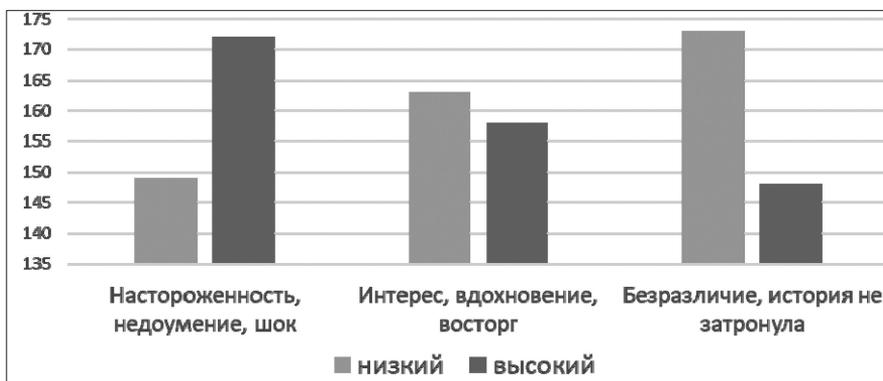

Рис. 9. Статистически значимые различия по аффективной эмпатии (по всем ситуациям в целом)

Люди, имеющие низкий уровень аффективной эмпатии в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: интерес, вдохновение, восторг и безразличие, история не затронула, чем люди с высоким уровнем аффективной эмпатии. Люди, имеющие высокий уровень аффективной эмпатии в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: настороженность, недоумение, шок, чем люди с низким уровнем аффективной эмпатии.

По уровню *отзеркаливания эмоций* различаются статистически значимо эмоции по всем ситуациям вместе, по группам: одобрение, принятие ($p=0,037$); настороженность, недоумение, шок ($p=0,001$); безразличие, история не затронула ($p=0,000$); уныние, печаль, горе на уровне тенденции ($p=0,054$) (рис. 10). Люди, имеющие низкий уровень отзеркаливания эмоций в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: одобрение, принятие и безразличие, история не затронула, чем люди с высоким уровнем отзеркаливания эмоций. Люди, имеющие высокий уровень отзеркаливания эмоций в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: уныние, печаль, горе на уровне тенденции и настороженность, недоумение, шок, чем люди с низким уровнем отзеркаливания эмоций.

По уровню *чувствительности к близким* различаются статистически значимо эмоции по всем ситуациям вместе, по группам: интерес, вдохновение, восторг ($p=0,007$) и безразличие, история не затронула ($p=0,034$) (рис. 11).

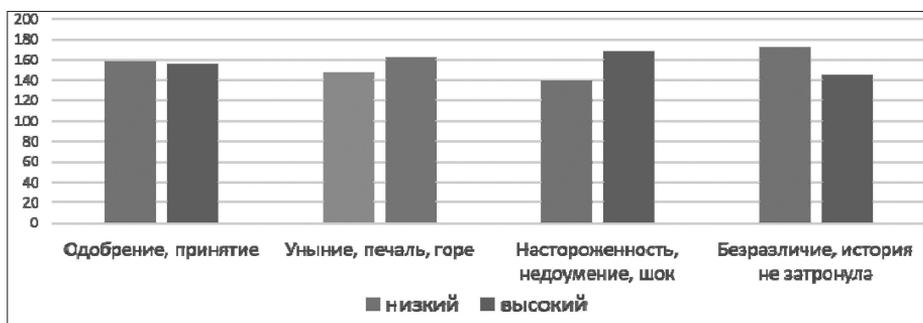

Рис. 10. Статистически значимые различия по уровню отзеркаливания эмоций (по ситуациям в целом)

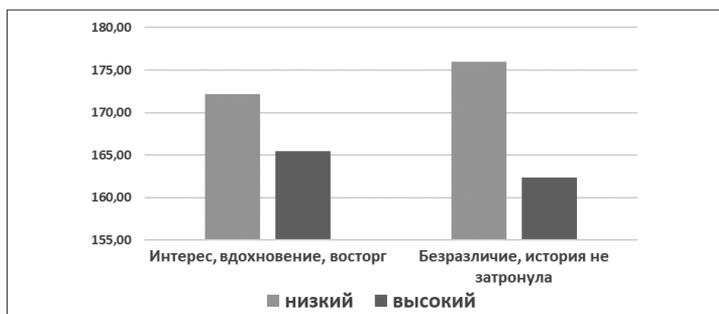

Рис. 11. Статистически значимые различия по уровню чувствительности к близким (по ситуациям в целом)

Рис. 12. Статистически значимые различия по уровню общей чувствительности по ситуациям в целом

Люди, имеющие низкий уровень чувствительности к близким в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: интерес, вдохновение, восторг и безразличие, история не затронула, чем люди с высоким уровнем чувствительности к близким.

Люди, имеющие высокий уровень *общей чувствительности* в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через интерес, вдохновение, восторг ($p=0,035$) и одобрение, принятие ($p=0,001$), чем люди с низким уровнем общей чувствительности (рис. 12).

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обобщая результаты исследования, можно сказать, что люди с разными социально-демографическими характеристиками, такими как пол, возраст; и индивидуальными особенностями, такими как наличие опыта кибербуллинга, наличие травматического опыта в прошлом, уровень когнитивной и аффективной эмпатии, по-разному оценивают ситуации кибербуллинга.

В ходе проведенного исследования была определена специфика восприятия ситуаций кибербуллинга разными людьми. В частности, было установлено следующее.

Мужчины в целом менее проблематично воспринимают ситуации кибербуллинга, чем женщины.

Люди младше 30 лет в целом чаще испытывают неприятные эмоции, оценивая ситуации кибербуллинга, чем люди более старшего возраста.

Были выявлены значимые различия при восприятии ситуаций кибербуллинга людьми с наличием опыта кибербуллинга и людьми без него. Люди с наличием травматического опыта чаще оценивают ситуации кибербуллинга через группы эмоций, включающие в себя злость, раздражение, печаль, страх.

Люди с низким уровнем когнитивной эмпатии чаще оценивали ситуации кибербуллинга через группу эмоций, включающих в себя раздражение. А люди с высоким уровнем когнитивной эмпатии чаще выбирали группу с эмоцией – печаль.

Люди с низким уровнем способности к децентрации чаще оценивали ситуации кибербуллинга через группу эмоций, включающих в себя злость, чем люди с высоким уровнем к децентрации.

Люди с высоким уровнем склонности к децентрации чаще оценивали ситуации кибербуллинга через группу эмоций, включающих в себя печаль.

Люди с низким уровнем склонности к децентрации чаще оценивали ситуации кибербуллинга через группы эмоций, включающих в себя раздражение и безразличие.

Люди с низким уровнем аффективной эмпатии чаще оценивали ситуации кибербуллинга через группы эмоций, включающих в себя интерес и безразличие. А люди с высоким уровнем аффективной эмпатии чаще оценивали ситуации кибербуллинга через группу эмоций, включающих в себя настороженность.

Люди с высоким уровнем отзеркаливания эмоций чаще воспринимали ситуации кибербуллинга через группы эмоций, включающие в себя настороженность и (на уровне тенденции) печаль. Люди с низким уровнем отзеркаливания эмоций чаще воспринимали ситуации кибербуллинга через одобрение и безразличие.

Люди с высоким уровнем чувствительности к близким тяжелее воспринимают ситуации кибербуллинга, чем люди с низким уровнем чувствительности к близким.

Люди, имеющие низкий уровень чувствительности к близким в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через эмоции: интерес, вдохновение, восторг и безразличие, история не затронула, чем люди с высоким уровнем чувствительности к близким.

Люди с высоким уровнем общей чувствительности проще воспринимают ситуации кибербуллинга, чем люди с низким уровнем чувствительности к близким. Люди, имеющие высокий уровень общей чувствительности в целом, чаще оценивают ситуации кибербуллинга через группы эмоций, включающих интерес, вдохновение, восторг и одобрение, принятие, чем люди с низким уровнем общей чувствительности.

Стоит отметить ограничения проведенного эмпирического исследования и направления дальнейших исследований: наши данные были получены преимущественно на исследовании позиций женщин относительно кибербуллинга, и это является некоторым ограничением, потому что мы можем распространять данные преимущественно на людей этого пола.

Тем не менее, практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования полученных результатов при создании тренинговых мероприятий, направленных на профилактику кибербуллинга. А также (при условии расширения выборки) можно в дальнейшем использовать результаты в целях диагностики – определения групп риска кибербуллинга. Также результаты проведенного исследования могут послужить основой для разработки частных психодиагностических методик и тренинговых программ.

Литература

- Горлова Н.В., Бочавер А.А., Хломов К.Д.* Предикторы буллинга, кибербуллинга и виктимизации: обзор современных исследований // Национальный психологический журнал. 2021. – Т. 44. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prediktory-bullinga-kiberbullinga-i-viktimizatsii-obzor-sovremennyh-issledovaniy> (дата обращения: 25.10.2023).
- Дейнека О.С., Духанина Л.Н., Максименко А.А.* Кибербуллинг и виктимизация: обзор зарубежных публикаций // Перспективы науки и образования. 2020. – Т. 47. – № 5. – С.273-292. doi: 10.32744/pse.2020.5.19
- Окатова М.А.* Апробация русскоязычной версии опросника когнитивной и аффективной эмпатии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. – Т. 18. – №. 4. – С.685-699.
- Тарабрина Н.В.* Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 2. – М.: Когито-Центр, 2007.
- Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А.* Кибербуллинг в опыте российских подростков. // Психология и право. 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 276-295. doi: 10.17759/psylaw.2019090219
- Allison K.R., Bussey K.* Cyber-bystanding in context: A review of the literature on witnesses' responses to cyberbullying // Children and Youth Services Review. 2016. – 65. – P. 183-194.
- Alvarez A.R.G.* «IH8U»: Confronting cyberbullying and exploring the use of cyber-tools in teen dating relationships // Journal of Clinical Psychology: In Session, 2012. – 68. – P.1205-1215.

- Arıcak O.T.* Psychiatric Symptomatology as a Predictor of Cyberbullying Among University Students // Eurasian Journal of Educational Research, 2009. – 34. – P. 167-184.
- Bandura A.* Selective moral disengagement in the exercise of moral agency // Journal of moral education, 2002. – V. 31, № 2. – P. 101-119.
- Barlett C.P., Gentile D. A., Chew C.* Predicting cyberbullying from anonymity // Psychology of Popular Media Culture. – Advanced online publication. 2014.
- Bastiaensens S.* Cyberbullying on social network sites. An experimental study into bystanders' behavioural intentions to help the victim or reinforce the bully // Computers in Human Behavior, 2014. – № 1 (31). – P. 259-271.
- Bauman S., Yoon J.* This issue: Theories of bullying and cyberbullying // Theory into Practice, 2014. – 53. – P. 253-256.
- Belsey B.* Cyberbullying: An emerging threat to the «always on» generation // Canadian Teacher Magazine, Spring 2008. – P. 18-20.
- Butler D., Kift S., Campbell M.* Cyber bullying in schools and the law: Is there an effective means of addressing the power imbalance? // eLaw Journal: Murdoch University Electronic Journal of Law, 2009. – 16. – P. 84-114.
- Campbell M.A.* Do cyberbullies suffer too? Cyberbullies' perceptions of the harm they cause to others and to their own mental health: 2013. – P. 613-629.
- Davies K., Randall D.P., Ambrose A.* «I was bullied too»: Stories of bullying and coping in an online community // Information, Communication & Society, 2014. – 18. – P. 357-375.
- Didden R., Scholte R.H.J., Korzilius H., De Moor J.M.H., Vermeulen A., O'Reilly M., Lancioni G.E.* Cyberbullying among students with intellectual and developmental disability in special education settings // Developmental Neurorehabilitation, 2009. – №.12. – P. 146-151.
- Dooley J.J., Pyżalski J., Cross D.* Cyberbullying versus face-to-face bullying: A theoretical and conceptual review. Zeitschrift für Psychologie // Journal of Psychology, 2009. – 217. – P. 182-188.
- Espinosa P., Clemente M.* Self-transcendence and self-oriented perspective as mediators between video game playing and aggressive behaviour in teenagers // Journal of Community & Applied Social Psychology, 2013. – 23. – P. 68-80.
- Gini G.* Social cognition and moral cognition in bullying: What's wrong? // Aggressive Behavior. 2006. – № 6 (32). – P. 528–539.
- Huang Y.-Y., Chou C.* An analysis of multiple factors of cyberbullying among junior high school students in Taiwan. Computers in Human Behavior, 2010. – 26. – P. 1581-1590.
- Kokkinos C.M., Antoniadou N., Markos A.* Cyber-Bullying: An Investigation of The Psychological Profile of University Student Participants // Journal of Applied Developmental Psychology, 2014. – 35. – P. 204-214.
- König A., Gollwitzer M., Steffgen G.* Cyberbullying as an act of revenge? // Australian Journal of Guidance & Counselling, 2010. – 20. – P. 210-224.
- Kowalski R.M., Limber Sue., Agatston P.W.* Cyberbullying: bullying in the digital Age. – 2012. – 282p.

- Lam L.T., Cheng Z., Liu X.* Violent online games exposure and cyberbullying/victimization among adolescents // *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 2013. — 16. — P. 159–164.
- Lapidot-Lefler, N., Dolev-Cohen, M.* Comparing cyberbullying and school bullying among school students: Prevalence, gender, and grade level differences. *Social Psychology of Education*, 2015. — 18. — P. 1-6.
- Mark L., Ratliffe K.T.* Cyber worlds: New playgrounds for bullying // *Computers in the Schools*, 2011. — 28. — P. 92-116.
- Mason K.L.* Cyberbullying: A preliminary assessment for school personnel // *Psychology in the Schools*, 2008. — 45. — P. 323-348.
- Mishna F., Saini M., Solomon, S.* Ongoing and online: Children and youth's perceptions of cyber bullying // *Children and Youth Services Review*, 2009. — 31. — P. 1222-1228.
- Moxey N., Bussey K.* Styles of Bystander Intervention in Cyberbullying Incidents // *International Journal of Bullying Prevention*. 2020. — № 1 (2). — P. 6-15.
- Muraa G., Topcu C., Erdur-Baker O.* An International Study of Cyber Bullying Perception and Diffusion Among Adolescents // *Procedia Social and Behavioral Sciences*; 2011. — 15. — P. 3805-3809.
- Olweus D.* School bullying: Development and some important challenges // *Annual Review of Clinical Psychology*, 2013. — 9. — P. 751-780.
- Patchin J.W., Hinduja S.* Bullies move beyond the schoolyard: A preliminary look at cyberbullying // *Youth Violence and Juvenile Justice*, 2006. — 4. — P. 148-169.
- Patchin J.W., Hinduja S.* Changes in adolescent online social networking behaviors from 2006 to 2009 // *Computers in Human Behavior*, 2010. — 26. — P. 1818-1821.
- Pieschl S., Kuhlmann C., Prosch T.* Beware of publicity! Perceived distress of negative cyber incidents and implications for defining cyberbullying // *Journal of School Violence*, 2015. — 14. — P. 111-132.
- Raskauskas J., Stoltz A.D.* Involvement in traditional and electronic bullying among adolescents // *Developmental Psychology*, 2007. — 43. — P. 564-575.
- Rodkin P.C., Fischer K.* Cyberbullying from psychological and legal perspectives // *Missouri Law Review*, 2012. — 77. — P. 619-640.
- Salmivalli C.* Participant roles in bullying: How can peer bystanders be utilized in interventions // *Theory into Practice*, 2014. — 53. — P. 286-292
- Sarmiento A., Herrera-López M., Zych I.* Is cyberbullying a group process? Online and offline bystanders of cyberbullying act as defenders, reinforcers and outsiders // *Comput. Human Behav*, 2019. T. 99. P. 328–334.
- Selkie E.M., Kota R., Chan Y.-F., Moreno M.* Cyberbullying, depression, and problem alcohol use in female college students: A multisite study. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking [text]* / Selkie, E. M., Kota, R., Chan, Y.-F., & Moreno, M., 2015. — №.18. — P.79-86.
- Slonje R., Smith P.K., Frisén, A.* The nature of cyberbullying, and strategies for prevention // *Computers in Human Behavior*, 2013. — 29. — P. 26-32.
- Smith P.K.* Cyberbullying: its nature and impact in secondary school pupils // *Journal of child psychology and psychiatry, and allied disciplines*. 2008. — № 4 (49). — P. 376-385.

- Spears B., Slee P., Owens L., Johnson B.* Behind the scenes and screens: Insights into the human dimension of covert and cyberbullying. *Zeitschrift für Psychologie / B. Spears, P. Slee, L. Owens, B. Johnson // Journal of Psychology* 2009. – P. 189-196.
- Srivastava A., Gamble R., Boey J.* Cyberbullying in Australia: Clarifying the problem, considering the solutions // *International Journal of Children's Rights*, 2013. – 21. – P. 25-45
- Suler J.* The online disinhibition effect // *Cyberpsychology Behav*, 2004. – Т. 7, № 3. – P. 321-326.
- Talwar V., Gomez-Garibello C., Shariff S.* Adolescents' moral evaluations and ratings of cyberbullying: The effect of veracity and intentionality behind the event // *Computers in Human Behavior*, 2014. – 36. – P. 122-128.
- Thomas H.J., Connor P., Scott J.G.* Integrating traditional bullying and cyberbullying: Challenges of definition and measurement in adolescents / A review // *Education Psychology Review*, 2015. – 27. – P. 135-152.
- Vandebosch H., van Cleemput K.* Cyberbullying among youngsters: Profiles of bullies and victims // *New Media & Society*, 2009. – 11. – P. 1349-1371.
- Walker C.M., Sockman B.R., Koehn S.* An exploratory study of cyberbullying with under graduate university students // *Tech Trends: Linking Research and Practice to Improve Learning*, 2011. – 55. – P. 31-38.
- Wang J., Iannotti R.J., Luk J.W.* Patterns of adolescent bullying behaviours: Physical, verbal, exclusion, rumor, and cyber // *Journal of School Psychology*, 2012. – 50. – P. 521-534.

References

- Gorlova N.V., Bochaver A.A., Khlomov K.D.* Prediktory bullinga, kiberbullinga i viktimizatsii: obzor sovremennykh issledovaniy [Predictors of bullying, cyberbullying and victimization: a review of modern research] // *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal [National Psychological Journal]*. 2021. – V. 44, №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prediktory-bullinga-kiberbullinga-i-viktimizatsii-obzor-sovremennykh-issledovaniy> (data obrashcheniya: 25.10.2023).
- Deyneka O.S., Dukhanina L. N., Maksimenko A.A.* Kiberbulling i viktimizatsiya: obzor zarubezhnykh publikatsiy [Cyberbullying and victimization: a review of foreign publications] // *Perspektivy nauki i obrazovaniya [Perspectives of science and education]*. 2020. – V. 47, № 5. – P. 273-292. doi: 10.32744/pse.2020.5.19
- Okatova M.A.* Aprobatsiya russkoyazychnoy versii oprosnika kognitivnoy i afektivnoy empatii [Approbation of the Russian-language version of the cognitive and affective empathy questionnaire] // *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*. 2021. – V. 18, №. 4. – P. 685-699.
- Tarabrina N.V.* Prakticheskoye rukovodstvo po psikhologii posttravmaticheskogo stressa [practical guide to the psychology of post-traumatic stress]. CH. 2. – M.: Kogito-Tsentr, 2007.

Khlokov K.D., Davydov D.G., Bochaver A.A. Kiberbulling v opyte rossiyskikh podrostkov [Cyberbullying in the experience of Russian teenagers] // *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law]. 2019. – V. 9, № 2. – P. 276-295. doi: 10.17759/psylaw.2019090219

Информация об авторах

Демина Виктория Алексеевна, магистр, Московский институт психоанализа, Москва, Россия; e-mail: deminaviktoria@gmail.com

Ананьева Кристина Игоревна, кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук; доцент кафедры общей психологии, Московский институт психоанализа, г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1666-3269>, e-mail: ananyeva@inpsycho.ru

Information about the authors

Victoriya A. Demina, master degree, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia; e-mail: deminaviktoria@gmail.com

Kristina. I. Ananyeva, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Research Associate at the Laboratory of Cognitive Psychology and Mathematical Psychology of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1666-3269>, e-mail: ananyeva@inpsycho.ru

Получена: 29.02.2024

Принята в печать: 01.03.2024

Received: 29.02.2024

Accepted: 01.03.2024

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПОЛЕМИКЕ ФИЛОСОФОВ О СЛЕПОГЛУХОНЕМОТЕ (АРГУМЕНТЫ ОТ «МЕТОДОЛОГИИ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ»)

РОЗИН В.М.

Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия

В статье рассматривается полемика двух известных российских философов, касающаяся факторов, определяющих развитие человека, а также причин фальсификации Э.Д. Ильенковым реальных условий «Загорского эксперимента». Если Ильенков утверждал, что формирование личности зависит исключительно от социальных условий и средств, то Д.И. Дубровский настаивал на том, что в этом процессе существенную роль играют также генетические факторы, которые необходимо учитывать в решении проблем воспитания и образования. Помимо причин фальсификации, речь идет о старой психофизиологической проблеме, правда, в ее современной форме — взаимосвязях психики и мозга, а также влиянии на формирование индивида генетических факторов. Загорский эксперимент сравнивается с экспериментом по одомашниванию диких животных, который примерно в это время осуществил генетик Дмитрий Беляев; отмечается сходство и различие этих экспериментов. Автор ставит задачу более тщательно проанализировать соотношение психики и телесности, для чего намечает этапы генезиса становления человека. Он показывает, что необходимость адаптироваться к коммуникации, работать со знаками и орудиями, действовать совместно трансформируют биологическую субстанцию гоминид, создавая на ее основе, с одной стороны, психику человека, с другой — «антропобиологическую организацию» его телесности. Эти стороны связывает принцип «психосоматического единства», в соответствии с которым всякий психический процесс требует своего соматического (физиологического) обеспечения (поддержки), и наоборот. В последней части статьи на основе полученных теоретических представлений выдвигаются аргументы в поддержку позиции Дубровского. Стратегия выведения слепоглухих в мир нормальной жизнедеятельности и творчества сравнивается со стратегией психотерапевта Павла Волкова, позволяющей выводить клиентов из мира шизофрении.

Ключевые слова: слепоглухота, телесность, гены, биология, психика, формирование, предпосылки, шизофрения, генезис, организация.

Для цитаты: Розин В.М. Возвращаясь к полемике философов о слепоглухонемоте (аргументы от «методологии с ограниченной ответственностью») // Познание и переживание. 2024. — Т. 5. — № 1. — С. 44–60. doi: 10.51217/cogexp_2024_05_01_03

Для контактов: Вадим Маркович Розин, rozinvm@gmail.com

RETURNING TO THE PHILOSOPHERS' POLEMIC ABOUT DEAFBLINDNESS (ARGUMENTS FROM THE «LIMITED LIABILITY METHODOLOGY»)

ROZIN V.M.

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article examines the polemic of two well-known Russian philosophers concerning the factors determining human development, as well as the reasons for E.D. Ilyenkov's falsification of the real conditions of the Zagorsky Experiment. If Ilyenkov argued that the formation of personality depends solely on social conditions and means, then D.I. Dubrovsky insisted that genetic factors also play an essential role in this process, which must be taken into account in solving problems of upbringing and education. In addition to the causes of falsification, we are talking about an old psychophysiological problem, however, in its modern form – the relationship between the psyche and the brain, as well as the influence of genetic factors on the formation of an individual. The Zagorsky experiment is compared with an experiment on the domestication of wild animals, which was carried out around this time by geneticist Dmitry Belyaev, and the similarities and differences between these experiments are noted. The author sets the task to analyze the relationship of the psyche and physicality more thoroughly, for which he outlines the stages of the genesis of human formation. He shows that the need to adapt to communication, work with signs and tools, and act together transform the biological substance of hominids, creating on its basis, on the one hand, the human psyche, on the other – the «anthropobiological organization» of his physicality. These sides are connected by the principle of «psychosomatic unity», according to which every mental process requires its own somatic (physiological) provision (support) and vice versa. In the last part of the article, based on the theoretical concepts obtained, arguments are put forward in support of Dubrovsky's position. The strategy of bringing the deafblind into the world of normal life and creativity is compared with the strategy of psychotherapist Pavel Volkov, which allows clients to withdraw from the world of schizophrenia.

Keywords: deafness, physicality, genes, biology, psyche, formation, prerequisites, schizophrenia, genesis, organization.

For citation: *Rozin V.M.* Returning to the philosophers' polemic about deafblindness (arguments from the «limited liability methodology») // *Poznanie i perezivanie [Cognition and Experience]*. 2024. – V. 5. – № 1. – P. 44–60. doi: 10.51217/cogexp_2024_05_01_03 (in Russ.).

Corresponding author: Vadim M. Rozin, rozinvm@gmail.com.

Стоит сразу сделать два пояснения: что такое методология с ограниченной ответственностью, а также о чем шла полемика, начавшаяся еще в прошлом столетии между профессором Давидом Израилевичем Дубровским и известным

российским философом Эвальдом Васильевичем Ильенковым. Методология с ограниченной ответственностью – это методология, которую развивает автор, ориентируясь на культурно-исторический подход и современные варианты семиотики, культурологии и персоналогии (см. в книге «Возобновление методологии» (Розин, 2017. с. 131-135)).

Суть спора четко изложил сам Дубровский в небольшой книге «Слепоглухонемота: исторические и методологические аспекты. Мифы и реальность». «Философы молодого поколения, во всяком случае многие из них, – пишет Дубровский, – уже, наверное, не знают, что в 70-х годах прошлого века не только философская литература, но и массовая пресса трубила на всю страну и била в фанфары о выдающихся достижениях советской науки: благодаря ее марксистским методам четверо слепоглухих от рождения смогли успешно закончить психологический факультет МГУ... Столь впечатляющее достижение получило название «Загорского эксперимента»... <...> Ключевым пунктом «Загорского эксперимента», – поясняет Дубровский позицию его сторонников, в частности, Ильенкова, – служило именно то, что все четверо были слепыми и глухими от рождения, целиком изолированными от внешней социальной действительности: формирование личности началось с «нуля», с полного отсутствия у них человеческой психики». <...> «Исходное условие, – цитирует Дубровский Ильенкова, – жесткое: *психики нет вообще, и «сама» она не возникает. Ее надо сделать*, сформировать, воспитать» ... «Исходное условие – то, что дано природой, биологией, ничтожно мало – одни лишь простейшие органические нужды: в пище, воде да физических факторах известного диапазона. Больше ничего» (Ильенков, 1977, с. 71).

И вот, благодаря специальным методам воспитания, основанным на марксистской теории личности, они обрели развитую психику...

Но вскоре стали выясняться противоречащие факты. Оказалось, что никто из них не был слепым и глухим от рождения. Они утратили зрение и слух в позднем дошкольном или даже школьном возрасте, когда у них накопился большой психический опыт восприятия мира и сформировалась развитая речь. <...>

«Э.В. Ильенков, – разъясняет дальше Дубровский теоретические основания полемики, – категорически утверждал, что формирование личности зависит исключительно от социальных условий и средств. Я же настаивал на том, что в этом процессе существенную роль играют также и генетические факторы, которые необходимо учитывать в решении проблем воспитания и образования» (Дубровский, 2018. с. 7-9, 13).

Другими словами, помимо выяснения истины в вопросе о том, почему Ильенков скрыл от общественности реальные условия «Загорского эксперимента» («И об этом надо говорить прямо, без всякой философической политкорректности...» (Там же, с. 32)). Речь идет о старой психофизиологической проблеме, правда, в ее современной форме – взаимосвязях психики и мозга, а также влиянии на формирование индивида генетических факторов. Ильенков – твердый сторонник концепции, в соответствии с которой ведущими и, по сути, определяющими подобное формирование выступают социально-педагогические дей-

ствия; роль же генома, мозга и других биологических структур (будем все это называть «антропобиологической организацией» человека) ничтожна.

Здесь я невольно вспомнил об известных экспериментах советского генетика Дмитрия Беляева, который смог диких серебристых лисиц превратить в домашних. Он, наоборот, считал, что ключ к механизму одомашнивания лежит не в принципах социального формирования, а именно «менделевского наследования». «Джейсон Голдман из *Scientific American* сказал: «Беляев выдвинул гипотезу, что анатомические и физиологические изменения, наблюдаемые у одомашненных животных, могли быть следствием результата отбора на основе поведенческих признаков. Более конкретно: он считал, что приручаемость была решающим фактором» (начали с 30 лисиц-самцов и 100 лисиц, большинство из них с коммерческой зверофермы в Эстонии). С самого начала Беляев выбирал лисиц исключительно из приручаемости, позволяя размножаться лишь крошечному проценту потомства мужского пола и чуть большему проценту самок. Лисиц не дрессировали, чтобы убедиться, что их приручаемость была результатом генетического отбора, а не влияния окружающей среды. По той же причине они проводили большую часть своей жизни в клетках, и им разрешались лишь кратковременные встречи с людьми... Единственным критерием для разрешения им размножаться была их терпимость к контакту с человеком... После более чем 40 поколений разведения Беляев произвел «группу дружелюбных одомашненных лисиц» ... У многих одомашненных лисиц были висячие уши, короткие или выющиеся хвосты, длительный репродуктивный сезон, изменения в окраске меха и форме черепов, челюстей и зубов. Они также потеряли свой «мускусный лисий запах» (Вместо собак: ..., 2022). «Внешне лисы тоже отличались от своих диких сородичей. Их окрас стал более пятнистым и светлым, а некоторые лисички и вовсе стали практически полностью белыми... На данный момент специалисты по одомашниванию лисиц констатируют, что их подопечные вполне могут проживать рядом с человеком, но не в квартирах или домах, а на подворьях. Питомцы из них своеобразные: с человеком уживаются, но не зависят от него и своевольны. К людям не агрессивны и поддаются дрессировке, но по чистоплотности оставляют желать лучшего. Живут около 10 лет, в то время как их дикие собратья – около 4. Лисы могут быть как помощниками при охоте, так и просто красивыми домашними животными» (Вместо собак: ..., 2022).

Прокомментирую. Как генетик Беляев был уверен, что эволюция животных определяется только генетическим отбором, а не факторами внешней среды. Но откуда, спрашивается, он брал для эксперимента лисиц? Со звероферм, где лисицы жили в искусственной среде (их выращивали, кормили, чистили, охраняли, и пр.), причем они общались с людьми, которые за ними ухаживали. То есть это были домашние животные в начальной стадии развития, а не чисто дикие животные; кстати, американские биологи Элинор Карлсон и Кэтрин Лорд тоже обратили внимание, что «эксперимент начался с разведения лисиц, которые не были дикими» (Bittel, 2019). Отбирались для размножения только те лисицы, которые не боялись людей и тянулись к ним для общения. Нетрудно догадаться,

что гены этих особей претерпели мутацию, которую Беляев на уровне поведения и назвал признаком «приручаемости» (желание общаться с людьми и отсутствие агрессии). Именно лисам из этой популяции разрешали размножение, что способствовало, с одной стороны, определенной направленности трансформации генов (на человека), с другой – дальнейшим этапам становления домашних животных. То есть эволюция лис шла под влиянием двух факторов – не только генетического отбора, но и воздействия среды, создаваемой человеком, среды, способствующей формированию домашних животных.

Таким образом, с одной стороны, налицо противоположность (в первом случае сводится на нет роль антропобиологической организации, во втором – социально-педагогического формирования), с другой – сходство (в обоих случаях фальсифицирована исходная реальность в пользу смысловой концепции их создателей). В полемике Дубровского и Ильенкова я на стороне первого, но его положение о роли генетических и биологических факторов сформулировано в общем виде, неконкретно. Понимая сложность этой проблемы, я ставлю себе задачу рассмотреть связь психики с антропобиологической организацией. Для этого в рамках методологии с ограниченной ответственностью показываю, что решение подобных задач предполагает генезис (в логике культурно-исторического подхода) происхождения человека.

Прежде чем изложить результат подобного генезиса, сделаю одно замечание. Беляев, скрещивая лис, способствовал превращению дикого животного в домашнее, но опять-таки получалось животное. Историческая эволюция на земле на основе животного «создала» человека. Вероятно, животное должно было исчезнуть (не вообще, а уйти на второй план, стать одной из «ипостасей человека» – *биологической*, наряду с другими ипостасями, *социальной*, *культурной*, *семиотической*, *духовной*), и родиться должен был именно человек, на что в свое время косвенно указывал Б.Ф. Поршнев в своей книге «О начале человеческой истории» (Поршнев, 2007). Мои исследования показывают, что, как бы сказали алхимики, «трансмутация» животного в человека произошла на основе становления знаков и социальной коммуникации. В этом же контексте складывается антропобиологическая организация как результат преобразования биологии под влиянием семиотики и социальности.

ДВА ЭТАПА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА (ДОИСТОРИЧЕСКИЙ И В АРХАИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ)

Возникшая на Земле жизнь в виде отдельных «индивидов» (т.е. уникальных, целостных образований) имела склонность к усложнению и, следовательно, развитию. Последнее происходило не только под влиянием дарвиновского закона борьбы за существование, но и космических катастроф, и «случайных факторов со стороны», и новой «информации», и «скачкообразной смены реальности». Эволюция биологической жизни на рубеже 10-1 миллионов лет до н.э. создала условия для становления новой целостности, которая в XVIII-XIX вв. получает название «антропологической» и «социальной» (Вместо собак: ..., 2022).

Ее можно охарактеризовать следующими двумя особенностями. Эта целостность наследует (включает в себя) развитые биологические индивиды (сообщество гоминид), кардинально меняя их телесность и организм (прямохождение, увеличение мозга, развитие моторики рук, и пр.). Вторая особенность, позволившая, собственно, образоваться новому целому, — использование знаков, обозначающих не наблюдаемые реалии, а нужные для управления «первичным коллективом» (семья, родовое объединение, племя), а также использование орудий (Розин, 2016. с. 29-44). Техника выполняла две основные функции. Во-первых, она расширяла возможности гоминид в плане адаптации к окружающей среде и создания нужной среды (огонь, орудия, одежда, жилище, и т.д.). Во-вторых, как бы подтверждала использование знаков, ведь с ее помощью создавалась реальность, соответствующая их значениям. Конкретный механизм, запустивший становление человека, был примерно следующий.

На указанном выше историческом рубеже группы гоминид (человекообразных обезьян, предков человека) попадают в катастрофические условия жизни (вынуждены спуститься с деревьев и жить в саване среди хищников). Как я показываю, выживают лишь те группы, которые переходят к «парадоксальному поведению», т.е. начинают действовать по командам вожака, представляющим собой уже не сигналы (что характерно для животных), а знаки. Необходимое условие знакового поведения со стороны остальных членов коллектива — строгое следование командам, что предполагает воссоздание воображаемых ситуаций, воспринимаемых, однако, как настоящие (в семиотике их можно истолковать как прототипы денотатов). Необычное (в биологическом отношении) поведение коллектива позволяет выживать. Поскольку подобное семиотическое поведение небиологическое и его эффектом выступает выживание, а также поскольку это поведение означено вожаком и понято (представлено) остальными членами коллектива, как обусловленное событиями настоящей реальности, постольку подобное поведение можно считать «прасоциальным».

В целом логика перехода и формирования человека в этот период была следующая: гоминиды все чаще прибегали к парадоксальному поведению, сигналы вытеснялись знаками, прасоциальное поведение превращалось в социальное, знаковое поведение трансформировало биологию гоминид. Что происходит с гоминидами, вставшими на путь парадоксального и знакового поведения? Они вынуждены адаптироваться к новым условиям, меняться. Выживают лишь те особи, которые начинают ориентироваться не на сигналы и события, а на знаки, те особи, для которых «временное помешательство» на знаковой почве (т.е. воображение и представление) становятся нормой жизни, те, которые научаются работать со знаками (создавать, понимать их смысл и т.д.).

Адаптация к новым условиям резко меняет естественные процессы развития гоминид как биологического вида. Формируются новые типы движений конечностей, новые типы ощущений, новые действия и операции в психике. При этом можно предположить, что биологическая эволюция и становление вида *Homo sapiens* должны были идти, как и у всех обитателей нашей плане-

ты, то есть под влиянием обычных факторов микроэволюции: естественного отбора, мутаций генов, их комбинации, и т.п. Необходимость адаптироваться к коммуникации, работать со знаками и орудиями, действовать совместно трансформирует биологическую субстанцию гоминид, создавая на ее основе «существо переходной формы». Это уже не человекообразная обезьяна, но еще и не человек, а особое меняющееся, адаптирующееся существо, претерпевающее метаморфозы. Судя по палеонтологическим исследованиям, к концу четвертичного периода адаптация существ переходной формы заканчивается, т.е. их телесность (физиология, геном, органы тела, внешний облик, действия органов чувств) теперь полностью отвечает коммуникации, требованиям совместной деятельности, знаковому поведению (эту телесность я и назвал антропобиологической организацией). Поведение «переходных существ» (теперь больше похожих на людей) становится полностью знаковым и социальным (Розин, 2019).

На основе понятия антропобиологической организации я, в частности, вводил принцип «психосоматического единства» (одно из решений психофизиологической проблемы). В соответствии с этим принципом всякий психический процесс требует своего соматического (физиологического) обеспечения (поддержки), и наоборот, соматический процесс не может развернуться, если он не поддержан на уровне психики с помощью определенных психических процессов, напряжений и событий (Розин, 1997. с. 171). Сделаю отступление и расскажу, каким образом я использовал этот принцип для объяснения гомеопатического лечения.

«Возьмем из «Гомеопатического вестника» статью Дмитрия Храмова об эффективном лечении простуды детей (Храмов, 2004). Соматические процессы известны — переохлаждение, температура, часто (но не всегда) насморк, кашель, обложенный язык, воспаленное горло и прочее. Заболевание как простуда на психологическом уровне должно быть поддержано такими процессами, как головная боль, отсутствие аппетита, слабость, тот же кашель (как психологическая реакция), затрудненное дыхание, боль в горле, и т.п. Запуская соответствующие психологические процессы, простуда как соматический процесс (процессы), как бы, информирует психику.

Если принцип психосоматического единства верен, то понятно, что реакция от действия гомеопатического лекарства тоже должна быть поддержана на психологическом уровне. Тем самым гомеопатическое лекарство, как бы, информирует психику. Продумаем теперь, что происходит, когда психологическая поддержка гомеопатической реакции по симптоматике совпадает с симптоматикой заболевания. В этом случае, как я предполагаю и специально разбирал на материале акупунктурного лечения алкогольной зависимости, более сильное соматическое воздействие гомеопатического лекарства перетягивает на себя психологическую поддержку (Розин, 1997, с. 170-171). Дело в том, что наша психика может поддерживать только один четко выраженный «пакет соматических процессов». Именно поэтому, как показывает Ганеман, при одновременном развитии двух несходных заболеваний, «заболевание, которым

вначале страдал пациент, как более слабое, будет с наступлением более сильного отстранено и подавлено до тех пор, пока последнее не завершит цикл своего развития или будет вылечено, и тогда старое заболевание проявится вновь *неизлеченным*» (Ганиман, 1992. с. 61-62).

В данном случае процессы тоже несходные (естественное заболевание и реакция от гомеопатического лекарства), и соматическая основа у них общая (сходство симптомов). В результате теоретически возможны три случая: интерференция обоих процессов, их интеграция и усиление, наконец, вытеснение одного другим. Как я показываю, в случае акупунктурного и, вероятно, гомеопатического воздействия чаще всего имеет место третий случай (Розин, 1997. с. 171). Вообще же в человеческом организме, особенно старом, наблюдаются все три случая: как часто одни процессы усиливают другие (пришла беда — открывай ворота), накладываются друг на друга, вытесняют друг друга, и все это на фоне действия системных процессов; поэтому часто болезни сами собой, без всякого лечения проходят, но и появляются вновь.

Итак, при гомеопатическом лечении соматические процессы, образующие соматическую основу заболевания, лишаются психологической поддержки. Что это означает? Наверное, то, что они не могут более свободно протекать, реализовываться, а больной должен выздороветь?

Вряд ли. Во-первых, заболевание также, как и выздоровление — системные процессы (реакции) организма как целого. Уж если они начались, то идут сами собой, но при определенных условиях. Во-вторых, процесс выздоровления автоматически не запускается блокированием психологической поддержки процесса заболевания. Его еще нужно запустить и поддержать как на соматическом, так и психическом уровнях. Что мы и наблюдаем в реальности. Врач прописывает пациенту больничный режим (в данном случае тепло, которое было растрачено при переохлаждении, постель, специальное питание) и внушает ему, что лечение началось и скоро он поправится. Лишенный психологической поддержки системный процесс заболевания начинает блокироваться, а на его место постепенно встает другой системный процесс (выздоровления), поддержанный на обоих уровнях. Интересно, что и в психотерапии можно наблюдать сходную закономерность: с одной стороны, нужно блокировать психическое заболевание, с другой — запустить и поддержать процесс выздоровления. При этом если методы блокирования в психотерапии, вообще-то, похожие (психолог уклоняется от общения на темы заболевания и старается перевести интерес больного на нормальную жизнь), то способы запуска и поддержки выздоровления достаточно сложные и разные. Например, Г. Назлоян решает эту задачу методом портретирования своих пациентов, а П. Волков — подсовыванием им стратегии «троянского коня» (Розин, 2005. с. 234-255).

Теперь вторая трансмутация — становление на основе первой трансмутации «архаической культуры». Здесь большую роль сыграли «семиотические схемы» (далее, просто «схемы»), позволившие создать особую форму социальной жизни (назовем ее условно «антропосоциальной»). Например, архаическая культура была «построена» (естественно бессознательно) на основе трех

типов схем: схем, описывающих уникальные ситуации (например, затмение), схемы «души» и схемы «архе».

«На языке тупи, — пишет Э. Тейлор, — солнечное затмение выражается словами: “ягуар съел солнце”. Полный смысл этой фразы до сих пор подтверждается некоторыми племенами тем, что они стреляют горящими стрелами, чтобы отогнать свирепого зверя от его добычи. На северном материке некоторые дикари верили также в огромную пожирающую солнце собаку, а другие пускали стрелы в небо для защиты своих светил от воображаемых врагов, нападавших на них. Но рядом с этими преобладающими понятиями существуют еще и другие. Караибы, например, представляли себе затмившуюся луну голодной, больной или умирающей... Гуроны считали луну больной и совершали свое обычное шаривари со стрельбой и воем собак для ее исцеления» (Тейлор, 1939. с. 228).

Здесь нарратив «ягуар съел солнце» в рамках определенной реконструкции — пример схемы. Реконструкция схемы предполагает: «выделение проблемной ситуации» (в данном случае, страх перед затмением, непонимание, что происходит и что делать); описание «семиотического изобретения» (нарратива «ягуар съел солнце»), позволяющего эту проблему разрешить; характеристика «реальности», заданной схемой (ягуара, питающегося небесными светилами); создание условий для «нового действия» (заставляем ягуара отпустить солнце). То есть схема — это не просто семиотическое построение, а структура, реконструируемая в соответствии с указанной логикой (Розин, 2011).

А вот один из вариантов архаического представления о душе: она понималась как живое существо, имеющее дом (тело человека), способное, как птица, выходить из него или входить в него; соответственно, смысл смерти понимался как уход души из тела человека навсегда, болезнь — как временный выход, сновидение — как путешествие души во время сна, наскальные изображения людей и животных — как визуальное явления душ зрителям. Но были другие схемы и истолкования души, все зависело от проблем, которые нужно было разрешить (схемы, как я показываю, изобретаются и вводятся именно для разрешения «проблемных ситуаций»), условий жизни социальных коллективов (племен, родов), изобретательности шаманов и вождей.

Если первоначально схема души использовалась для разрешения указанных здесь, так сказать, антропологических проблем (понимание смерти, болезни, сновидений, наскальных изображений), то в дальнейшем эта схема со схемой архе (мы переводим как «начало», источник происхождения) стала использоваться для разрешения еще трех типов проблем: для понимания природных стихий («жизни» солнца, луны, ветра, земли, и пр.), социальной жизни (рождение, смерть, брачные отношения, охота, и т.п.) и, как бы мы сказали сегодня, понимания событий, относящихся к *воспроизводству* культуры (обучение молодых членов коллектива, правила и обычаи).

Именно на основе этих трех типов схем и связанных с ними смыслов и техник (ритуалы, коллективные действия) и складывается архаическая культура как форма и организм антропосоциальной жизни. Отдельные социальные ор-

ганизмы архаической культуры отвечали уровню развития человека того времени и уникальным особенностям жизни социальных коллективов (климат, состав людей, условия для охоты, и пр.). И то и другое не совпадало в отдельных регионах Земли, поэтому и вариантов архаической культуры было много.

АРГУМЕНТЫ В ПОДДЕРЖКУ ПОЗИЦИИ ДУБРОВСКОГО

Давид Израилевич правильно утверждает, что если бы дети были слепоглухими от самого рождения, то их не удалось бы сделать нормальными людьми, поскольку не на что было бы опираться в плане биологических предпосылок (оснований). О том же пишут С.А. Сироткин (один из четверых слепоглухих выпускников МГУ) и Э.К. Шакенова. «Тотально слепоглухорожденные – явление крайне редкое. Современные исследования показывают, что у таких слепоглухонемых обычно имеется врожденная органическая и мозговая патология; следовательно, их обучение и воспитание до высших форм человеческой психики вряд ли вообще возможно... Поэтому неправомерно категорически отвергать роль биологического и генетического факторов в психическом развитии человека, рассматривая слепоглухонемому как средство доказательства всесильности социального фактора – фактора педагогического воздействия – в споре о соотношении социального и природного в развитии человека» (Слепоглухонемота, 2018. с. 55).

Со своей стороны, добавлю, что у тотально слепоглухорожденных антропобиологическая организация существует только на уровне генома; в плане, обеспечивающем семиотическое и социальное поведение, подобная организация сложиться не может, главным образом, в силу невозможности нормального общения и действия зрения и слуха. Чтобы это стало понятнее, рассмотрим два варианта развития человека: первый, когда он овладевает речью и общением, и только потом слепнет и глухнет, и второй, когда ребенок является слепоглухим от самого рождения. В первом случае у ребенка формируются смыслы и элементы опыта в психике, сложившиеся в общении с родителями и взрослыми. Здесь также большую роль играют семиотические схемы, позволяющие понять, что происходит, и начать видеть соответствующую реальность. Вот примеры из книги К. Чуковского «От двух до пяти».

«Машенька о радио:

– А как же туда дяди и тети с музыкой влезли?

И о телефоне:

– Папа, когда я с тобой говорила по телефону, как же ты туда, в трубочку, забрался?»

Здесь схема такая: в радио и телефоне сидят люди, поэтому голоса и музыка.

«Моя шестилетняя Туська, – пишет мне С.А. Богданович, – увидела беременную и стала смеяться:

– У-у, какой живот!

Я говорю ей:

– Не смейся над тетей: у нее в животе ребеночек.

Туська с ужасом:

– Съела ребенка?!»

Схема – «съела ребенка», вот почему такой живот.

Теперь схемы второго типа, объясняющие не только, что происходит, но и что делать в трудных ситуациях.

«Гуляя с теткой по улице, мальчик двух с половиною лет останавливается у книжного киоска.

Продавец спрашивает:

– Умеешь читать?

– Умею.

Мальчику дают книгу:

– Читай.

Он, подражая бабушке, хватается внезапно за карман:

– Я забыл дома очки».

В данном случае схема: «Я забыл дома очки». И не стоит думать, что ребенок врёт, он создает реальность, позволяющую уклониться от чтения.

«Папа, да сруби ты, пожалуйста, эту сосну... Она делает ветер; а если ты срубишь ее, станет тихо, и я пойду гулять».

Схема типичная, в том числе и для аборигенов: «деревья делают ветер». С одной стороны, она объясняет, почему деревья качаются (они машут верхушками, прогоняя ветер), с другой – понятно, что делать: надо остановить деревья).

«Леночка Люляева попросила у бабушки китайский сервиз.

– Когда будешь выходить замуж – подарю.

Леночка сейчас же к отцу:

– Папочка, дорогой, давай с тобой поженимся, и тогда у нас будет китайский сервиз».

Схема понятная: «папа – это потенциальный муж, а Леночка – жена» (Чуковский, 2001).

Нетрудно заметить, что в детском дискурсе сходятся верные знания, полученные ребенком из опыта или от взрослых, и знания, которые он получает на схемах. Схема же строится таким образом, чтобы стало понятно, и ребенок смог себя реализовать. Схема может быть удачной, работающей, и неудачной, неработающей. Кроме того, нужно учесть, что взрослые заинтересованы, чтобы ребенок усваивал не любые схемы, а правильные, например, начал бы понимать, что ветер качает деревья, а не наоборот. В этом смысле взрослые способствуют усвоению таких схем, которые могут работать и как модели.

На основе общения и схем в психике детей складываются и соответствующие смыслы, а также элементы опыта, что ярко проявляется, например, в сновидениях. Детям вполне могут присниться: и радио, и папа, залезший в телефон, и ребенок в животе, и забытые очки, и деревья, погоняющие ветер. Присниться ярко, натурально, хотя они спят, ничего в данный момент не слышат и не видят. Другими словами, во сне актуализируются определенные элементы психического опыта (см. авторскую теорию сновидений (Розин, 2011), сложившиеся в период бодрствования.

Позднейшая потеря слуха и зрения не означает исчезновение сложившихся смыслов и элементов психического опыта. На них и начинают опираться тифлосурдопедагоги, изыскивая обходные пути (тактильные, изобретая новые графические схемы), чтобы добраться до сохранившихся смыслов и элементов опыта, актуализировать их и дальше на их основе создавать новые. А на что они могут опереться у тотально слепоглухорожденных? Только на геном, который представляет собой чисто биологическую структуру. Но как до него добраться и каким образом его задействовать, ведь ребенок не видит и не слышит? Сегодня, после расшифровки генома, правда, добраться можно, но заставить геном определять нужное поведение все равно невозможно. Тактильные контакты и общение для решения этой задачи явно недостаточны.

Стоит остановиться и на роли общения. «Еще в 20-е годы, — пишут Сироткин и Шакенова, — Л.С. Выготский прозорливо заметил, что специальная школа «создает отрезанный и замкнутый мирок, в котором все приурочено и приспособлено к дефекту ребенка, все фиксирует его внимание на телесном недостатке и не вводит его в настоящую жизнь». Наша специальная школа вместо того, чтобы выводить ребенка из изолированного мира, обычно развивает в этом ребенке навыки, которые ведут его к еще большей изолированности и усиливают его сепаратизм» (Выготский, 1983. с. 50). С этой точки зрения следует критически отнестись к статусу строящегося в Загорске комплекса для слепоглухих, в котором явно воплощается глубоко порочная идея «городка слепоглухих», чреватая опасностью воспроизведения старых и новых противоречий (в частности, расширения жестовой среды, иждивенческих настроений с соответствующей идеологией инвалидов) ... Комплекс должен быть учебно-реабилитационным центром для слепоглухонемых детей и взрослых, с текучим контингентом. Кроме того, необходимо изыскивать возможности и формы совместного воспитания слепоглухих и зрячеслышащих детей, их общения и сотрудничества, создания сети групп слепоглухих в других учебных заведениях, формы организации труда и жизни взрослых слепоглухих среди людей с нормальной сенсорикой» (Слепоглухонемота, 2018. с. 146-147). Действительно, правильные смыслы, обеспечивающие эффективную жизнь в реальной жизненной среде, могут складываться только там, где слепоглухие могут общаться с обычными детьми и взрослыми.

Интересно, что подобную же стратегию общения с нормальными людьми предложил психотерапевт Павел Волков для выведения из шизофренического мира клиентов, вполне здоровых в плане зрения и слуха. Слепоглухие находятся в замкнутом ограниченном мире в силу болезни, а шизофреники — в силу собственных мыслительных построений. Один из способов выведения их из этого мира — общение с нормальными людьми. Вот пример.

Пациентку Волкова звали Света. «Уже в детстве, — восстановил генезис ее заболевания Павел, — отличалась своеобразием. Любимица матери, баловница, прелестная, с белокурыми красиво вьющимися волосами, милая, но с характером. Много читала, не стремилась в веселый и бездумный коллектив сверстников. Еще маленькая жила по своим принципам, требуя их призна-

ния у окружающих... С детства чувствовала свою исключительность, особенность...».

И вот она вышла из узкого семейного мирка в клокочущий большой мир. Хочется сказать свое слово, занять место в обществе в соответствии со своим «природным аристократизмом». В душе все чаще возникает чувство неподатливости мира, некоего сопротивления ее мечтам и желаниям. В мире обнаруживается что-то бездушное, холодное. Мир оказывается конъюнктурным, пошлым, безразличным к ее тонкости и богатству самовыражения...

(Света, подобно детям у Чуковского, создает схему, позволяющую понять происходящее, она открывает, что существуют два типа людей – «удачники» и «неудачники». – В.Р.). Неудачник отличается патологической неспособностью приспособлять свое «я» к чему-то выгодному, но антипатичному духовно. Удачник же, как раз наоборот, обладает этим наиважнейшим для жизни «талантом». Жизнеспособные приспособленцы добиваются успеха, а тот, кто ищет истину, должен уступить им место. Постепенно к людям, достигшим успеха, у Светы начинает формироваться воинственно-отрицательное отношение: ведь их успех стоит на костях неудачников, людей истинных...

Внутреннее отношение Светы к удачнику становится все агрессивней. Все больше и больше в отношениях с людьми дают о себе знать спрятанные, но готовые к нападению «клыки»... Больная до сих пор не знает, кто конкретно ее преследователи, многое неясно, но все-таки ей кажется, что «ситуация» связана с ее отношениями с удачниками. Наверное, им стало неприятно, когда она, неудачник по духу, вдруг добилась успехов и при этом не утратила своей индивидуальности, свободы. Видя, что неудачник выбился в удачники, кто-то не смог этого допустить и нанес ей сокрушительный удар. (Волков, 2000. с. 470-473).

В ответ на заговор удачников Света принимает контрмеры: начинает скрывать свои чувства и мысли, перестает общаться с окружающими. В свете нового понимания событий она пересматривает свою жизнь и убеждается, что да, действительно, ей всегда завидовали удачники, а все ее проблемы на самом деле были связаны не с нею, а с кознями удачников. С каждым днем Света все яснее ощущала заговор, видела, как он растет, становится все более изощренным, уже близких людей, и поэтому все активнее она возводила стену между собой и людьми. Она принимает решение уйти с работы, перестает доверять своим близким. Заговорщики все больше лишают ее свободы, Света все больше изолирует от людей свою жизнь. Тогда удачники наносят ей окончательный удар: ее помещают в психиатрическую больницу. Света отчаянно сопротивляется, но снова и снова попадает в психушку.

Что же предложил ей Волков. «В обобщенном виде, – рассказывает он, – то, что я пытался донести до Светы, звучит примерно так: «Я знаю, что ваши действия понятны, но кому? Вам и мне. А окружающим? Согласитесь, что окружающие видят лишь ваше внешнее поведение, оценивают его стандартной меркой, по которой оно получается ненормальным...Для госпитализации нужен повод, и вы его давали...у вас есть выбор: либо продолжать жить по-

прежнему и с прежними последствиями, либо вести себя, не нарушая писанных и неписанных договоров, тем самым избегая больниц...

Нельзя обменяться душами и личным опытом. У нас есть вариант. Первый: каждый старается доказать свою правоту, при этом никакая правда не торжествует, и между нами – конфликт. Второй: каждый соглашается, что все имеют право на свою правду и свой миф, при этом в глубине души считает правым себя, но в реальных отношениях корректен и строит эти отношения не на расхождениях, а на сходстве. Если люди не хотят конфликта, они должны строить свои отношения на общих или нейтральных точках соприкосновения, не претендуя на общепринятость своих мифов» (Там же. с.492-496).

Важными моментами помощи и исцеления Светы были также общение ее с Павлом, поддержка, культивирование всех положительных аспектов жизни. Чтобы пройти сквозь психоз, отмечает П. Волков, «нужно иметь направление и ориентир, нужно иметь непсихотические ценности и смыслы, которые сохраняются даже на высоте психоза. У моей больной такие ценности есть. Дочь Оля, работа, собственное творчество. Смысл, освещая жизнь, гонит вместе с душевным мраком все привидения» (Там же. с. 498).

«С началом нашей работы, – пишет П. Волков, – больная уже не попадает в больницы, через год снимает инвалидность и возобновляет работу по специальности ассистента режиссера, резко сокращает прием психотропных средств. В дальнейшем отмечается несколько тяжелых психотических обострений, но благодаря нашему контакту даже в эти периоды удается обойтись без госпитализаций и, продолжая работу, переносить обострения при минимуме лекарств... Успех психотерапии, быстро приведший к неожиданной социальной реабилитации, удивил всех, кто близко знал больную. Да и как не удивляться, если психиатры считали Свету безнадежной. Например: “Да она же в доску сумасшедшая! Я ее отлично помню по предыдущему ВТЭКу, она там такое несла”, – сказал по поводу нее председатель ВТЭКа» (Там же. с. 456, 478).

Возможно, есть общие подходы к выведению человека из замкнутого мира, в который он попадает либо из-за болезни, либо из-за неправильных установок своего сознания. К их числу относятся как опора на социальные основания (среда жизнедеятельности, общение, воспитание, и пр.), так и на антропобиологические предпосылки (учет генетических предпосылок, нарушений здоровья, характер сил, энергии, эмоционального настроения, переживаний, и др.).

Литература

Вместо собак: успешный советский эксперимент по одомашниванию лисиц [Электронный ресурс] // 2022. URL: <https://dzen.ru/a/YulIO3mBQhk1G02F> (дата обращения: 01.01.2024).

Волков П. Разнообразие человеческих миров: руководство по профилактике душевных расстройств: основы и нюансы характерологии, психология душевных болезней, поиск взаимопонимания и психотерапия. – М: Аграф, 2000. – 525с.

- Выготский Л.С.* Собр. соч. в 6 т. Т 5. Основы дефектологии. – М.: Педагогика, 1983. – 369с.
- Дубровский Д.И.* Еще раз о феномене слепоглухоты: исторические, философские вопросы и факты фальсификации // Слепоглухонмота: исторические и методологические аспекты. Мифы и реальность. Изд. второе. – М.: Изд-во Интелл, 2018. – 5-35с.
- Ганеман С.* Органон врачебного искусства. – М., 1992.
- Одомашненная серебристая лисица https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.5fe69dba-6596e41b-cfa5b71e-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Domesticated_silver_fox. 2022.
- Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. – СПб: Алетейя, 2007. – 714с.
- Розин В.М.* Возобновление методологии: Открытые письма, адресованные последователям Московского методологического кружка / Предисл. В.Л. Даниловой. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 384с.
- Розин В.М.* Техника и технология: от каменных орудий до Интернета и роботов. – Йошкар-Ола, ПГТУ, 2016. – 280с.
- Розин В.М.* Человек культурный: Введение в антропологию URSS. 2019. – 240с.
- Розин В.М.* Анализ метода Яценко, позволяющего оперативно снимать алкогольную зависимость // Мир психологии. 1997. – № 1.
- Розин В.М.* Психология: наука и практика. – М., 2005.
- Розин В.М.* Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. – М.: URSS, 2011. – 256с.
- Розин В.М.* Учение о сновидениях и психических реальностях – одно из условий психологической интерпретации искусства \ Розин Природа и генезис европейского искусства (философский и культурно-исторический анализ). ИФРАН. – М.: Голос, 2011. – 350-397с.
- Слепоглухонмота: исторические и методологические аспекты. Мифы и реальность. Изд. второе. – М.: ИИнтелл, 2018. – 194с.
- Тейлор Э.* Первобытная культура. – М.: Соцэкгиз, 1939. – 602с.
- Храмов Д.* Записки начинающего гомеопата // Гомеопатический вестник. 2004. – № 11.
- Чуковский К.* Собрание сочинений в 15 т. Т. 2: – От двух до пяти. – М., Терра - Книжный клуб, 2001. – 638с.
- Jason Bittel.* Tame foxes taught us about animal domestication. But did we get the story wrong? (англ.). The Washington Post (3 декабря 2019). Дата обращения: 8 августа 2020. Архивировано 19 августа 2020 года.

References

- Vmesto sobak: uspešnyj sovetskij eksperiment po odomashnivaniju lisic [Instead of dogs: a successful Soviet experiment in domesticating foxes]. 2022. <https://dzen.ru/a/YulIO3mBQhk1G02F>.

- Volkov P.* Raznoobrazie chelovecheskih mirov: rukovodstvo po profilaktike dushevnyh rasstrojstv: osnovy i nyuansy karakterologii, psihologiya dushevnyh boleznej, poisk vzaimoponimaniya i psihoterapiya [Volkov P. Diversity of human worlds: a guide to the prevention of mental disorders: the basics and nuances of characterology, the psychology of mental illness, the search for mutual understanding and psychotherapy]. Moscow: Agraf, – 2000. – 525 p.
- Vygotskij L.S.* Osnovy defektologii [Fundamentals of defectology]. Collection op. in 6 volumes. Volume 5. Moscow: Pedagogika, – 1983. – 369 p.
- Dubrovskij D.I.* Eshche raz o fenomene slepogluhoty: istoricheskie, filosofskie voprosy i fakty fal'sifikacii [Once again about the phenomenon of deaf-blindness: historical, philosophical issues and facts of falsification]. Slepogluhonemota: istoricheskie i metodologicheskie aspekty. Mify i real'nost' [Deaf-blindness: historical and methodological aspects. Myths and reality]. Ed. second. Moscow: Intell, – 2018. – P. 5-35.
- Ganeman S.* Organon vrachebnogo iskusstva [Organon of medical art]. Moscow, 1992. Odomashennaya serebristaya lisica [Domesticated silver fox] https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.5fe69dba-6596e41b-cfa5b71e-74722d776562/ https://en.wikipedia.org/wiki/Domesticated_silver_fox. 2022.
- Porshnev B.F.* O nachale chelovecheskoj istorii. Problemy paleopsihologii [About the beginning of human history. Problems of paleopsychology]. St. Petersburg: Aletheya, – 2007. – 714 p.
- Rozin V.M.* Vozobnovlenie metodologii: Otkrytie pis'ma, adresovannye posledovatelyam Moskovskogo metodologicheskogo krugha / Predisl. V.L. Danilovoj [Renewal of methodology: Open letters addressed to followers of the Moscow Methodological Circle / Preface. V.L. Danilova]. Moscow: LENAND, 2017. – 384 p.
- Rozin V.M.* Tekhnika i tekhnologiya: ot kamennyh orudij do Interneta i robotov [Equipment and technology: from stone tools to the Internet and robots]. Joshkar-Ola, Perm State Technical University, – 2016. – 280 p.
- Rozin V.M.* CHelovek kul'turnyj: Vvedenie v antropologiyu [Cultural Homo: An Introduction to Anthropology]. Moscow: URSS. – 2019. – 240 p.
- Rozin V.M.* Analiz metoda YAcenko, pozvolyayushchego operativno snimat' alkogol'nyuyu zavisimost' [Analysis of Yatsenko's method, which allows you to quickly relieve alcohol addiction]. Mir psihologii [World of Psychology]. 1997. – N 1.
- Rozin V.M.* Psihologiya: nauka i praktika [Psychology: science and practice]. Moscow, – 2005.
- Rozin V.M.* Vvedenie v skhemologiyu: skhemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovani [Introduction to circuitry: circuits in philosophy, culture, science, design]. Moscow: URSS, – 2011. – 256 p.
- Rozin V.M.* Uchenie o snovideniyah i psihicheskikh real'nostej – odno iz uslovij psihologicheskoy interpretacii iskusstva \ V.M. Rozin Priroda i genezis evropejskogo iskusstva (filosofskij i kul'turno-istoricheskij analiz) [The doctrine of dreams and psychic realities is one of the conditions for the psychological interpretation of

- art \ V.M. Rozin Nature and genesis of European art (philosophical and cultural-historical analysis)]. IFRAN. Moscow: Golos, – 2011a. – P. 350-397.
- Slepogluhonemota: istoricheskie i metodologicheskie aspekty. Mify i real'nost' [Deaf-blindness: historical and methodological aspects. Myths and reality]. Ed. second. Moscow: Intell, – 2018. – 194 p.
- Tejlor E. Pervobytnaya kul'tura [Primitive culture]. Moscow: Sotsekgiz, – 1939. – 602 p.
- Hramov D. Zapiski nachinayushchego gomeopata [Notes of a beginning homeopath]. Gomeopaticeskij vestnik [Homeopathic Bulletin]. – 2004. – N 11.
- CHukovskij K., Sobranie sochinenij v 15 t. T. 2: - Ot dvuh do pyati [Collected works in 15 volumes. T. 2: - From two to five], Moscow, Terra - Book Club, – 2001. – 638 p.
- Jason Bittel. Tame foxes taught us about animal domestication. But did we get the story wrong? (angl.). The Washington Post (3 dekabrya 2019). Data obrashcheniya: 08.08.2020. Arhivirovano 19.08. 2020.

Информация об авторе

Розин Вадим Маркович, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук, г. Москва, Россия; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4025-2734>, e-mail: rozinvm@gmail.com

Information about the author

Rozin Vadim M., Doctor of Philosophy, Chief Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4025-2734>, e-mail: rozinvm@gmail.com

Получена: 06.12.2023

Принята в печать: 01.03.2024

Received: 06.12.2023

Accepted: 01.03.2024

ЛОГОМАРОФОН

ФОРМИРОВАНИЕ НОЭТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ У ДЕТЕЙ ЧЕРЕЗ ДЕТСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

ТЕЕДЕМАА А.В.

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
Новосибирск, Россия

В статье рассмотрены принципы логотерапии через анализ детской литературы. Прослеживается, каким образом описываются те или иные аспекты теории логотерапии и их дальнейшее обсуждение с детьми. Дети – категория клиентов в логотерапии, у которых духовное (ноэтическое) измерение не развито, потому что их личность еще формируется. Литература может стать источником информации, образцом, показывающим, как поступать и что делать, через который ребенок сможет познавать окружающий мир, а также формировать свое представление о себе и своих возможностях. Приведенные примеры из детских произведений позволяют взрослым обсудить с детьми такие категории, как судьба и свобода, выбор, принятие решения, любовь, потеря, ценности созидания, созерцания и отношения. В результате анализа литературы можно сделать вывод, что ребенок переживает такие же события, обстоятельства и чувства в своей жизни, что и взрослый. Обсуждение опыта из книг и жизни в дальнейшем поможет ребенку быть более осознанным, открытым миру, быть готовым к различным обстоятельствам, с которыми он может столкнуться. Благодаря сюжетам и историям, которые авторы описывают в книгах для детей, у взрослых есть возможность обсуждать их с ребенком, тем самым формировать осознанную личность, которая будет действовать из своего ноэтического измерения.

Ключевые слова: логотерапия, ноэтическое измерение, ребенок.

Для цитаты: Теедемаа А.В. Формирование ноэтического измерения у детей через детскую литературу // Познание и переживание. – 2024. – Т. 5. – № 1. – С. 61–70. doi: 10.51217/cogexp_2024_05_01_04

Для контактов: Теедемаа А.В., teedemaa1992@gmail.com

FORMATION OF THE NOETIC DIMENSION IN CHILDREN THROUGH CHILDREN'S LITERATURE

ANASTASIYA V. TEEDEMAA

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

The article discusses the principles of logotherapy through the analysis of children's literature. It traces how certain aspects of the theory of logotherapy are described, and their further discussion with children. Children are a category of clients in logotherapy in whom the spiritual (noetic) dimension is not developed, because their personality is still being formed. Literature can become a source of information, a model of how to act and what to do, through which a child can learn about the world around him, as well as form his idea of himself and his capabilities. The given examples from children's works allow adults to discuss with children such categories as fate-freedom, choice, decision-making, love, loss, values of creation, contemplation and relationships. As a result of the analysis of the literature, we can conclude that a child experiences the same events, circumstances and feelings in his life as an adult. Discussing experiences from books and life in the future will help the child to be more aware, open to the world and be prepared for various circumstances that he may encounter. Thanks to the plots and stories that authors describe in books for children, adults have the opportunity to discuss them with the child, thereby forming a conscious personality that will act from its noetic dimension

Keywords: logotherapy, noetic dimension, child

For citation: *Teedemaa A.V.*, Formation of the noetic dimension in children through children's literature // *Poznanie i perezhivanie [Cognition and Experience]*. – 2024. – V. 5. – № 1. – P. 61–70. doi: 10.51217/cogexp_2024_05_01_04 (in Russ.).

Corresponding author: Anastasiya V. Teedemaa, teedemaa1992@gmail.com

В логотерапевтической картине у человека есть три измерения: соматическое (физическое), психическое и ноэтическое (духовное). Эти измерения сущности человека пронизывают и встречаются друг с другом.

К физическому измерению относятся все телесные и физиологические процессы в организме.

Психический уровень подразумевает под собой эмоциональное состояние человека, его настроения, чувства, желания. Также к этому измерению относятся умственные способности, особенности поведения и характера.

Ноэтический уровень (или духовный) – это собственно человеческий уровень. Благодаря духовному у человека есть свобода занять позицию по отношению к своему состоянию и настроению, проявить интерес к творчеству, через духовное человек понимает мир, любовь, религиозность.

Ноэтическое измерение присутствует всегда, но может быть заблокировано в силу различных причин:

- потеря сознания;
- незрелость;
- употребление ПАВ;
- острые психозы.

В логотерапии детей относят к категории клиентов, у которых ноэтическое частично недоступно в силу того, что у них до конца не сформирована личность.

Личность ребенка формируется в результате взаимодействия с окружающим миром, получения опыта в различных ситуациях. Также ребенок формирует модели поведения, исходя из того, как он и мир взаимодействуют друг с другом. Ребенок становится личностью, когда у него устанавливается некая система ценностей, понимание, что правильно, а что нет. У человека появляется знание о себе: «кто я, что я могу, каким я вижу этот мир, что я могу делать для этого мира».

И, конечно, первый мир ребенка — это его семья, то судьбоносное, что есть у каждого. Книги, песни, истории, которые рассказывают ребенку родители с младенчества, — один из первых источников опыта, моделей того, что может случиться в мире, как ребенок может к этому относиться и противостоять, что помогает справляться с трудностями, какие силы и возможности есть в маленьком человеке.

Если в литературе для дошкольного возраста часто есть тот, кто силен мудр, опытен (кто-то сильный, мудрый, опытный), кто придет на помощь, то у ребенка формируется определенное представление о мире, в котором он живет. Благодаря этому ребенок учится доверять миру. Но ближе к школьному возрасту главным героем детской литературы становится сам ребенок. И этот ребенок попадает в такие ситуации, которые можно поставить на один уровень со взрослыми проблемами и трудностями. Взрослый человек справляется в силу того, что он знает о жизни больше, у него богаче опыт, он может взять ответственность за свои действия, в нем есть сила для принятия решения. Но что же есть в ребенке, что помогает ему найти выход, справиться с препятствиями? — Ноэтическое. То духовное, которое только зарождается в ребенке, но которое уже движет им. Сила духа движет ребенком, чтобы вытерпеть испытания ради здоровья друзей; решимость признаться, потому что маме станет легче; сделать другой выбор, нежели взрослые, потому что это правильно, по мнению ребенка.

Уже на основании опыта, имеющегося у ребенка в его раннем возрасте, у него есть свобода выбирать, как поступить, зная, что его выбор может повлиять на многих вокруг.

Конечно, книги писали взрослые люди, которые через многое в своей жизни прошли и выстояли. Они хотели передать эту силу своим юным читателям. Но мне кажется, что писатели видели эту силу в детях, о которых и для которых писали. Авторы хотели, чтобы дети почувствовали в себе возможность действовать, принимать решения, и зачастую эти решения не детские; чтобы дети знали, что они могут изменить мир вокруг себя, сделать его лучше, светлее, добрее.

Книга дает ребенку понять, что даже в маленьком человеке есть столько силы, что она способна творить чудеса.

В статье приведены примеры из детской литературы, в отрывках из книг демонстрируются принципы логотерапии. И при вдумчивом прочтении и дальнейшем обсуждении данных книг с ребенком может сформироваться осознанная личность, действующая из ноэтического измерения.

Хотелось бы начать с таких категорий логотерапии, как судьба и свобода. В детском возрасте у ребенка преобладает та его часть, которую принято называть судьбой, так как пока он существует в мире, где у него ограничен выбор в силу возраста и опыта. Но, несмотря на это, свободное пространство тоже есть – оно расширяется с опытом, с возможностями, со знаниями. И даже маленький ребенок уже может выбирать: следовать той судьбе, которая ему выпала, или сделать выбор в пользу чего-то другого. Возможность иного выбора уже есть в свободном пространстве ребенка.

Вышесказанное можно проиллюстрировать фрагментом из книги «Гарри Поттер и тайная комната».

«– Профессор, – через мгновение продолжал он, – Волшебная шляпа сказала, что лучше всего мне было бы в Слизерине. И многие думали, что наследник Слизерина – я, ведь я могу говорить на змеином языке.

– Ты говоришь на языке змей, Гарри, – ответил Дамблдор спокойно, – потому что на нем говорит Волан-де-Морт – единственный оставшийся потомок Салазара Слизерина. Если не ошибаюсь, он нечаянно вложил в тебя толику своих сил в ту ночь, когда наградил этим шрамом. Уверен, сам он этого не хотел.

– Волан-де-Морт в меня вложил... частицу самого себя? – прошептал Гарри, как громом пораженный.

– Судя по всему.

– Значит, мое место в Слизерине. – Гарри с отчаянием посмотрел в лицо Дамблдора. – Волшебная шляпа почуяла во мне эту частицу, и...

– Определила в Гриффиндор, – успокаивающе договорил Дамблдор. – Видишь ли, Гарри, так вышло, что в тебе много качеств, которые столь высоко ценил Салазар Слизерин у своих любимых учеников, – находчивость, решительность, чего греха таить, пренебрежение к школьным правилам. – Тут усы директора вновь задрожали. – И, наконец, редчайший дар – змеиный язык. Однако же Волшебная шляпа направила тебя в Гриффиндор. Знаешь почему? Подумай!

– Только потому, что я просил не посылать меня в Слизерин..., – сокрушенно произнес Гарри.

– Верно. – Дамблдор опять улыбнулся. – Именно в этом твое отличие от Тома Реддла. Ведь человек – это не свойство характера, а сделанный им выбор» (Ролинг, 2001).

Выбор – это то, что ребенок может сделать, руководствуясь тем, что (на его взгляд) правильно или нет, т.е. обращаясь к своей совести. Совесть направляет ребенка сделать тот или иной выбор, сделать так, чтобы выбор был наилучшим для всех.

Ситуация выбора описана в книгах «Пакс» и «Пакс. Дорога домой», где мальчик принимает совсем не детские решения.

«Лиса и маленький лис вместе выжидательно посмотрели на Пакса и растворились в подлеске.

И Питер понял. Его лис принадлежит им. А они – ему, Паксу. И они неразделимы.

Как же долго он шел сюда. Как долго. (...)

– Иди. Со мной все хорошо.

Это была неправда, Питеру было плохо и больно, так больно, что он задохнулся, как от удара в сердце. Он одернул руку, боясь, что эта боль передастся Паксу, и тогда лис не сможет уйти.

– Иди же!

Пакс отпрыгнул к кустам. Потом обернулся, чтобы посмотреть на своего мальчика.

По щекам Питера покатались слезы, он их не утирал. (...) И Питер зашвырнул пластмассового солдатика в лес, как можно дальше» (Пеннипакер, 2018).

Решения, которые человек принимает, влияют на то, каким он станет в дальнейшем. Человек совершает действия, выбор, не только исходя из того, какой он есть, он становится таким, какие решения принимает и какой выбор и действия совершает.

«Он протянул руку, взял шепотку пепла и, растирая между подушечками пальцев, внезапно прозрел.

Отца больше нет в живых. Их отношения уже никогда не станут лучше.

Но они не станут и хуже.

Он посмотрел на рюкзак и представил девочку-лисенку – как она сидит там и дрожит. И понял все, целиком и полностью. Застрелить ее – может, это был бы правильный поступок для отца. Но не для него, Питера. И этот поступок уже не казался ему храбростью. Больше того, он казался трусостью. И если отец, или кто угодно, разочарован этим – пожалуйста, Питеру все равно. Это его жизнь, и ему ее жить» (Пеннипакер, 2022).

Элизабет Лукас говорит о том, что человеку необходимо адаптироваться к различным меняющимся обстоятельствам, справляться с этой адаптацией. Сделать это можно, отказавшись от решений по старому образцу, находя другие, заменяя на новые (Лукас, 2019).

В приведенных отрывках из книг Сары Пеннипакер мы можем видеть, как главный герой ищет и находит новые решения, потому что прежние варианты не приносят радость, не делают его счастливым, эти решения – против человечности.

Выбрать, как поступить, в обоих фрагментах мальчику позволяет любовь. Любовь к своему лисенку, к своему папе, к своему другу.

Ребенок умеет любить и нуждается в любви. Для него это естественное чувство к родителям, животным, игрушкам. Он любит просто так, не за что-то, а просто потому, что у него это есть, ему это важно и ценно. Дети, на мой

взгляд, воплощают в себе ту любовь, о которой писал Виктор Франкл. Любовь объединяет в себе бытие любимым, волшебство любви и чудо любви, которое реализуется в ребенке. И это чудо – любовь – естественно для детей. Ребенок, рожденный в любви, и есть любовь (Франкл, 2017).

Благодаря любви, которая естественна для ребенка, он готов принимать, дружить и быть рядом с разными людьми, животными и существами. Очень часто, когда дети чувствуют несправедливость по отношению к кому-то, то находят аргументы, почему этот кто-то заслуживает любви и хорошего отношения.

Ребенок может разглядеть в другом человеке человека, с его качествами, особенностями, увидеть ценность в нем, и очень важно сохранить данную способность у ребенка, чтобы она перешла в его взрослую жизнь.

Проиллюстрирую эту возможность ребенка фрагментом из книги Харпер Ли «Убить пересмешника».

«И все они были какие-то мрачные, смотрели сонно, как будто им неприятно в такой поздний час оказаться на ногах. Я еще раз поискала, нет ли тут хоть одного знакомого лица. Они стояли полукругом, и того, что стоял посередине, я вдруг узнала. – Привет, мистер Канингем!

Он меня словно и не слышал. (...)

Мое дружеское приветствие осталось без ответа.

Мистер Канингем был без шляпы, лоб его казался очень белым, а все лицо, обожженное солнцем, особенно темным, – наверно, всегда он ходит в шляпе. Он переступил с ноги на ногу, башмаки у него были огромные.

– Вы меня не узнаете, мистер Канингем? Я Джин-Луиза Финч. Вы нам один раз принесли орехов, помните? Кажется, я старалась зря, ужасно неловко, когда случайный знакомый потом тебя не узнает.

– Я учусь вместе с Уолтером, – сделала я новую попытку. – Ведь это ваш сын, правда, сэр?

Мистер Канингем чуть заметно кивнул. Все-таки он меня узнал!

– Мы с Уолтером в одном классе, – продолжала я, – очень хорошо учится. И он славный, – прибавила я, – правда, правда, он хороший. Один раз он приходил к нам обедать. Может быть, он вам про меня рассказывал, один раз я его поколотила, а он ничего, он правда славный. Вы ему передайте от меня привет, ладно?

Аттикус когда-то мне объяснил: если ты человек вежливый, говори с другими не про то, что интересно тебе, а про то, что интересно им. Мистеру Канингему, видно, было совсем не интересно слушать про своего сына, а мне так хотелось, чтоб ему не было скучно, с горя я сделала последнюю попытку – может, все-таки ему интереснее поговорить про ущемление. (...)

У меня даже голова вспотела: не могу я, когда целая куча народу на меня смотрит. Все стояли и молчали.

– Что случилось? – спросила я. Аттикус не ответил. Я оглянулась на мистера Канингема, у него лицо было тоже невозмутимое. А потом он поступил очень странно. Он присел на корточки и обеими руками взял меня за плечи.

— Я ему передам от тебя привет, маленькая леди, — сказал он. Встал, выпрямился и махнул огромной ручищей.

— Пошли отсюда! — крикнул он. — Поехали, ребята! И так же, как пришли, по двое, по одному они двинулись, волоча ноги, к своим расхлябанным машинам. Захлопали дверцы, зачихали моторы — и все уехали» (Ли, 2017).

Джин-Луиза, несмотря на то, что в тот момент мистер Канингем был агрессивно настроен, неприветлив, увидела в нем хорошую сторону, что в нем есть то, что их связывает. Видеть в человеке хорошее, дружественное, видеть его таким, каким он может быть и стать, научил ее отец, научил обращаться к человечности другого.

Как и любовь, счастье — естественная составляющая жизни ребенка. Дети каждый день проживают целую жизнь, наполненную важными, счастливыми и незабываемыми моментами.

«Дюнне подсчитывает, сколько раз она была счастлива. Например, когда однажды, в далеком детстве, двоюродный брат Сванте подарил ей настоящую живую лягушку. Или, когда ей впервые удалось проплыть три гребка, не утонув» (Лагеркранц, Эрикссон, 2014).

Ребенок находит счастье в простых вещах, он просто живет этот день, совершая невероятное количество дел и открытий. Порой детям грустно, что этот день заканчивается, потому что они не все сделали. Но они проснутся завтра и будут жить свою новую жизнь. Жизнь, в которой они будут счастливы. Счастливым ребенка делает то, что он в своей еще такой короткой жизни делает то, что для него важно и ценно, то есть он уже в своем юном возрасте следует своим ценностям. Придерживаясь их, исполняя, ребенок испытывает счастье, он знает, что сегодняшний день был очень важный, наполненный смыслом. Конечно, он не может описать это в терминах, назвать это словами, но он чувствует это и делится своими эмоциями с близкими. Пусть ребенок имеет маленький жизненный опыт, не такой широкий спектр возможностей, как у взрослого, но у него есть пути, которые помогают ему реализовать его ценности.

Ценность творчества реализуется у детей в игре. Они создают новую обстановку, ситуацию, привлекают других детей и взрослых. Игра — это совместное творчество для радости, общения, достижения и преодоления.

«Пеппи внимательно осмотрела найденную ржавую банку, которая, к тому же, оказалась дырявой, и, подумав, сказала:

— Но эта банка, скорее, напоминает Банку-без-пряников. А еще ее можно надеть на голову. Вот так! Смотрите, она закрыла мне все лицо. Как темно стало! Теперь я буду играть в ночь. Как интересно!

С банкой на голове Пеппи стала бегать взад-вперед по улице, пока не растянулась на земле, споткнувшись о кусок проволоки. Банка с грохотом покатила в канаву» (Линдгрэн, 2017).

Игра — это способ познавать мир, поиск вариантов: «...что я могу создать нового, придумать, сотворить, привнести в мир, который меня окружает».

Находясь в мире, ребенок учится наблюдать за ним, видеть его красоту, изменения. Дети видят красоту природы, животных, ощущают изменения мира вокруг.

«Они шли в сторону Тролльского леса. Погода стояла изумительная. Светило солнце. Под дождевиком и прорезиненными непромокаемыми штанами тело потело, к нему липла одежда» (Йерде, 2021).

«Под его ногами поскрипывал сухой снег, снег лежал на еловых лапах. Над головой у него было светло-голубое небо – такое небо бывает на заре ясного зимнего дня. Прямо перед ним между стволами деревьев, красное и огромное, вставало солнце. Было тихо-тихо, словно он – единственное здесь живое существо. На деревьях не видно было ни птиц, ни белок, во все стороны, насколько доставал глаз, уходил темный лес. Эдмунда стала бить дрожь» (Льюис, 2008).

Создавая новое или преобразуя то, что уже есть, наблюдая за всем вокруг (природой, животными, звуками, красками), ребенок формирует отношение к тому месту, где находится, к людям, которые его окружают.

В своей небольшой жизни ребенок уже сталкивается не только с радостью и счастьем, любовью и безопасностью, но и с тем, что есть потери, грусть, печаль. Эти события – часть его жизни, с ними нужно будет справляться, учиться преодолевать и уметь выстоять в них. Конечно, это происходит с помощью родителей – благодаря им дети чувствуют, что даже если и существуют трудности, то в мире все также есть счастье, радость и любовь.

Ценность отношения – «отношение к ситуациям, которые невозможно изменить, героическое принятие мучительных обстоятельств» – дети испытывают по-разному. Кто-то теряет любимую игрушку или питомца, кто-то из детей сталкивается в раннем возрасте со смертью близкого, кто-то чувствует вину за поступок, причинивший вред. Но маленький ребенок тоже может и имеет право занять позицию по отношению к страданию, прожить этот опыт, каким бы тяжелым он ни был.

Для иллюстрации ценности отношения хочется привести фрагмент из книги Эллы Фоняковой «Хлеб той зимы». Это повесть о блокадном Ленинграде, написанная как дневник от лица девочки, участницы событий. Судьба девочки Лены и Виктора Франкла в чем-то схожи. Об их испытаниях написаны книги, в этих книгах можно увидеть особенное отношение к пугающим событиям, к лишениям и к обстоятельствам, которые люди не выбирали.

«Сложенные в разноцветную стопку, карточки обобществляются. Выкупать (слово «покупать» исчезло из лексикона ленинградцев) хлеб поручено мне и Гале. Мы тратим на это по полдня, выстаивая километровые очереди. Стоим, обнявшись, изредка перешептываясь, радуясь, что нас двое... Остальные продукты выкупают старшие. Десятидневный паек – под строгим маминым контролем.

Наше пропитание предопределено на всю декаду. Каждый утром, днем и вечером получит немного еды. Пусть совсем, совсем немного – но все же получит. И в этом теперь есть уверенность. А это великое дело, когда есть уверенность» (Фонякова, 2015).

Виктор Франкл на своем профессиональном и жизненном опыте продемонстрировал, как важно воспитывать в человеке упрямство духа, его нозгическое. Но человек не сразу становится взрослым, не рождается со всеми знаниями о мире и о себе. Знания, привычки, способности человек получает на протяжении

всей своей жизни, но уже в детстве формируется основа, на которой будет расти личность человека.

Литература — инструмент, который имеет колоссальный объем для познания мира, себя и других людей. Вкладывая в душу ребенка зерна, которые прорастут, мы (взрослые) делаем этот мир лучше, делаем ребенка лучше, видя его тем, кем он может стать.

Литература

- Йерде К.В.* Слезливый клуб / пер. с норв. О. Дробот. — Москва: Самокат. — 2021.
- Лагеркранц Р., Эрикссон Э.* Моя счастливая жизнь / пер. со швед. Ю.В. Колесова. — Москва: КомпасГид. — 2014.
- Ли Х.* Убить пересмешника / пер. с англ. Галь Нора, Р.Е. Облонская. — Москва: АСТ. — 2017.
- Линдгрен А.* Пеппи длинный чулок / пер. со швед. Л.З. Лунгина — Москва: Махаон. — 2017.
- Лукас Э.* Источники осознанной жизни: преврати проблемы в ресурсы / пер. с нем. М. Виноградова. — Москва: Никая. — 2019.
- Лукас Э., Шенфельд Х.* Психотерапия с достоинством. Конкретная логотерапия / пер. с нем. М. Матвеева. — Москва: Московский институт психоанализа. — 2021.
- Лукас Э.* Учебник логотерапии. Представление о человеке и метод / пер. с нем. М. Матвеева. — Москва: Московский институт психоанализа. — 2020.
- Льюис К.С.* Хроники Нарнии: Лев, колдунья и платяной шкаф / пер. с англ. Г. Островкая, Н. Трауберг, Е. Доброхотова-Майкова, Т. Шапошникова — Москва: Контакт Медиа Групп. — 2008.
- Пенниакер С.* Пакс / пер. с англ. Н. Калошина, Е. Канищева — Москва: Самокат. — 2018.
- Пенниакер С.* Пакс. Дорога домой / пер. с англ. Н. Калошина, Е. Канищева — Москва: Самокат. — 2022.
- Ролинг Дж.К.* Гарри Поттер и тайная комната / пер. с англ. Н. Литвинова, А. Лях, М. Межуев. — Москва: Росмэн Пресс. — 2001.
- Фонякова Э.* Хлеб той зимы. — Москва: Речь. — 2015.
- Франкл В.* Доктор и душа / пер. с нем. Л. Сумм. — Москва: Альпина Нон-фикшн. — 2017.
- Франкл В.* Логотерапия и экзистенциальный анализ. Статьи и лекции. / пер. с нем. О. Сивченко. — Москва: Альпина нон-фикшн. — 2020.

References

- Gjerde C.W.* Tearful Club / transl. / trans. from Norv. by O. Drobot. — Moscow: Samokat — 2021 (in Rus.)
- Lagercrantz R., Eriksson E.* My happy life / transl. from Swed. by Yu.V. Kolesov. — Moscow: Kompas-gid. — 2014 (in Rus.)

- Lee H.* To kill mockingbird / transl. from Engl. by Gal Nora, R.E. Oblonskaya – Moscow: AST. – 2017 (in Rus.)
- Lindgren A.* Pippi Longstocking / transl. from Swed. by L.Z. Lungin – Moscow: Ma-haon. – 2017 (in Rus.)
- Lukas E.* Meaningful Living: Introduction to Logotherapy Theory and Practice / transl. from German by M. Vinogradov. – Moscow: Nikeya. – 2019 (in Rus.)
- Lukas E, Schönfeld H.* Psychotherapy with dignity – 2021 (in Rus.)
- Lukas E.* Logotherapy: Principles and Methods / transl. from German by M. Mat-veev. – Moscow: Moscow Institute of Psychoanalysis. – 2020 (in Rus.)
- Lewis C.S.* The Chronicles of Narnia: The Lion, the Witch and the Wardrobe / transl. from German by M. Matveev. – Moscow: Moscow Institute of Psychoanalysis. – 2008 (in Rus.)
- Pennypacker S.* Pax / transl. from Engl. by N. Kaloshin, E. Kanishchev – Moscow: Samokat. – 2018 (in Rus.)
- Pennypacker S.* Pax. Journey Home / transl. from Engl. by N. Kaloshin, E. Kanish-chev – Moscow: Samokat. – 2022 (in Rus.)
- Rowling J.K.* Harry Potter and the Chamber of Secrets / transl. from Engl. by N. Litvi-nov, A. Lyakh, M. Mezhujev. – Moscow: Rosman Press. – 2001 (in Rus.)
- Fonyakova E.* Bread of that winter – Moscow: Rech'. – 2015 (in Rus.)
- Frankl Victor E.* The doctor and the soul / transl. from German by L. Summ. – Mos-cow: Al'pina Non-fikshn. – 2017 (in Rus.)
- Frankl Victor E.* Logotherapy and existential analysis: Articles and lectures / / transl. from German by O. Sivchenko. – Moscow: Al'pina Non-fikshn. – 2020 (in Rus.)

Информация об авторе

Теедемаа Анастасия Владимировна, психолог, логотерапевт, поведенческий специалист, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ), Новосибирск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1982-3555>, teedemaa1992@gmail.com

Information about the author

Anastasiya V. Teedemaa, psychologist, logotherapist, behavioral specialist Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1982-3555>, teedemaa1992@gmail.com

Получена: 25.02.2024

Принята в печать: 01.03.2024

Received: 25.02.2024

Accepted: 01.03.2024

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

О ПСИХОДИНАМИКЕ ВЛЕЧЕНИЯ СПЛОЧЕНИЯ-РАЗДЕЛЕНИЯ

Л. КОВАРСКИС

Финская психоаналитическая ассоциация, Хельсинки, Финляндия;
Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Автор предлагает рассматривать процессы конфликта больших групп в парадигме биологически запрограммированного влечения, которое он называет влечением сплочения-разделения. Этот драйв управляет механизмами, ответственными за сплоченность, дезинтеграцию и вражду между группами. В психической жизни индивида различные проявления драйва сплочения-разделения отчётливо различимы как поведенческие, когнитивные и эмоциональные реакции. В психоаналитическом сеттинге смена полярности сплочения на полярность разделения проявляется в замирании, потере эмпатии, сужении сознания и ограничении мышления у обоих участников. Автор подробно описывает соответствующую психодинамику. Опираясь на данные нейрофизиологии и социоантропологии, он предполагает, что в основе биопсихологического субстрата полюса сплочения лежит механизм ранней привязанности, а в основе полюса разделения — механизмы агрессии, в частности холодной агрессии. Автор эпистемологически объединяет эти противоположные влечения в одно, поскольку только их совокупность отражает «рациональную» (телеологическую) цель — отбор групп в процессе Эволюции. В то же время выбор откровенно антропоцентрической позиции делает эпистемологию инстинктов не только научно, но и этически обоснованной.

Ключевые слова: влечение сплочения-разделения, конфликт больших групп, холодная агрессия, психодинамика.

Для цитаты: Коварскис Л. О психодинамике влечения сплочения-разделения // Познание и переживание. 2024. — Т. 5. — № 1. — С. 71-84. doi: 10.51217/cogexp_2024_05_01_05.

Для контактов: Л. Коварскис, leo.kovarskis@gmail.com

ABOUT THE PSYCHODYNAMICS OF ATTRACTION COHESION-SEPARATION

LEVAS KOVARSKIS

Finnish Psychoanalytic Association, Helsinki, Finland;
Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Author proposes to consider the processes of large group conflict in the paradigm of biologically programmed drive, which he calls the cohesive-divisive drive. This drive governs

Познание и переживание. 2024. Т. 5. № 1. С. 71–84.
doi: 10.51217/cogexp_2024_05_01_05

ISSN: 2782-2168 (Print)
ISSN: 2782-2176 (Online)

the mechanisms responsible for group cohesiveness, disintegration and enmity between groups. In a mental life of an individual, various manifestations of cohesive-divisive drive can be clearly observed as behavioral, cognitive, and emotional reactions. In psychoanalytic setting, the change from the polarity of cohesiveness to the polarity of divisiveness is manifested by freezing, loss of empathy, narrowing of consciousness, and restricted thinking in both participants. Author describes in detail the corresponding psychodynamics. Based on the data of neurophysiology and socio-anthropology, he suggests that the bio-psychological substrate of a cohesive pole is based on a mechanism of early attachment, while the divisive pole is rooted in mechanisms of aggression, specifically cold aggression. Author epistemologically unites these opposite trends of human activity into one drive, since only taken together they reflect “rational” (teleological) purpose – the selection of groups in the process of Evolution. At the same time, the choice of an overtly anthropocentric standpoint provides clear ethical basis to the epistemology of instincts, which must be both scientific and human at the same time.

Keywords: cohesive-divisive drive, large group conflict, cold aggression, psychodynamics.

For citation: *Kovarskis L.* About the psychodynamics of attraction cohesion-separation // *Poznanie i perezivanie [Cognition and Experience]*. 2024. – V. 5. – № 1. – P. 71–84. doi: 10.51217/cogexp_2024_05_01_05 (in Russ.).

Corresponding author: Levas Kovarskis, leo.kovarskis@gmail.com

ВЛЕЧЕНИЕ СПЛОЧЕНИЯ-РАЗДЕЛЕНИЯ НА СЛУЖБЕ ЭВОЛЮЦИИ

Глобализация сталкивает нас с волнами массовой миграции, обычным явлением в истории человечества. Однако массовые миграции очень часто означали также массовое уничтожение групп людей, а порой целых народов, рас или даже видов. На этот раз цивилизованное мировое сообщество считает такое «решение вопроса» неприемлемым и ищет мирные способы в рамках современной демократии. Современная наука пока не может предложить конкретных способов решения групповых конфликтов, поэтому необходимо накапливать знания и пробовать новые, интегрирующие эти знания парадигмы. Нам нужна работающая полезная теория, объединяющая биологию человека с его психологией и общественным устройством. По сути дела, психоанализ и является такой теорией. Однако если жестокость в контексте межгруппового поведения уже давно исследуется нейрофизиологией и социальной психологией, то психоанализ до сих пор мало что мог сказать об интрапсихической составляющей перехода с «нормальных» к «геноцидным» состояниям. Отчасти это объясняется тем, что в психоаналитическом сеттинге этот сдвиг происходит редко, но, даже когда он происходит, нам не хватает парадигмы, которая позволила бы психоаналитику обнаружить сдвиг в материале своих пациентов и в собственных чувствах.

Исходя из вышесказанного, я предлагаю парадигму влечения сплочения-разделения, которая объединяет эмпирическую, нейрофизиологическую,

социопсихологическую точки зрения, причем интегрирует данные этих наук психоаналитическая метапсихология¹. Концептуализация вышеупомянутого влечения основана на клинических наблюдениях в психотерапевтической и психоаналитической практике. Хотя теория, обобщающая эти наблюдения и данные других наук, спекулятивна, однако, она придает смысл многим явлениям, которые пока казались между собой несвязанными, не были понятны. Главной особенностью влечения сплочения-разделения является его биполярность. Включаясь, каждый полюс запускает ряд эмоциональных и когнитивных механизмов, взаимосвязи которых, по-видимому, обусловлены нейрофизиологией (Varnum, 2015, p.122-130; Contreras-Huerta, 2013). Эти эмоционально-когнитивные механизмы создают специфический, распознаваемый психодинамический паттерн личного переживания и межличностных взаимоотношений, в терминах автора – матрицу полюса. Влечение это может в одно мгновение переключить матрицу человеческого общения с дружеской на враждебную, и наоборот. Думая о биологическом субстрате биполярного влечения, исходя из данных литературы, можно предположить, что альтернативно включаются и отключаются нейрофизиологические системы, связанные с привязанностью и агрессией, в частности, с холодной агрессией.

Можно также предположить, что эволюционная цель этого влечения заключается в создании групп, отличающихся не только генетически и фенотипически, но и в способах своей организации. Поскольку за организацией группы стоит ее эпистема (Foucault, 1970), то речь идет об организации знания, духовном складе группового восприятия мира. Эволюция, как бы, «ищет», какая группа в данное время (историческая эпоха) и в данном месте (география) интерпретирует реальность более правильно, и выбирает более действенные способы воздействия на нее (которая из групп лучше выживет и размножится, чья идентичность будет на данный момент более жизнеспособна). Эпистемный отбор требует меньше материальных затрат и может проходить гораздо быстрее.

Если идентичность становится критерием эволюционного отбора, то понятно, что даже незначительные символические различия, резко увеличенные групповой динамикой, могут стать критерием эволюционного отбора. Иными словами, влечение сплочения-разделения, усиливая динамику «ин» и «аут-групп» (так это называется в социальной- и нейропсихологии), направлено на обострение соперничества, но самое главное – оно использует психические и биологические средства для *переноса эволюционного отбора из мира материи и организмов в мир символов и идей*.

¹ Я должен вскользь заметить, что, на мой взгляд, психоанализ – это не наука в строгом смысле слова, а очень широкое и проработанное мировоззрение – Weltanschauung, которое уже изменило взгляд человечества на мир и себя самое и продолжает его менять. Его антропоцентризм, внимание к интрапсихическим процессам и эмпирико-экзистенциально-гуманистическая перспектива – это, по сути, позиция гуссерлевского Lebenswelt (1).

КЛИНИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ – СДВИГ МЕЖДУ СОСТОЯНИЯМИ «СПЛОЧЕНИЯ» И «РАЗДЕЛЕНИЯ» В КОНТРПЕРЕНОСЕ

В последние десятилетия мне, как и многим другим, пришлось много работать с пациентами, оказавшимися в жизненной ситуации, которую определяет межгрупповой конфликт. Работая с людьми, выросшими в чужой культуре, исповедующими чуждую ему религию, или теми, чья половая ориентация ему совершенно чужда, в момент, когда его пациенты описывают свои ощущения, мысли, чувства и взгляды, связанные именно с ему чуждым отношением к чему-то, психоаналитик не может не удивляться своим реакциям. Первая реакция – это (обычно) удивление: «Как он может так чувствовать и думать?», за которым почти мгновенно следует эмоциональная и когнитивная дезориентация: «А как правильно, как нужно чувствовать и думать?». При этом важно, что в этот момент опыт, мысли, чувства и поведение пациента ощущаются психоаналитиком как психологически непонятные. Действительно, вслед за удивлением и дезориентацией наступает очень странное состояние, которое лучше всего определяет слово «замирание»². Психоаналитик замирает как физически, так и умственно.

Замирание – сложное явление. Оно проявляется непосредственным чувством замирания – неспособностью и нежеланием чувствовать, думать и общаться. Ему сопутствуют безразличие, а порой и отвращение, отчетливое ощущение внутреннего сопротивления стремлению понять пациента, и удержание собственного внимания на нем и его психической деятельности затруднено. Любопытно, что тоже самое слово *freezing* нейрофизиологи используют для описания поведения животного, ставшего объектом холодной агрессии другого животного (Solms, Turnbull, 2002). Не менее любопытно и то, что психологи, изучающие раннюю привязанность, называют тем же словом поведение ребенка, ставшего жертвой насилия взрослого (Crittenden, 1988, p. 585-599).

Если ему удастся преодолеть свое замирание и спросить пациента, что тот чувствует, пациент обычно отвечает, что не чувствует ничего. Психоаналитик, который пытается продолжать анализировать пациента и себя самого, не может не заметить, что сам он парализован, растерян и не знает, что делать. Он потерял способность следить за сознанием пациента, думать о его чувствах, мыслях и взаимосвязях между ними – думать о содержании его психики. В парадигме В. Биона +К превратилось в -К (Bion, 1962; Bion, 1977). Психоаналитик чувствует себя настороженным, как будто находится под угрозой. Это не все: если в этот момент вслушаться в себя, то нетрудно заметить, что тотальность собственной невосприимчивости к пациенту, полное отсутствие «обычного» чувствами насыщенного контрпереноса сопровождается странным чувством облегчения. Это чувство, по-видимому, связано с тем, что исчезает не только сама эмпатия, но и обязанность эмпатизировать – ни общечеловеческое,

² Британский психоаналитик Факхри Дэвидс, описывая в беседе свое чувство в момент, когда он и его пациент осознали, что они могут принадлежать к конфликтующим группам, использовал слово «freezing» - заморозить, застыть. Это слово прекрасно определяет психическое состояние в тот момент, когда люди обнаруживают, что возможно принадлежат враждующим группам.

ни профессиональное «Суперэго» не требуют думать о пациенте и стараться его понять. Замечая в себе такое противоречащее профессионализму отношение, психоаналитик обычно пытается вернуть эмпатию сознательным усилием воли, но замечает, что вчувствоваться в пациента ему трудно, как трудно и удерживать внимание на его душевном состоянии и мыслях.

Желая выйти из тупика и восстановить психоаналитическое взаимоотношение, психоаналитик начинает искать причину такого своего состояния. Он может думать, скажем, в парадигме проективной идентификации М. Кляйн (Klein, 1946; Spillius, 2011) — что именно в бессознательном пациента может проявляться таким безразличием в его (психоаналитика) сознании. Или в парадигме В. Биона — что в нем самом и его взаимодействии с пациентом останавливает его реверси и не позволяет воспринимать коммуникацию (Bion, 1965). В этот момент нелегко заметить (потому что это противоречит основной психоаналитической установке — искать в бессознательном), что причина такого бесчувственного состояния аналитика находится не в бессознательном, а, напротив, в сознании и только что была вербализована: пациент рассказал или упомянул о своих осознанных чувствах и взглядах, противоречащих взглядам аналитика. Психодинамически, осознанное и спокойное отношение означает, что «Суперэго» пациента поддерживает описываемые пациентом чувства и отношение к чему-то. Эта открытая поддержка «Суперэго» в свою очередь означает, что за только что высказанными взглядами и чувствами стоит и поддержка группы. Иными словами, психоаналитик сталкивается с ситуацией, когда он один против группы — чужой и посторонний. Возможно, его и пациента группы между собой враждуют, тогда он не просто чужой, он враг. Похожее ощущение возникает при слушании пациента, открыто рассказывающего психоаналитику о своей перверсии, особенно именно эта форма сексуального возбуждения психоаналитику совершенно чужда, т.е. вытеснена, и он считает ее неприемлемой.

Можно думать, что осознание себя в ситуации борьбы враждующих групп само собой объясняет недостаток эмпатии и осторожность высказывания. Однако последовательность смены чувств и особенности когниции говорят об обратном. Вслед за первой реакцией застывания приходит чувство безразличия. Пропадает эмпатия, и ее очень трудно вернуть сознательным усилием. Эмпатия призвана служить ментализации, облегчать перевод β -элементов в α -элементы и таким образом способствовать контейнированию сознания (Bion, 1962). Однако с включением матрицы разделения меняются цель ментализации и цель последующего сознательного процессирования. В описываемом промежуточном состоянии вместе с прекращением эмпатии ментализация останавливается, а вместе с ней — и сознательное мышление. Причина такой динамики заключается не только и не столько в страхе, а в том, что, обнаружив, что они с пациентом принадлежат к враждующим группам, в психоаналитике (и его пациенте, если и он это переживает) происходит смена полярности инстинкта сплочения-разделения с полярности сплочения на полярность разделения, и с этого момента они больше не воспринимают друг друга, как людей, они становятся друг для друга

«не-людьми»³. Они лишь «умом» понимают, что этот другой «тоже человек такой же, как я», но их чувства и бессознательная когниция говорят им об обратном.

Этот эмоционально-когнитивный комплекс настолько противоречит нашей профессиональной идентичности, что мы склонны не додумывать до конца его значения. А суть его, в общем, проста, только до сих пор редко встречалась в психоаналитическом сеттинге. Дегуманизация. Психоаналитик не может относиться к этому пациенту так, как он обычно относится к пациентам потому, что на бессознательном уровне пациент больше не является для него таким же человеком, как он сам. Поэтому исчезают и профессиональные обязанности — мы можем анализировать только людей, существ таких же, как мы сами, но не животных и не инопланетян⁴ (Panksepp, 2013), с которыми невозможна идентификационная эмпатия.

ПСИХОДИНАМИКА ПОЛЮСА СПЛОЧЕНИЯ – РАННЯЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ

Я описал контрперенос в ситуации сдвига полярности с положительной на отрицательную, а теперь выскажу некоторые соображения о психодинамике, которая стоит за таким переносом.

В своей пред- и бессознательной коммуникации мы постоянно обмениваемся значениями. Хотим мы того или нет, мы выражаем свое понимание ситуации, себя самого и другого, отношение к людям и миру. Никакая вежливость, никакой этикет не могут полностью скрыть оттенки наших чувств и наши мысли, которые не только выдают нашу эпистемную принадлежность, но и организацию наших влечений — ранней привязанности, Либида, нарциссизма, агрессии и других⁵. Пока отношения между людьми хорошие и они принадлежат общей эпистеме (пользуясь терминологией этой статьи, общение происходит в матрице сплочения), люди обычно бессознательно верят, что они знают, что другой испытывает, и поэтому могут оправданно предполагать, что другой имеет в виду, как оценивает ситуацию и как собирается поступить. Другой человек отчасти идентифицируется с такой положительной проекцией, а если нет, то спешит информировать автора проекции, как можно в благожелательном ключе объяснить ошибку проекции или невозможность идентификации. Такая динамика дает вполне рациональное основание для вышеупомянутой веры в доброжелательность и веры в правильность своего понимания другого и своих предсказаний. Ментализация зиждется на постоянно бессознательно создаваемой реципрокной реальности и полезна, потому что реалистично информирует

³ Эти интроспективные наблюдения являются не только моими личными. В иных выражениях их суть передавались мне моими супервизантами и врачами Балинтовской группы, которую я вёл на протяжении нескольких лет.

⁴ Как я пытаюсь показать в этой статье, наша эмпатия зиждется на идентификации, а идентификация в немалой степени — на эпистеме (форме знаний и знаковой системе). Все же необходимо помнить, что форма знания берет свое начало в восприятии, а восприятие в большой степени обусловлено анатомией и физиологией. Отсылая читателя к статье Яак и Джуль Панксепп, я замечу вскользь, что рыбаку, насаживающему на крючок червя, и без научных исследований понятно из контекста и телодвижений червя, что червяк испытывает. Однако, мало кто с червяком идентифицируется.

⁵ Я не говорю здесь о людях, специально тренированных — дипломатах, шпионах и принадлежащих международной культуральной элите.

о мышлении, чувствах и намерениях другого человека, позволяя прогнозировать его поведение. Пока общение происходит в матрице сплочения, то, выражаясь словарем Винникотта: «Мать можно найти там, где ее ожидаешь» (Winnicott, 1965). Вряд ли будет ошибкой сказать, что вся психодинамика положительной матрицы в принципе основана на влечении ранней привязанности. Однако ее конкретные черты определяются и, возможно, еще лучше могут быть описаны в парадигмах депрессивной фазы М. Кляйн (Klein, 1952) и сепарации-индивидуации М. Малер (фаза стабильности внешнего объекта) (Mahler, 1963)⁶.

В собственной культуре мы распознаем людей и читаем ситуации по множеству различных знаков – одежда, черты лица и фигура, внешность, поведение, язык, особенности экспрессии, и др. Некоторые из этих признаков являются следствием биологической истории (черты лица и склад тела), другие – исторического развития субкультуры (одежда), еще другие, такие как особенности экспрессии (жестикаляция и выражение лица) могут принадлежать более широкому культурному наследию. В целом речь идет об очень сложной, многоуровневой знаковой системе, помимо прочего информирующей о том, общаюсь ли я со «своим» или «чужим» (Rifat, 1993). Это делает проекцию и прогноз вполне оправданными.

Разделение на своих и чужих не всегда четко осознанно и необязательно остро ощущается. Если чужой не воспринимается как «враг», то он может восприниматься, как «хороший чужой» с немалой долей защитного механизма, называемого реакцией формации. Так, человек, попавший в чужую культуру, не может полагаться на свое чтение знаков, чужая знаковая система его не информирует. Если вы турист в стране с чуждой вам культурой, то неспособность читать людей и ту или иную ситуацию может ощущаться, как забавная особенность ситуации в целом. Однако если вы мигрант, т.е. зависите от своего окружения, то отсутствие общей знаковой системы может запустить куда более глубинную бессознательную психодинамику.

Такую же психодинамику запускает обычно групповой конфликт. Ситуация группового конфликта – враждебность, опасность, страх, личные интересы в радикализованной среде, мнения значимых людей, пропаганда и выборочно предоставляемая информация – могут сильно влиять на реакцию влечения сплочения-разделения. Однако, и это особенно важно подчеркнуть, хотя *групповой конфликт может стимулировать определенные душевные механизмы, не сам конфликт определяет сдвиг полярности в душе индивида*. Произойдет ли сдвиг, в принципе, зависит от способности человека регулировать инстинкты вообще, прежде всего, от способности пользоваться сознанием и групповыми эпистемными установками, его сознание поддерживающими. Надо, однако, помнить, что (особенно в условиях группового конфликта) сам сдвиг полярности редко бывает индивидом осознан. И если другая матрица вступает в силу, то автома-

⁶ Я считаю необходимым пользоваться всеми тремя парадигмами одновременно, потому что только в совокупности они раскрывают разные аспекты особенностей психодинамики и непосредственного переживания. Только в совокупности они указывают и на возможные варианты проявления биполярного влечения. Необходимо упомянуть, что термин «стабильность объекта» (object constancy) впервые употребил Хейнц Хартман (16).

тически меняется работа многих душевных механизмов — эмоциональных и когнитивных, а эти механизмы, в свою очередь, автоматически меняют многие аспекты душевной жизни и межличностных отношений.

Примером автоматизма может служить сдвиг ментализации. Пока общение происходит в матрице «сплочения», зрелый человек принимает как должное то, что у него нет симбиотического единства с другим, поэтому ему надо прикладывать усилия, постоянно «читать», как другой к нему относится, чтобы вовремя предотвращать сдвиг полярности с позитивной на негативную⁷. Это обычно основано и на реципрокности — вполне оправданной надежде, что другой тоже хочет оставаться в матрице сплочения, что вы друг другу важны, принадлежите одной группе. В момент смены полярности с положительной на отрицательную, эта бессознательная на поддержание хороших взаимоотношений направленная взаимность останавливается. Вместо стремления ее поддерживать, появляется знак вопроса — с кем я, в каких взаимоотношениях, в какой матрице? Если не сплочения, то в каком месте матрицы разделения — этот другой является членом моей группы, или чужой, враждебной? Пока этот вопрос не прояснится, лучше застыть, выждать⁸. Меняется и смысл ментализации. Если в матрице сплочения она служила пониманию другого для поддержания хороших отношений, то теперь надо понять, что другой замышляет, когда и как может напасть, когда и как лучше напасть самому. Знаковой системе тоже нельзя доверять — ведь другой может пользоваться теми же знаками не с целью информировать, а с целью обмануть, воспользоваться, сделать меня жертвой.

Иными словами, сдвиг полярности инстинкта сплочения-разделения характеризуется фундаментальной эмоционально-когнитивной особенностью — Бессознательное (а вслед за ним и Сознание) перестает искать близости с другим человеком. Оно перестает проецировать хорошее, потому что, пользуясь матрицей разделения вместо матрицы сплочения, *уже знает, что «матери» (стремления к взаимопониманию, готовности к реверси) в другом нет, поэтому близость с ним невозможна.*

ПОЛЮС РАЗДЕЛЕНИЯ – ГОРЯЧАЯ И ХОЛОДНАЯ АГРЕССИИ

Дальнейшее развитие психодинамики, по-видимому, определяется тем, в какой именно отрицательной матрице мы окажемся — матрице «горячей агрессии» или «холодной агрессии». Являемся ли мы врагами, однако, членами той же группы, или принадлежим группам враждующим. Именно это должно определиться в состоянии замирания. Выбор делается между двумя агрессиями — «горячей и холодной» (Cikara, 2014; Wrangham, 2017; Belfry, 2021). Если мы принадлежим к одной группе, то, скорее всего, включится «горячая агрессия». Цель ее, образно говоря, заключается в том, чтобы «переубедить» другого, заставить его думать, или, по крайней мере, поступать так, как хочу я,

⁷ В терминах М. Кляйн необходимо предотвращать возможный регресс с депрессивной позиции в параноидную.

⁸ В одной из своих лекций психоаналитик и нейрофизиолог М. Солмс приводит в пример потерявшего птенца, которому, не дозвавшись мать, лучше застыть и не подавать никаких сигналов, чтобы уберечься от хищника.

сделать членом «своей маленькой подгруппы». Конфликт, разумеется, опасен, и страх пострадать в нем оправдан, однако опасность редко бывает смертельной — всегда есть надежда, что вмешается большая группа, к которой мы оба принадлежим и для которой мы оба представляем ценность.

Другое дело, если включается «холодная агрессия». Тогда мы не просто чужие — два человека, неспособные на взаимопонимание, мы враги — добыча друг для друга. Мы не просто *не понимаем* знаковой системы, мы *не должны верить* посылаемым знакам, потому что другой посылает их с целью нас обмануть. Нельзя подавать никаких знаков, нельзя раскрывать свою внутреннюю систему, пока ответ на этот вопрос неясен. Если окажется, что правильный ответ — «враг из чужой группы», то инстинкт сплочения-разделения сменит свою полярность, мы окажемся в матрице «холодной агрессии» и сможем причинять друг другу страдание, не испытывая ни вины, ни стыда — обычные реакции, которыми «Суперэго» регулирует межличностную динамику в матрице сплочения. За пределами этой матрицы то же самое «Суперэго» диктует совсем иное чувственное и моральное отношение — не эмпатизируй, причиняй больше боли. Самая большая беда заключается в том, что в момент смены полярности мы не осознаем ни природы наших чувств, ни силы и скорости их роста⁹. Единственным интроспективным знаком остается «*застывание*» и следующее за ним безразличие.

«Холодную агрессию» стимулирует еще одна психическая угроза — угроза отчуждения собственного «Я». Когда бессознательный проективно-интроективный обмен между мною и людьми вокруг меня прекращается, я не только не нахожу винникоттовскую *мать* там, где ей полагается быть, но в реакциях другого на самого себя, моем образе у него в душе, *перестаю себя узнавать*. Дело не только в том, что другой не читает меня доброжелательно, на что, по собственному разумению, я имею право претендовать, и даже не в том, что он читает меня враждебно — я мог бы стараться понять, как эта враждебность возникает, как можно на нее повлиять. Однако я вообще *не в состоянии понять*, каким образом он меня «читает», как он приходит к тем значениям, которые придает моему поведению, как он меня ментализирует. По финской поговорке «он читает меня, как дьявол священное писание». Но, когда я так начинаю ощущать этого другого, это означает, что и я сам перестаю «читать» его. Положительная, на сплочение направленная ментализация в нашей паре больше не работает, как не работает и более глубокий процесс — проективно-интроективный обмен положительными значениями. Тогда, несмотря на всевозможные рациональные объяснения и сознательные аргументы, в глубине души каждый из нас ощущает себя посторонним, чужим, возможно, врагом.

Это чувство испытал я сам и бесчисленное количество раз наблюдал и обсуждал с другими — пациентами и знакомыми мигрантами. Для мигранта такая ситуация — норма, хотя очень мало кто осознает всю глубину и массивность происходящего. Оказавшись в ней, люди реагируют на такое искажение собственного образа, как на нападение и, защищаясь, начинают нападать сами. Сначала они обычно пытаются как-то «объяснить» себя этим чужим, сделать

⁹ Тот, кто первым осознает, сможет первым нанести удар.

свою матрицу им понятной и понять их матрицу. Это, однако, редко удается, другие понимают умом, но не сердцем. Пока «чужой» или «враг» им говорит, они думают не о том, как лучше его понять через аналогичный собственный опыт, а о том, как можно его оспорить. Отчуждение, потеря надежды на близость означает потерю чувства принадлежности, потерю группы, угрозу депрессии. И вместе с тем страх, потому что потерявший свою группу может оказаться в положении преследуемого меньшинства.

ТЕРРОР – СУТЬ ПРОИСХОДЯЩЕГО

Что именно замораживает ум психоаналитика, почему так трудно осознать это «что-то» в себе? Думаю, потому что в наш век мы очень редко сталкиваемся с похожими чувствами в том их контексте, для которого Эволюция их создала. Если вы не увлекаетесь охотой и не участвуете в драках уличных банд, вы можете испытать основное для этой динамики чувство только в его противоположности – ужасной тревоге при панической атаке. В этом случае, однако, связь между страхом и обстоятельствами, его вызвавшими, обычно бывает не реальной, а символической. Психоаналитику трудно понять охватившие его чувства, потому что весь контекст психоаналитической встречи (в общем – медицинский) слишком далек, по своей сути противоположен обычным для «холодной агрессии» обстоятельствам – погони за жертвой и столкновению враждующих групп. Очень непросто понять, что так называемый терапевтический альянс внезапно сменился на смертельный групповой конфликт, что влечение сплочения-разделения сменило свою полярность с положительной на отрицательную, возможно, сместилось к полюсу «холодной агрессии», и вместо доброжелательной, теперь уже новая матрица взаимоотношения преследователя и жертвы определяет смыслы и чувства происходящего¹⁰.

В принципе, психоанализу смешение противоположных влечений хорошо знакомо. В некоторых ситуациях, на первый взгляд, ничего общего между собой не имеющие чувства могут быть психически взаимосвязаны. Садомазохистская любовь, в которой неосознанное или осознанное половое возбуждение малопонятным постороннему наблюдателю образом превращает страдание в удовольствие. Или конверсивные симптомы, например, истерическая слепота, которая кажется никак не связанной с половым возбуждением. Так же и при смене полярности влечения сплочения-разделения: вне соответствующего контекста весь комплекс чувств остается непонятен и лишен экзистенциальной яркости. Постороннему его трудно соотнести со своими переживаниями и понять рационально. Тем не менее контекст человечеству знаком, и для него придумано особое слово – террор.

¹⁰ Я предпочитаю не пользоваться Кляйнианской парадигмой и терминологией депрессивной и параноидной позицией, потому что в ее основе лежит чувство зависти. Однако и здесь речь, безусловно, идет о параноидальном конфликте. Описанная мною психодинамика не только не противоречит Кляйнианской парадигме, но использует ее. Не упоминая чувство зависти, социальный психолог (он вряд ли читал М. Кляйн) М. Шериф (Sherif, 1956; Sherif, 1958; Sherif, 1961.), ставя свой знаменитый эксперимент «Пещеры Грабителя», исходил именно из этого чувства, потому что предполагал, что вражду групп запускает соперничество за ресурсы. В моем представлении Кляйнианская парадигма – лишь частный случай смены биполярного влечения.

Под террором подразумевается решимость группы истребить другую группу или, по крайней мере, ее дегуманизировать. Психически это означает изменить семантический смысл идентичности другой группы, убрать ее из раздела «человек». Террор в русском и английском языках означает одновременно и страх группы людей, которую другая группа решила уничтожить или сделать себе подвластной, и, одновременно, действия — истребление, унижение, дегуманизация. Такой же страх испытывает преследуемое животное.

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ – ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛЯРНОСТИ ЭПИСТЕМОФИЛЬНОГО ИНСТИНКТА И МЕНТАЛИЗАЦИИ ПРИ СМЕНЕ ПОЛЯРНОСТИ ВЛЕЧЕНИЯ СПЛОЧЕНИЯ-РАЗДЕЛЕНИЯ

Смену полярности влечения сплочения-разделения с положительной на отрицательную обычно вызывает страх, что группа, к которой человек принадлежит, теряет ресурсы и, в конце концов, может оказаться преследуемой, а возможно, даже объектом террора. В принципе, возможность террора, как формы межгруппового поведения, провоцирует у индивида, на которого террор может быть направлен, сильные чувства страха и тревоги. Динамика разделения групп и внутригрупповая динамика широко исследованы разными науками, а ее бессознательная психодинамика в психоанализе описывалась уже З. Фрейдом (Freud, 1949), а вслед за ним — и многими другими. В этой статье я хочу подчеркнуть лишь некоторые ее моменты, в частности, значение символа.

Символическое различие (одежда, религия и ритуалы, язык, лого группы — звезда Давида, крест, полумесяц, и т.п.) важно, потому что оно обозначает факт существования разных эпистем. Каждая общественная организация (государство, религия, институция, и др.) выбирает себе символ — знак, за которым стоит нарратив, влияющий на чувства и мысли людей. Этот знак, как бы, объявляет собственной и окружающим группам: *«мы такие-то вещи понимаем так и действуем так»*. В этом смысле эпистему можно рассматривать и как конструкцию, направляющую эпистемофильное влечение (Spillius, 1983). Говоря простыми словами, общество всей своей организацией и ресурсами указывает индивиду (правильнее было бы сказать — принуждает индивида), какое значение надо придавать тем или иным вещам (Foucault, 1980). Само существование эпистемы выражает, по-видимому, нашу видовую потребность в разных, соперничающих между собой способах организации знания. Однако внутри группы необходима одинаковая организация, которая создает одинаковую реальность для разделяющих это знание людей и таким образом способствует их коллективному действию. Для постороннего (и это особенно важно в межличностных взаимоотношениях) реальность чуждой эпистемы почти непонятна. Различие в понимании может касаться очень важных принципов, формирующих моральные нормы и поведение — инцест, отношение к жизни и смерти, к детям, отношения между полами, и др. Так человек т.н. «Западной культуры», столкнувшись, например, с многоженством, не может понять всей организации взаимоотношений — экономических, социальных и эмоциональных. Не может понять, чем и как регулируются в семейных и клановых отношениях безопасность, зависимость, ревность, родственные узы и многое другое.

Приведу два простых примера. Молодой человек, которого его семья привезла из Сирии в Финляндию в младенческом возрасте, мне говорит: «Конечно, если бы мы голодали, моя мать пошла бы работать, но моему отцу было бы стыдно перед всем своим родом». Это его заявление вызывает у меня беспокойство за его семью, потому что экономическое устройство семейной жизни в Финляндии обычно предполагает, что семейный бюджет состоит из доходов обоих – мужчины и женщины. «Среднестатистической» финской женщине и ее мужу было бы, скорее всего, стыдно, если бы жена *не* работала.

Приводя нижеописанный пример, я не выступаю за регламентацию одежды или других знаков культурной и религиозной принадлежности, не сравниваю культуры и их символы. Единственное, что я хочу показать, как именно я (лично) автоматически читал культуральную символику еще 10 лет тому назад, когда стал активнее работать с мигрантами. Я читал бурку суданской женщины и ее отказ пожать мне руку в психиатрическом кабинете, а также необходимое присутствие в нем мужчины, как: *«мужчины моего рода боятся, что я могу вызвать у тебя слишком сильное половое возбуждение, которое ты не сможешь сдержать, что вызовет конфликт между нашими родами»*. В то же время, глубокое декольте и мини-юбку финской девушки я читал, как *«я не должна заботиться о твоих половых чувствах, ты должен уметь держать их в узде, пока не получишь моего согласия»*.

Я хочу подчеркнуть простой факт, что в случае столкновения культур и эпистем уже сами матрицы трансмутации β -элементов в α могут сильно отличаться и направлять мысль к значениям, насыщенным ценностной ориентацией. Эта (по видимости, культурально-когнитивная проблема) на самом деле является предпосылкой для паранойи: динамика эпистемофильного инстинкта перестает поддерживать динамику *сплочения* и облегчает смену полярности на *разделение*. Эпистема вместо того, чтобы объединять, начинает разделять наше мировосприятие, что затрудняет эмпатию, ментализацию и коллективное действие.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Потребовался гений Фрейда, чтобы понять, что, несмотря на то, что редкий человек ненавидит и убивает своего отца, Эдипов комплекс является одной из важнейших сил в социальной динамике – в человеческих взаимоотношениях, политике и истории общества. Точно так же, я убежден в том (несмотря на то, что наш профессиональный тренинг учит нас видеть бессознательные мотивы), что требуется интеллектуальная смелость, чтобы связать социальные последствия влечения сплочения-разделения с личными переживаниями. Действительно, связь между мимолетным чувством замирания в психоаналитической сессии или компании знакомых с жестокими геноцидными злодеяниями может показаться слишком надуманной. Однако теперь уже, к сожалению, ежедневные клинические наблюдения являются доказательством, потому что в моей практике они стали обычными из-за военных действий, происходящих в мире.

Литература / References

- Bion W.R.* Learning from Experience. – London: Heinemann; New York: Basic Books. – 1962.
- Bion W.R.* The Psycho-Analytic Study of Thinking // International Journal of Psychoanalysis. – 1962. – Vol. 43. – P. 306-310.
- Bion W.R.* Transformations: Change from learning to growth / Bion W.R. – London, Heinemann. – 1965.
- Bion W.R.* Two Papers ‘The Grid’ and ‘Caesura’ / Bion W.R. – London, Routledge. – 1977. – 64 p. – doi: 10.4324/9780429484421
- Cikara M, Van Bavel JJ.* The Neuroscience of Intergroup Relations: An Integrative Review / Cikara M, Van Bavel JJ. // Perspect Psychol Sci. – 2014. – doi:10.1177/1745691614527464.
- Contreras-Huerta LS, Baker KS, Reynolds KJ, Batalha L, Cunnington R.* Racial Bias in Neural Empathic Responses to Pain // PLoS ONE. – 2013. – 8(12): e84001. – doi:10.1371/journal.pone.0084001
- Crittenden, P. M., DiLalla, D.* Compulsive compliance: The development of an inhibitory coping strategy in infancy // Journal of Abnormal Child Psychology. – 1988. – Vol. 16. – No. 5. – P. 585-599.
- Foucault M.* The Order of Things, an Archaeology of the Human Sciences / Foucault M. – Science and Society. – 1970.
- Foucault, M.* Power/Knowledge. In C. Gordon (Ed.), Selected Essays and Other Writings / Foucault, M. – Brighton, Harvester Press. – 1980. – 197 p.
- Freud S.* Group Psychology and the Analysis of the Ego. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud / Freud S. – London, The Hogarth Press. – 1949. – 134 p.
- Hartmann, H.* (1952), The mutual influences in the development of ego and id. In: Essays on Ego Psychology. – New York: International Universities Press. – 1964. – P. 155–182.
- Klein M.* Notes on some schizoid mechanisms // International Journal of Psychoanalysis. – 1946.
- Klein M.* Some theoretical conclusions regarding the emotional life of the infant. Envy and gratitude and other works 1946-1963. – Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis (published 1975). – 1952. ISBN 978-0-02-918440-0.
- Mahler M.S.* Thoughts about Development and Individuation. The Psychoanalytic Study of the / Child Mahler M.S. – New York, International Universities Press. – 1963. – Vol. 18. – No. 1. – P. 307-324.
- Panksepp J., Panksepp J.B.* Toward a cross-species understanding of empathy / Panksepp J., Panksepp J.B. – PubMed. – 2013. – P. 489-496. – doi:10.1016/j.tins.2013.04.009
- Rifat M.* Homo Semioticus. / Rifat M. – İstanbul, Yapı Kredi Yayınlar. – 1993. – 160 p.
- Solms M., Turnbull O.* The brain and the inner world // New York: International Universities Press. – 2002. – 124 p.

- Sherif M.* Uperordinate goals in reducing intergroup conflict // *American Journal of Sociology*. – 1958. – С. 349-356.
- Sherif M., Kharvey O.Dzh., Vayt B.Dzh., Khud V.R., Sherif K.V.* Intergroup Conflict and Cooperation: The Robber's Cave Experiment // Norman, Oklahoma: Norman, University Book Exchange. – V. 10. – 1954/1961.
- Spillius E. B.* Some developments from the work of Melanie Klein / *The International Journal of Psychoanalysis*, 1983. – Vol.64. – No 3. – P. 321–332.
- Spillius E., O'Shaughnessy E.* Projective Identification - The Fate of a Concept / Spillius E., O'Shaughnessy E. – London, Routledge. – 2011. – 432 p. – doi:10.4324/9780203157220
- Varnum M., Blais C., Ryan S., Hampton R., Brewer G.* Social class affects neural empathic responses / Varnum M., Blais C., Ryan S., Hampton R., Brewer G. // *Culture and Brain*, 2015. – Vol. 3. – P. 122–130.
- Wertz F.J., Olbert C.M.* The Convergence of Freud's Psychoanalysis and Husserl's Phenomenology on a Research Approach for Human Phenomena / Wertz F.J., Olbert C.M. // *Journal of Phenomenological Psychology*. – 1993. – doi:10.1163/156916293X00099
- Winnicott D.W.* The Maturational Processes and the Facilitating Environment: Studies in the Theory of Emotional Development / Winnicott D.W. – International Universities Press. – 1965. – 296 p.
- Wrangham R.W.* Two types of aggression in human evolution. / Wrangham R.W. – Salt Lake City, University of Utah. – 2017. – P. 245-253. – doi.org/10.1073/pnas.1713611115

Информация об авторе

Коварскис Лявас, доктор медицины, врач-психиатр, супервизор, член Международной психоаналитической ассоциации (ИПА), Финская психоаналитическая ассоциация, Хельсинки, Финляндия; научный руководитель факультета психоанализа и почетный профессор, Московский институт психоанализа, Москва, Россия, e-mail: leo.kovarskis@gmail.com

Information about the author

Levas Kovarskis, M. D., Psychiatrist, Supervisor, Member of the International Psychoanalytic Association (IPA), Finnish Psychoanalytic Association, Helsinki, Finland; Scientific Director of the Faculty of Psychoanalysis and Professor Emeritus, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, e-mail: leo.kovarskis@gmail.com

Получена: 21.02.2024

Принята в печать: 01.03.2024

Received: 21.02.2024

Accepted: 01.03.2024

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

О КОМПЕНСАТОРНОЙ ФУНКЦИИ ФАНТАЗИРОВАНИЯ

НИКИТИН И.Ю.

Независимый исследователь, Москва, Россия

В заметке автором предлагается теоретическое осмысление компенсаторной функции фантазирования как механизма защиты «Истинного Я» субъекта от невротизации и дезадаптации вследствие психотравмы с позиции феномена посттравматического роста личности.

Ключевые слова: фантазирование, художественное творчество, неудовлетворенность, травма, «Истинное Я», «Ложное Я», посттравматический рост личности.

Для цитаты: *Никитин И.Ю.* О компенсаторной функции фантазирования // Познание и переживание. 2024. — Т. 5. — № 1. — С. 85-97. doi: 10.51217/cogexp_2024_05_01_06

Для контактов: Никитин Илья Юрьевич, nikitin.ilia89@gmail.com

ABOUT THE COMPENSATORY FUNCTION OF FANTASY

ILIA YU. NIKITIN

Independent Researcher, Moscow, Russia

In the note, the author proposes a theoretical understanding of the compensatory function of fantasizing as a mechanism for protecting the subject's True Self from neuroticism and maladaptation due to psychotrauma from the perspective of the phenomenon of post-traumatic personality growth.

Keywords: Fantasy, artistic creativity, dissatisfaction, trauma, True Self, False Self, post-traumatic personality growth.

For citation: *Nikitin I.Yu.* About the compensatory function of fantasy // *Poznanie i perezhiwanie [Cognition and Experience]*. — 2024. — V. 5. — № 1. — P. 85—97. doi: 10.51217/cogexp_2024_05_01_06 (in Russ.).

Corresponding author: Nikitin Ilia Yurievich, nikitin.ilia89@gmail.com

«Никогда не фантазирует счастливый, а только неудовлетворенный», — писал З. Фрейд (Фрейд, 1995, с. 130) об особенностях процесса фантазирования, называя неудовлетворенные желания движущей силой мечтаний, а фантазию — исполнением желания художника, исправляющего неудовлетворяющую действительность (подобно невротике, обращающемуся к миру фантазий для поиска в нем замены фрустрированному желанию) (Григорьева, 2007).

С указанным положением соглашался и Л.С. Выготский, называя «влечения, оставшиеся неудовлетворенными в жизни, как одну из причин проявления фантазии и воображения» (Лукьянов, 2005, с. 57). Компенсацией комплекса неполноценности считал творчество А. Адлер (Первин, Джон, 2001), вторящую ему мысль высказывает Е.Л. Яковлева, отмечая, что травматический опыт проявляется в творчестве, активизирующим ресурсы воображения, переключая внимание на создание чего-то нового, «что снимает напряжение и смягчает ситуацию. В подобной саморегуляции индивид (временно) способен управлять посттравматическим воспоминанием, перерабатывать смысл травмы и даже изменять направленность жизнедеятельности» (Яковлева, 2022, с. 82). В некотором смысле, созвучных фрейдовским взглядов придерживался и Юнг, связывая фантазию с проявлением конфликтов личности, разделяя фантазии на активные (высшие проявления человеческого духа, воплощающиеся в произведениях искусства) и пассивные (патологические формы) (Данилкина, 2009). Схожую аксиому выдвигал также Гелен, говоря, что «фантазия – это средство преодоления мучительной жизни <...> если человек не фантазирует, следовательно, он счастлив или, по крайней мере, должен быть таковым. <...> Мы фантазируем, когда нам плохо. Но в то же время нам не так плохо, как нам могло бы быть, если бы у нас не было фантазии» (Антипов, 2018, сс. 89-90).

Беглый биографический анализ известных представителей художественной сферы, кажется, подталкивает нас к согласию с приведенными утверждениям. Так, психическими расстройствами страдали Ван Гог (Голенков, 2009), Уэйн (Кириухина, 2022), Мунк (Скрябин, 2019) и Шуман (Рыжков, 2019). Гоген испытывал галлюцинации (Каганов, 2015), тяжелой формой туберкулеза был болен Кафка (Барканова, 2019), депрессии были у Лондона (Танасейчук, 2018), Плат (Гурьев, 2020), Вулф (Яшина, 2020) и Хемингуэя (Тиганов, 2014); Буковски страдал алкоголизмом (Sounes, 1999), наркоманией был болен Берроуз (Hibbard, Burroughs, 1999). Внушительный список из психиатрических заболеваний у более чем пятидесяти представителей художественной сферы приводит в отдельной работе Королев (2010), и список можно продолжить.

Приводя более предметные случаи, можем отметить, например, что основной поэтики творчества Воннегута являлся травматический опыт, пережитый писателем во время Второй мировой войны в Европе (Беляева, Стрельцова, 2023); опыт лагерного заключения сформировал творчество Боровского (Каменская, 2017); психологические травмы юности прошли красной линией через творчество Мюллер (Чугунов, 2022); детский опыт и семейные драмы сыграли значительную роль в становлении художественного таланта Дали (Яковлева, 2022); аналогичным образом неразрешенные конфликты раннего юношества нашли свое закономерное отражение в творчестве Мая (Гуревич, 2013); физические травмы оказали сильнейшее влияние на творчество Гойя (Корелина, 2018). Примеров подобного развития событий в личных биографиях известных представителей художественного мира можно привести много. Развивая затронутую тему, приводим высказывание А.А. Королева (2010), который отмечает:

«В начале 60-х годов американские ученые провели исследование великих людей и пришли к следующему заключению. Хотя связь между гениальностью и безумием вовсе не обязательна, но большинство гениев, как правило, психически ненормальны. Когда выбрали 78 самых великих имен в истории человечества, то обнаружили, что из них более чем 37% имели острые душевные заболевания, по крайней мере, раз в жизни; более 83% были явными психопатами; только приблизительно 7% были нормальными людьми. Когда исследование сузилось до 35 самых величайших гениев в истории, то вместе с гениальностью возросла и эта печальная закономерность: 40% сверхгениев страдали острыми душевными болезнями и более 90% были психопатами» (с. 78).

Из вышеизложенного может сложиться впечатление, что несчастье, неудовлетворенность, обилие внутренних конфликтов и личные травмы (для целей настоящей работы эти и схожие понятия будут нами употребляться синонимично) – суть, побудительный мотив и источник возникновения творчества. Однако, учитывая изложенное выше, будет наивностью утверждение, что травма неизбежно вызывает креативность, ведь в указанном случае мы бы наблюдали повсеместное засилье творческих личностей и расцвет нового Ренессанса, а не кратный рост количества психиатрических клиник, госпитализаций по психиатрическим показаниям и амбулаторных посещений пациентов, имеющих психиатрические диагнозы (Решетников, 2015). Так, обнаруживая травму в биографии значимого количества представителей художественной сферы, мы можем осторожно предположить, что существует, как минимум, несколько стратегий отреагирования травмы, одна из которых уводит индивида в болезнь, другая же неочевидным образом связана с проявляющимся позднее творчеством. С.В. Ермолаева (2013) емко формулирует приведенную гипотезу:

«Между стрессом и творчеством существует определенная связь, в пользу этого свидетельствует большое количество фактов биографий известных людей, чья деятельность неразрывно связана с достижениями в области искусства и науки, когда расцвет их творческих сил приходился на тяжелые периоды, связанные с психическими травмами, потерями, угрозами жизни» (с. 92).

А.Л. Синаторов, в свою очередь, еще более сжато отмечает здесь: «невротик – это художник, который не может превратить свои конфликты в искусство» (Синаторов, 2021, с. 84), что приводит нас к предположению о роли травмы как интрапсихического катализатора креативности, как минимум, в ряде случаев. Но если не каждая травма способствует расцвету таланта, то, вероятно, мы должны допустить некую начальную predisposition, то есть положение дел, при котором творческий потенциал раскрывается именно вследствие травмы.

Э. Нойманн (Юнг, Нойман, 1996) в схожем отношении указывает:

«<...> индивидуальная история каждого творческого человека почти всегда балансирует над пропастью болезни; в отличие от других людей, он не склонен залечивать личные раны, полученные в ходе развития, с помощью все большей

адаптации к коллективу. Его раны остаются открытыми, но страдание от них достигает глубин, из которых поднимается другая целительная сила, и этой целительной силой является творческий процесс» (с. 233-234).

Исследования Р.Г. Тедеси и Л.Г. Калхуна (подробнее см. Слабенкова, 2014) позволяют сделать предположение, что вышеописанная диспозиция характеризуется разворачиванием феномена посттравматического роста личности, опытом «переживания человеком положительных психологических изменений в результате борьбы с травмой или любым чрезвычайно стрессовым событием» (Тедеси и Калхун, цит. по: Чачко, 2010, с. 141). Так, травма выступает «катализатором, трамплином для резкого скачка личностного роста» (Вилюжанина, 2020, с. 229). В последнем сущностно проявляется одна из ключевых особенностей адаптации психики в рамках посттравматического роста, адаптации, при которой делается акцент на том, «что человек *приобрел* в преодолении травмы, а не том, что было потеряно и потом удалось восстановить (восстановление), или что не было потеряно и что удалось сохранить наперекор травме (устойчивость)». (Линли, цит. по: Федунина, 2006, с. 76, курсив в оригинале). Зелянина и Падун (2017) описывают процесс разворачивания феномена посттравматического роста личности, состоящий из двух базовых этапов:

«На первом этапе включаются защитные механизмы (отрицание, эмоциональная онемелость, избегание). Основная функция этих механизмов – защита психики индивида от сильного возбуждения. На втором этапе индивид пытается вернуться к старым базисным убеждениям для достижения прежнего психологического комфорта. По этой причине происходит позитивная реинтерпретация травматического опыта, начинается поиск позитивных изменений, вызванных травмой» (с. 3).

Так, мы можем сделать теоретическое предположение, что полная диспозиция выглядит следующим образом: предсуществующий творческий потенциал субъекта является витальным продуктом его (ее) психики, стержневой организующей личность компонентой «Истинного Я» (Самости). Травмирующий опыт и/или протяженное во времени патогенное негативное влияние – «крайне интенсивное стрессовое переживание, которое превышает адаптационные возможности личности и не может абсорбироваться (поглощаться) и «метаболизироваться» (до конца прорабатываться) психикой» (Фруцкая, Андреева, 2017, с. 117) – заставляет субъект образовывать защиты вокруг «Истинного Я» и адаптироваться к объективной реальности путем образования «Ложного Я».

«Ложная самость (или «Ложное Я») – структура психики, возникающая, как защитная реакция на опасность нарушения целостности личности ребенка, возникающую в результате неблагоприятных объектных отношений. Данная примитивная защита представляет собой символический возврат к диадической системе самосохранения, при которой сильная часть заботится о слабой. «Ложное Я» оберегает «Истинное Я» от агонии распада, но одновременно становится препятствием для его развития» (Колесникова, 2017, с. 45).

Итак, «Ложное Я» отвечает за защиту «Истинного Я», в свою очередь ответственного за стихийные креативные тенденции личности, оно реактивным

(вследствие, например, депривации) образом адаптируется к требованиям окружающей действительности и (при патологическом развитии личной истории) может подменять «Истинное Я» (врожденный потенциал), блокируя творческие проявления личности и спонтанную экспрессию как таковые (Длужневская, 2022; Николаева, 2013). «Психика ребенка, — указывает Максименко, — интроецирует подобное [эмоционально депривирующее — И.Н.] отношение и формирует деструктивную ложную самость, которая выполняет функцию защиты» (Максименко, 2020, с. 1063).

Далее, вследствие нарастающего внешнего давления индуцируется процесс кристаллизации «Ложного Я» и окончательной подмены «Истинного Я», что для субъекта тождественно утрате самого (-ой) себя, самоуничтожению. Со ссылкой на Калшеда и Кохута, Морозова (2017) описывает указанное ниже следующим образом:

«Травма является острым и разрушительным переживанием детского абьюза, отличительной чертой которого является проявление тревоги и ужаса перед угрозой растворения «собственного Я». <...> [Кохут. — И.Н.] называет данную травму «тревогой дезинтеграции», приводящую к аннигиляции личности и дальнейшему ее разрушению. Ранняя психическая травма провоцирует невозможность интеграции личности и приводит к формированию «ложного Я» (с. 279-280).

Так, отказ от утраты собственной идентичности — психической аннигиляции — приводит в действие бессознательный механизм защиты, внутренние резервы организующего стимула витальности (творческого потенциала) катектируются и выступают сдерживающим фактором для затвердевания защитного панциря «Ложного Я», предотвращают полную дезадаптацию и невротизацию личности. «Тревога дезинтеграции, угрожающая полной аннигиляцией личности, — пишет Калшед (Калшед, 2001, с. 69), — может привести к разрушению человеческого духа. Такой исход должен быть предотвращен любой ценой». Следовательно, творческий потенциал выступает компенсирующим давление травмы механизмом самозащиты психики, и (как возможно сделать вывод), креативность в данном случае расцветает вследствие нее и благодаря ей. Зайцева и Дормидонтов (2023) делают важное уточнение, говоря, что «положительные изменения вследствие травмы присутствуют одновременно с негативными. Таким образом, мы говорим об амбивалентности. Положительные последствия травмы не отменяют всех травматичных и проблемных сторон жизненной ситуации. ПТР [*посттравматический рост*. — И.Н.] развивается одновременно с адаптацией к травмирующим событиям, вызывающим сильный психический дистресс» (с. 125). Так, художники (как мы можем наблюдать по многочисленным примерам в творчестве) сохраняют в своем искусстве пережитую травму навсегда. На схожую тему К.Г. Юнг (Юнг, Нойман, 1996) писал:

«<...> совсем не удивительно, что художник для психолога является представителем интереснейшей породы людей, с точки зрения критического анализа. Его жизнь не может не быть полна конфликтов, поскольку две силы воюют в нем: с одной стороны, вполне оправданное стремление нормального

человека к счастью, удовлетворенности и безопасности, а с другой стороны, — неудержимая страсть к творчеству, заходящая так далеко, что она подавляет любое личное побуждение. Если жизнь художника, как правило, в высшей степени беспокойная (чтобы не сказать трагичная), то причиной здесь не абстрактный промысел судьбы, а внутренняя inferнальность его личности и неспособность адаптироваться. Личности приходится дорого платить за божий дар творческого горения» (с. 50).

Выдвинув предположение, что фантазирование выступает защитным механизмом, предотвращающим невротизацию личности, нам необходимо сделать одно существенное уточнение в предложенной гипотезе. Мы допустили, что творческий потенциал является предсуществующим, но не сделали акцент на принципиальном факте, что он является одновременно и латентным. Другими словами, в предлагаемой картине становления психики субъекта его (ее) креативность никак не обнаруживает себя до травматизации, то есть вызревает в инкубационном периоде, где условием для проявления «симптомов» творчества является именно травма. Таким образом, мы должны предположить, что, не подвергаясь внешнему угнетению травмирующего, творческий потенциал не получает стимула к проявлению и остается нереализованным, угасает. Последнее, по сути, возвращает нас к необходимости предварительно солидаризоваться с высказанной Фрейдом мыслью, процитированной в начале настоящей работы. В некотором смысле, как будто резюмируя обсуждение настоящей работы, Э.В. Уэллдон (2017) отмечает:

«Травмы могут стать источником огромной творческой энергии, которая, в противном случае, могла бы остаться нераскрытой. Кроме того, изучение процесса проживания травмы и насилия может способствовать психологическому росту в неблагоприятных условиях. Вспышки ярости могут также подтолкнуть к поиску новых возможностей и расширению перспектив. Таким образом, в травме заложен потенциал как к разрушению, так и к эмоциональному росту. Опыт самовосстановления, полученный в результате успешного совладания с беспомощностью и угрожающими жизни ситуациями, может привести к появлению способности контролировать себя, а также умению обеспечивать безопасность и контейнирование. Наша жизнь обогащается благодаря интеграции травм. Это происходит в том случае, если мы смогли успешно справиться с серьезными угрозами для своей идентичности и выйти из них в целостности и сохранности, не развалившись при этом на части, как мы опасались раньше» (с. 161-162).

Предложив в настоящей работе предварительное теоретическое осмысление компенсаторной функции фантазирования, как механизма защиты «Истинного Я» субъекта от невротизации и дезадаптации вследствие психотравмы, мы сделали предположение, что при наличии скрытого творческого потенциала травма в определенных случаях может выступать катализатором креативности, в отсутствие травмы — латентизирующей, но совершенно

ничего не сказали о механике развития творческих потенциалов у субъектов, свободных от травматического опыта. Так, грубо обрисовав фантазирование неудовлетворенных, мы ни на шаг не приблизились к ответу на вопрос, может ли творчество проистекать из места, свободного от травмы, что является отдельным пластом для осмысления, который в настоящей работе мы сознательно заменим многоточием.

Литература

- Антипов С.С.* Воображение как свойство человека // *Философская школа*. 2018. – №. 5. – 83-94с.
- Барканова О.Н.* Туберкулез гортани. История болезни и смерти Ф. Кафки // *EUROPEAN RESEARCH: сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции*. – 2019. – С. 99-101.
- Беляева В.Е., Стрельцова Г.В.* Творчество К. Воннегута как отражение личной травмы // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Русская филология. – 2023. – № 1. – 77-86с.
- Вилюжанина Т.А.* Посттравматический рост: теоретические основания исследования // *Донецкие чтения 2020: образование, наука*. – 2020. – С. 228-230.
- Голенков А.В.* Психические расстройства Винсента Ван Гога: обзор мнений врачей и ученых // *Вестник психиатрии и психологии Чувашии*. 2009. – № 5. – С. 127-144.
- Гурьев В.М.* Сильвия Плат: метаморфоза счастья на примере романа «Под стеклянным колпаком» // *Сборник научных статей по итогам Международного научного фестиваля молодежного проектирования*. – 2020. – 2020. – С. 121-124.
- Григорьева Л.Ю.* Творчество как проявление множественности бытия // *Труды Дальневосточного государственного технического университета*. – 2007. – № 147. – С. 106-110.
- Гуревич Р.В.* Творчество Карла Мая: формирование художественно-эстетических принципов (1874-1886 годы) // *Известия Смоленского государственного университета*. – 2013. – № 4(24). – С. 130-138.
- Данилкина И.И.* Структура и многообразие форм визуального воображения // *Аналитика культурологии*. – 2009. – № 15. – С. 67-74.
- Длужневская Л.А.* Развитие представлений о самости в психодинамической теории личности // *Психология. Психофизиология*. – 2022. – Т. 15. – № 3. – С. 14-25.
- Ермолаева С.В.* Психологические особенности и метафорические образы стрессовых ситуаций у людей творческих профессий // *Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-06-14006*. – 2013.
- Зайцева Е.И., Дормидонтов Р.А.* Теоретический обзор феномена посттравматического роста личности // *Современная наука и образование: Актуальные вопросы теории и практики*. 2023. – С. 124-128.

- Зеянина А., Падун М.* К проблеме посттравматического личностного роста: современное состояние и перспективы // Психологические исследования. – 2017. – Т. 10. – № 53.
- Каганов Б.С.* Мадонна с младенцем, или грудное вскармливание как искусство (лекция) // Вопросы практической педиатрии. – 2015. – Т. 10. – № 3. – С. 83-97.
- Калшед Д.* Внутренний мир травмы // Консультативная психология и психотерапия. – 2001. – Т. 9. – № 1. – С. 68-101.
- Каменская А.Е.* Нечаянный перформанс Тадеуша Боровского // Альманах студенческих и аспирантских работ по социально-гуманитарным наукам. – Министерство образования и науки Российской Федерации; Тверской государственный университет. – 2017. – Т. 1. – С.23-27.
- Кирюхина Е.М.* Эволюция цвета и колорита в художественном творчестве Л.У. Уэйна (1860–1939). / Третий Всероссийский конгресс по цвету // Смоленск. – 2022. – С. 19-23.
- Корелина А.Е.* Влияние травматического опыта на процесс создания произведения искусства: «до» и «после» (на примере творчества Франциско Гойя) // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studis historica juvenum. – 2018. – №. 1 (14). – С. 306-314.
- Королев А.А.* Роль личности в истории: гении и таланты // Общество и человек. – 2010. – № 1(1). – С.70-83.
- Колесникова В.И.* Психологические особенности травмы в парадигме аналитической психологии КГ Юнга // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2017. – Т. 3. – № 1. – С. 43-55.
- Лукьянов А.Е.* Л.С. Выготский о вопросах фантазии, воображения, творчества // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2005. – № 2(17). – С. 47-48.
- Максименко Е.Г.* Типы родительского отношения и их последствия (психоаналитический подход) // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических и педагогических исследований: Сборник трудов Международной научно-практической конференции «XV Левитовские чтения». – 2020. – Т. 3. – С. 1059-1064.
- Морозова Л.Б.* Влияние пережитого в детстве насилия на формирование виктимной личности // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 57-11. – С.279-286.
- Николаева А.Ю.* Семантическое пространство субъектности // Психологические и психоаналитические исследования: Ежегодник 2012-2013. – 2013. – С. 54-69.
- Уэллдон Э.В.* Игры с динамитом. Индивидуальный подход к психоаналитическому пониманию перверсий, насилия и преступности. – М.: Издательство «Перо». – 2017. – 381с.
- Первин Л., Джон О.* Психология личности: Теории и исследования. – М.: Аспект Пресс. – 2001. – 607 с.

- Решетников М.М.* Психическое здоровье населения: современные тенденции и старые проблемы // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1 (17). – С.9-15.
- Рыжов Б.Н.* Три болезни и три парадоксальные способности: системно-психологическая интерпретация // Системная психология и социология. – 2019. – № 1 (29). – С.5-16.
- Слабенкова Г.К и др.* Посттравматический рост: теоретический анализ проблемы // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. – 2014. – Т. 49. – №. 2.
- Скрябин В.Ю.* Жизнь и творчество Эдварда Мунка: взгляд психиатра // Психическое здоровье. – 2019. – № 11. – С.81-86.
- Синаторов А.Л.* Мультикультурализм как форма интеграции духовно-нравственных качеств и норм поведения, присущих современным обществам // Социально-педагогические технологии в социализации будущего профессионала. – 2021. – С. 76-87.
- Танасейчук А.Б.* «На полях» биографии Джека Лондона // Литература двух Америк. 2018. – №4. – С. 72-77.
- Тиганов А.С.* Эрнест Хемингуэй // Психиатрия. – 2014. – № 1. – С.70-73.
- Федунина Н.Ю.* Понятия устойчивости к травме и посттравматического роста // Консультативная психология и психотерапия. – 2006. – Т. 14. – № 4. – С.69-80.
- Фрейд З.* Художник и фантазирование. – М.: Республика. – 1995. – 400с.
- Фруцкая И.В., Андреева И.Н.* Взаимосвязь посттравматического стрессового расстройства с творческой активностью, жизнестойкостью и нервно-психической адаптацией // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. – 2017. – № 7. – С. 117-121.
- Чачко С.Л.* Проблема посттравматического роста: попытка теоретического анализа // Вісник Одеського національного університету. Психологія. – 2010. –Т. 15. – №. 11. – С.140-148.
- Чугунов Д.А.* «Косяки» и травмы: размышления о творчестве Герты Мюллер // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2022. – Т. 7. – № 1. – С.17-33.
- Юнг К.Г., Нойманн Э.* Психоанализ и искусство. – М.: Ваклер. – 1996. – 304с.
- Яковлева Е.Л.* Детские травмы как исток творчества Сальвадора Дали // Психология и Психотехника. – 2022. – № 1. – С.80-93.
- Яшина О.С.* Личность и безумие в творчестве В. Вулф (на примере романа «Миссис Дэллоуэй») // ВЕСТНИК. – 2020. – С.443-450.
- Hibbard A., Burroughs W.* Conversations with William S. Burroughs. – Univ. Press of Mississippi, – 1999. – 234p.
- Sounes H.* Charles Bukowski: locked in the arms of a crazy life. – NY.: Grove Press. – 1999. – 309p.

References

- Antipov S.S.* Voobrazhenie kak svojstvo cheloveka [Imagination as a human property] // Filosofskaya shkola. – 2018. – №. 5. – P. 83-94.

- Barkanova O.N.* Tuberkulez gortani. Istoriya bolezni i smerti F. Kafki [Tuberculosis of the larynx. The history of F. Kafka's illness and death] //EUROPEAN RESEARCH: sbornik statej XXIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, – 2019. – P. 99-101.
- Belyaeva V.E., Strel'cova G.V.* Tvorchestvo K. Vonneguta kak otrazhenie lichnoj travmy [K. Vonnegut's work as a reflection of personal trauma] //Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. – 2023. – № 1. – P. 77-86.
- Vilyuzhanina T.A.* Posttravmaticheskij rost: teoreticheskie osnovaniya issledovaniya [Post-traumatic growth: theoretical foundations of the study] //Doneckie chteniya 2020: obrazovanie, nauka. – 2020. – P. 228-230.
- Golenkov A.V.* Psihicheskie rasstrojstva Vinsenta Van Goga: obzor mnenij vrachej i uchenyh [Vincent Van Gogh's mental disorders: a review of the opinions of doctors and scientists] //Vestnik psihiatrii i psihologii CHuvashii. – 2009. – № 5. – P. 127-144.
- Gur'ev V.M.* Sil'viya Plat: metamorfoza schast'ya na primere romana «pod steklyannym kolpakom» [Sylvia Plath: the metamorphosis of happiness on the example of the novel «under the glass dome»] //Sbornik nauchnyh statej po itogam Mezhdunarodnogo nauchnogo festivalya molodyozhnogo proektirovaniya-2020. – 2020. – P. 121-124.
- Grigor'eva L.YU.* Tvorchestvo kak proyavlenie mnozhestvennosti bytiya [Creativity as a manifestation of the multiplicity of being] //Trudy Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. – 2007. – № 147. – P. 106-110
- Gurevich R.V.* Tvorchestvo Karla Maya: formirovanie hudozhestvenno-esteticheskikh principov (1874–1886 gody) [The work of Karl May: the formation of artistic and aesthetic principles (1874-1886)] //Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 4(24). – P. 130-138.
- Danilkina I.I.* Struktura i mnogoobrazie form vizual'nogo voobrazheniya [The structure and variety of forms of visual imagination] //Analitika kul'turologii. – 2009. – № 15. – P. 67-74.
- Dluzhnevskaya L.A.* Razvitie predstavlenij o samosti v psihodinamicheskoj teorii lichnosti [The development of ideas about the self in the psychodynamic theory of personality] //Psihologiya. Psihofiziologiya. – 2022. – T. 15. – № 3. – P. 14-25.
- Ermolaeva S.V.* Psihologicheskie osobennosti i metaforicheskie obrazy stressovyh situacij u lyudej tvorcheskih professij [Psychological features and metaphorical images of stressful situations in people of creative professions] //Izdanie osushchestvleno pri finansovoj podderzhke RGNF, proekt № 13-06-14006. – 2013.
- Zajceva E.I., Dormidontov R.A.* Teoreticheskij obzor fenomena posttravmaticheskogo rosta lichnosti [A theoretical review of the phenomenon of post-traumatic personality growth] //Sovremennaya nauka i obrazovanie: Aktual'nye voprosy teorii i praktiki. – 2023. – P. 124-128.
- Zelyanina A., Padun M.* K probleme posttravmaticheskogo lichnostnogo rosta: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [On the problem of post-traumatic personal growth: current state and prospects] //Psihologicheskie issledovaniya. – 2017. – T. 10. – №. 53.

- Kaganov B.S.* Madonna s mladencem, ili grudnoe vskarmlivanie kak iskusstvo (lekcija) [Madonna and Child, or breastfeeding as an art (lecture)] //Voprosy prakticheskoj pediatrii. – 2015. – T. 10. – № 3. – P. 83-97
- Kalshed D.* Vnutrennij mir travmy [The inner world of trauma] //Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya. – 2001. – T. 9. – № 1. – P. 68-101.
- Kamenskaya A.E.* Nechayannyj performans Tadeusha Borovskogo [An accidental performance by Tadeusz Borowski] //Al'manah studencheskih i aspirantskih rabot po social'no-gumanitarnym naukam / Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii; Tverskoj gosudarstvennyj universitet. – 2017. – T.1. – № 1. – P. 23-27.
- Kiryuhina E.M.* Evolyuciya cveta i kolorita v hudozhestvennom tvorcestve L.U. Uejna (1860–1939) [The evolution of color and color in the artistic work of L.W. Wayne (1860-1939)] //Glavnyj redaktor. – 2022, – P. 19-23.
- Korelina A.E.* Vliyanie travmaticheskogo opyta na process sozdaniya proizvedeniya iskusstva: «do» i «posle» (na primere tvorcestva Francisko Gojya) [The impact of traumatic experience on the process of creating a work of art: «before» and «after» (using the example of Francisco Goya's work)] //Vestnik nauchnoj asociacii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Studis historica juvenum. – 2018. – №. 1 (14). – P. 306-314.
- Korolyov A.A.* Rol' lichnosti v istorii: genii i talanty [The role of personality in history: geniuses and talents] //Obshchestvo i chelovek. – 2010. – № 1(1). – P. 70-83.
- Kolesnikova V.I.* Psihologicheskie osobennosti travmy v paradigme analiticheskoy psihologii KG Yunga [Psychological features of trauma in the paradigm of analytical psychology of KG Jung] //Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni VI Vernadskogo. Sociologiya. Pedagogika. Psihologiya. – 2017. – T. 3. – № 1. – P. 43-55.
- Luk'yanov A.E.* L.S. Vygotskij o voprosah fantazii, voobrazheniya, tvorcestva [L.S. Vygotsky on the issues of fantasy, imagination, creativity] //Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki. – 2005. – № 2(17). P. 47-48.
- Maksimenko E.G.* Tipy roditel'skogo otnosheniya i ih posledstviya (psichoanaliticheskij podhod) [Types of parental relationships and their consequences (psychoanalytic approach)] // Aktual'nye problemy teorii i praktiki psihologicheskikh, psihologo-pedagogicheskikh i pedagogicheskikh issledovanij: Sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «XV Levitovskie chteniya». – 2020. – T. 3. – P. 1059-1064.
- Morozova, L.B.* Vliyanie perezhitogo v detstve nasiliya na formirovanie viktimnoj lichnosti [The influence of childhood violence on the formation of a victim personality] //Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2017. – № 57-11. – P. 279-286.
- Nikolaeva A.YU.* Semanticheskoe prostranstvo sub»ektnosti [The semantic space of subjectivity] //Psihologicheskie i psichoanaliticheskie issledovaniya: Ezhegodnik 2012-2013. – 2013. – P. 54-69.
- Uelldon E.V.* Igry s dinamitom. Individual'nyj podhod k psichoanaliticheskomu ponimaniyu perversij, nasiliya i prestupnosti. [Dynamite games. An individual

- approach to psychoanalytic understanding of perversions, violence and crime] М.: Izdatel'stvo «Pero». — 2017. — 381p.
- Pervin L., Dzhon O.* Psihologiya lichnosti: Teorii i issledovaniya. [Personality Psychology: Theories and Research] М.: Aspekt Press. — 2001. — 607p.
- Reshetnikov M.M.* Psihicheskoe zdorov'e naseleniya sovremennye tendencii i starye problemy [Mental health of the population current trends and old problems] // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. — 2015. — № 1 (17). — P. 9-15.
- Ryzhov B.N.* Tri bolezni i tri paradoksal'nye sposobnosti: sistemno-psihologicheskaya interpretaciya [Three diseases and three paradoxical abilities: a systemic psychological interpretation] //Sistemnaya psihologiya i sociologiya. — 2019. — № 1 (29). — P. 5-16.
- Slabenkova G.K i dr.* Posttravmaticheskij rost: teoreticheskij analiz problem [Posttraumatic growth: a theoretical analysis of the problem] //Vestnik KazNU. Seriya psihologii i sociologii. — 2014. — Т. 49. — №. 2.
- Skryabin V.YU.* ZHizn' i tvorchestvo Edvarda Munka: vzglyad psihiatra [The Life and work of Edvard Munch: a psychiatrist's view] //Psihicheskoe zdorov'e. — 2019. — № 11. — P. 81-86.
- Sinatorov A.L.* Mul'tikul'turalizm kak forma integracii duhovno-nravstvennyh kachestv i norm povedeniya, prisushchih sovremennym obshchestvam [Multiculturalism as a form of integration of spiritual and moral qualities and norms of behavior inherent in modern societies] //Social'no-pedagogicheskie tekhnologii v socializacii budushchego professionala, — 2021. — P. 76-87.
- Tanasejchuk A.B.* «Na polyah» biografii Dzheka Londona [«In the Margins» of Jack London's biography] //Literatura dvuh Amerik. — 2018. — №4. — P. 72-77.
- Tiganov A.S.* Ernest Heminguej [Ernest Hemingway] //Psihiatriya. 2014. № 1. P. 70-73.
- Fedunina N.YU.* Ponyatiya ustojchivosti k travme i posttravmaticheskogo rosta [Concepts of injury resistance and post-traumatic growth] //Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya. — 2006. — Т. 14. — №. 4. — P. 69-80.
- Frejd Z.* Hudozhnik i fantazirovanie. [The artist and fantasy] М.: Respublika. — 1995. — 400p.
- Fruckaya I.V., Andreeva I.N.* Vzaimosvyaz' posttravmaticheskogo stressovogo rasstrojstva s tvorcheskoj aktivnost'yu, zhiznestojkost'yu i nervno-psihicheskoy adaptaciej [The relationship of post-traumatic stress disorder with creative activity, resilience and neuropsychic adaptation] //Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki. — 2017. — № 7. — P. 117-121.
- Chachko S.L.* Problema posttravmaticheskogo rosta: popytka teoreticheskogo analiza [The problem of post-traumatic growth: an attempt at theoretical analysis] //Visnik Odes'kogo nacional'nogo universitetu. Psihologiya. — 2010. — Т. 15. — №. 11. — P. 140-148.
- Chugunov D.A.* «Kosyaki» i travmy: razmyshleniya o tvorchestve Gerty Myuller [«Shoals» and injuries: reflections on the work of Herta Muller] //Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nyh i kul'turnyh issledovanij. — 2022. — Т. 7. — № 1. — P. 17-33.

- Yung K.G., Nojmann E.* Psihoanaliz i iskusstvo [Psychoanalysis and art]. M.: Vakler, 1996, 304 s.
- Yakovleva E.L.* Detskie travmy kak istok tvorchestva Sal'vadora Dali [Childhood traumas as the source of Salvador Dali's creativity] //Psihologiya i Psihotekhnika. – 2022. – № 1. – P. 80-93.
- Yashina O.S.* Lichnost' i bezumie v tvorchestve V. Vulf (na primere romana «Missis Dellouej») [Personality and madness in the work of V. Wolfe (on the example of the novel «Mrs. Dalloway»)] //VESTNIK. – 2020. – P. 443-450.

Информация об авторе

Никитин Илья Юрьевич, магистр искусств в области интегральной психологии, специалист в области организационной психологии, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1806-1740>, e-mail: nikitin.ilia89@gmail.com

Information about the author

Ilia Yu. Nikitin, Master of Arts in Integral Psychology, Specialist in Organizational Psychology, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1806-1740>, e-mail: nikitin.ilia89@gmail.com

Получена: 13.12.2023

Принята в печать: 01.03.2024

Received: 13.12.2023

Accepted: 01.03.2024

Ежеквартальный научный журнал
«ПОЗНАНИЕ И ПЕРЕЖИВАНИЕ»

Учредитель и издатель:
НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»

Адрес редакции и издательства:
Российская Федерация, 121170, г. Москва,
Кутузовский проспект, д. 34, стр. 14

Телефоны:
+7 (495) 782-39-99, 782-34-43

E-mail:
cogexpjournal@gmail.com

Сайт:
inpsycho.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-78205 от 20.03.2020 г.

*Все права защищены. Все материалы, опубликованные в журнале,
являются собственностью Московского института психоанализа
и защищены авторским правом. Их использование разрешается только
в личных некоммерческих целях после получения письменного согласия от редакции журнала*

Quarterly scientific journal
“COGNITION & EXPERIENCE”

Founder and publisher:
Moscow Institute of Psychoanalysis

Address of the editorial office and publishing house:
Russian Federation, 121170, Moscow,
Kutuzovsky prospect, 34, building 14

Phones:
+7 (495) 782-39-99, 782-34-43

E-mail:
cogexpjournal@gmail.com

Website:
inpsycho.ru

Mass media registration certificate:
PI № FS77-78205 dated 03/20/2020

*All rights reserved. All materials published in the journal are the property
of the Moscow Institute of Psychoanalysis and are protected by copyright.
Their use is permitted only for personal non-commercial purposes
after obtaining written consent from the editorial board of the journal*